

Ирина Мальцева

Билет в одну сторону

Роман

16+

Ирина Мальцева
Билет в одну сторону

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Мальцева И. Н.

Билет в одну сторону / И. Н. Мальцева — «ЛитРес: Самиздат»,
2007

История двух женщин, которые поменялись местами: одна из 21 века попала в начало 19 века, другая - из 19 в 21 век. Теперь каждой придется решать проблемы своей предшественницы. Им трудно адаптироваться в чуждом времени, но любовь помогает и той, и другой. В конце они узнают о судьбе друг друга.

Содержание

Смерть	5
Воскрешение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Смерть

В последнее время, чуть не каждую ночь Анне снится покойная бабушка. Во сне знакомая до мельчайшего пятнышка рука, отягощенная перстнями, стучит в окно и манит, манит её. Лицо у бабушки доброе, приветливое, а подойти к окну Анне почему-то страшно. Чудится, что хочет покойница что-то важное сказать, о чем-то предупредить. Глаза говорят, а губы не шевелятся.

Бабушка, милая бабушка, куда зовешь меня, от чего предостерегаешь, закричит во сне Анна. От звука собственного голоса проснется, глянет в окно, как будто ожидает, что бабушка до сих пор там, и зальется слезами – на этом свете им уже не свидеться.

Анна Лыкова, дочь Афанасия Петровича Лыкова, в свои 17 лет удивляла родителей и окружающих серьезностью, тягой к книгам, которые отец во множестве привозил с ярмарок. Была она набожна, часто посещала монастырь, не пропускала ни одной службы в домашней церкви. При этом была далека от мистики и суеверий, осуждала гадания и прочую святочную чепуху.

Но постоянно повторяющийся сон вселял в сердце девушки тревогу, вызывал нехорошие предчувствия.

С какой стороны ждать беды? В чем провинилась перед Богом ли, перед покойной ли бабушкой?

Была Анна ласковой и послушной дочерью, доброй барыней к крепостным, веселой подругой для дочерей соседей-помещиков. Ее охотно приглашали на все праздники, и хоть была она уже девицей на выданье, но, скромная и благонравная, не представляла опасности в соперничестве за выгодными женихами. Так с какой же стороны беды ждать?

Все еще под впечатлением сна, Анна подошла к окну и приложила свою тонкую в голубых жилках кисть как раз напротив того места, где прикасалась к стеклу рука старой барыни. Холод стекла прогнал остатки тревожного сна, и она распахнула окно. Ощувив на лице и груди утреннюю прохладу, она уперлась ладошками в подоконник, и чуть ни до половины высунулась в сад.

Конец лета. Буйство красок, аромат фруктовых деревьев и цветников, оглушительное щебетанье птиц, гул насекомых – все это тихой лаской легло на сердце, успокаивая его, вытесняя из души дурные предчувствия.

Год назад в такой же солнечный день позднего лета покинула белый свет и свою внучку Аннушку Елизавета Федоровна Лыкова. Окончила свой земной путь богатая вдова и рачительная помещица, справедливая судья в спорах соседей, строгая мать своим детям и нежная бабушка внукам. Оставшись вдовой в 36 лет, она по-деловому сумела распорядиться тем, что ей оставил муж. Приумножала богатство не жестокой барщиной, как другие помещики, а исключительно умелым руководством и бережливостью.

Когда выросли дети, Елизавета Федоровна, по мнению многих, мудро распорядилась капиталом. Женив старшего сына, выделила ему богатое Лыково с крепостными да конный завод, известный в округе отборными рысаками. Дочери Варваре, обратившейся к Богу и решившей уйти в монастырь, дала богатый взнос. Теперь та, в монашестве сестра Евпраксия, занимает почетное место библиотекаря в монастыре.

Суровая на вид, строгая в обращении с другими, Елизавета Федоровна души не чаяла в младшей дочери своего сына, Анечке. Забрала ее от родителей сразу после крестин, растила, холила, не жалея своего любвеобильного сердца и нежной души.

– Цветик мой ненаглядный, – все шептала бабушка, целуя мягкие волосики или бережно поглаживая щечки спящей внучки. – Ты мой свет в окошке, моя отрада на старости лет. Никому в обиду не дам.

Возможно такая любовь и такая привязанность Елизаветы Федоровны исходили из того, что с малолетства лицом Анечка походила на ее собственную мать. Только по рассказам старой няньки знала Лизавета, что ее отец, морской офицер, из дальнего заграничного похода привез уже на сносях жену, невиданную в этих местах – то ли цыганку, то ли испанку. Свою мать Лизавета знала лишь по портрету и чужим рассказам.

С единственного портрета, украшавшего стену в родительской спальне, смотрела на маленькую Лизу смуглая женщина, с волной высоко заколотых черных кудрей, острым длинным носом, огненными глазами и бледными губами. Живописец изобразил ее с маленькой гитарой в руках, одетой во все черное, в черной же кружевной накидке, прикрепленной гребнем, украшенным драгоценными камнями.

Для родных и соседей она была и осталась чужачкой, заморской девкой. Нянька рассказывала, что за свои странные повадки да необыкновенные голос, который слышали по ночам оказавшиеся поблизости от усадьбы крестьяне, считали ее ведьмой. После ранней смерти чернокудрой красавицы все жалели барина, убивающегося от горя, и недоумевали: ни на кого до самой смерти не смотрел Федор Никитич. Сам воспитывал свою единственную дочь Лизу, лелеял ее и берег.

Давно в округе забыли о цыганке-испанке, но Лизавета в сердце своем сохранила чудный образ матери, до смерти звучал в ней божественный голос, не стирались из памяти слова нездешней грустно-страстной песни.

Елизавета Федоровна пошла в родню отца. Светловолосая, голубоглазая, с пышными формами русская красавица, царица на всех балах в губернии не долго сидела в невестах. Жених к ней посватался под стать: богач, скотопромышленник, весельчак и красавец. Немало девичьих слез пролилось в тот день, когда вел он молодую жену из-под венца, раздаривая толпе у церкви горстями медные и серебряные деньги.

Судьба им подарила 15 счастливых лет в любви и согласии. Нелепый случай унес жизнь хорошего человека, но Лизавета осталась верна ему до гроба, как обещала перед алтарем. И как она обожала своего мужа, такой же любовью одарила свою внучку Анечку, которая с малолетства внешностью напоминала свою прабабку испанку.

В воспитании внучки Лизавета Федоровна повторила своего отца. Тот серьезно обучал ее саму премудростям ведения хозяйства, заставлял постигать хитрости денежного оборота, поручал ей вести толстенные grossбухи. Лизавета во всем оправдала усилия отца: могла еще весной предвидеть, каким будет урожай зерна, цена на лошадей в ближайшую ярмарку, на глаз определить качество сена в стогах. Деловые люди не видели ничего зазорного в том, чтобы посоветоваться с Лизаветой по сложным земельным или тяжбным делам. К ее слову прислушивались, ценили ее острый ум и расчетливость. Мужу молодая жена принесла небольшое приданое, зато как равная встала она с ним рядом и помогала управлять обширным хозяйством, была бережлива, рассудительна.

К той же стезе готовила она и внучку. Хотя это могло показаться кому-то странным – ведь был сын Афанасий.

Действительно, после смерти мужа Лизавета Федоровна все свои надежды связывала со старшим сыном. Но тот пошел не в родителей. Его больше интересовали ратные подвиги да веселые гулянья. Был он безрассудно смел, азартен в бою и безразличен к смерти.

В дни, когда приезжал он к матери в Щелоково, барский дом гудел от бесконечных вечеринок, балов и мальчишников. А уж барышни липли к нему... Еще бы: красавец, лихой офицер, прекрасный певец романсов... Лизавета Федоровна мечтала, что Афанасий вскоре женится и остепенится, станет радеть о хозяйстве. Сама и невесту приглядела ему. Дочь ее давнего знакомого Куприяна Немыкина, Александра, во многом походила на саму Лизавету Федоровну: умна, скромна, рассудительна, в речах сдержанна. Знала Лизавета Федоровна, что Александра после того, как мать ее померла, вела дом рачительно, следила за младшими

сестрами, помогала отцу. Жили они, конечно, небогато, и приданного за Александрой, почитай, никакого не было. Но запала девушка в душу помещицы Лыковой, и решила та, что лучшей невесты и не сыскать. Исподволь стала готовиться к свадьбе, планировать будущее. Сыну выбранная матерью невеста пришлась по душе, и Афанасий на правах жениха ездил в дом к Немыкиным чуть ни ежедневно.

Но правду говорят: человек предполагает, а Бог располагает. За неделю до свадьбы случилось несчастье с Александрой: упала она с крутой лестницы, зашиблась сильно. Уж не чаяли ее и в живых видеть, но Бог милостив, оклемалась. Но уж так невестой и осталась. Горб стал расти у бедной – какой уж тут венец! Правда, Лизавета Федоровна это за малый недостаток только и посчитала, но Афанасий другое дело. Хоть и жаль ему было Сашу, но просил у нее прощенья, что не сможет жениться.

Недели не прошло, как объявил Афанасий, что женится. И на ком же? На сестре Александры, Анастасии, что на четыре года моложе своей сестры была. Афанасий вдруг сам не свой стал от любви. Да и то сказать, хороша была Анастасия: кровь с молоком, глаза, как озера, стан как у статуи, весела, жизнерадостна. Но Лизавете Федоровне не показалась молодая. Углядела, что глаза у новой невесты с хитринкой, алый ротик порой скривится брезгливо, мраморное плечико так и играет в присутствии посторонних мужчин. За словом в карман Анастасия не лезла, а уж рядится любила! Но делать нечего – сын выбрал, надо любить невестку. Свадьбу пышную сыграли.

Одарила Лизавета Федоровна после свадьбы молодых по совести. Как сыр в масле кататься! Но молодая жена недовольна осталась. Мечтала она полновластной хозяйкой стать, все лыковские капиталы к рукам прибрать, а свекровь на покой отправить, чтобы не мешала. Но не тут то было. Лизавета Федоровна из рук капиталов не выпустила, а сыну выговорила, что не по чину молодая жена хозяйничать начала. Афанасий стал оправдываться, и тут только увидела Лизавета Федоровна, что сын ее, лихой вояка, под каблук женушки попал, да как быстро! Стала Анастасия вертеть им по своему усмотрению, со свекровью спорить.

Немного времени прошло, молодые в Лыково жить переехали. Ждала Лизавета Федоровна, что невестка развернется вовсю, хозяйствовать начнет, расцветет Лыково пуще прежнего. Но не тут-то было. Деньги у молодых как сквозь пальцы текли. На замечания и советы свекрови Анастасия только глаза щурила, упрекала, что власть свекровь не отдает. Лизавета Федоровна к молодым ездить перестала, в гости не звала. Скрепя сердце приехала только, когда Павел, внук, родился.

Довольная бабушка крестины хорошие справила, гостей собирала в Щелокове, угощение было на славу. Подумалось тогда Лизавете Федоровне, что внук примирит их со снохой. Не получилось.

Хотя, когда Афанасий уехал надолго по делам в Оренбург, Анастасия к свекрови перебралась. Жили, не ругались, вместе читали редкие письма от Афанасия. Но вдруг как гром с ясного неба! В одночасье собралась Анастасия и укатила в Лыково.

Что за причина? Никто не узнал. Судили, рядили, а тут вскоре и Афанасий Петрович вернулся. Жизнь потекла как раньше.

Перед тем, как родиться Анечке, месяцев за пять, наверное, отправила Лизавета Федоровна сына в далекие степи за молодняком для конезавода. Анастасия вновь поселилась у свекрови. Анечка родилась, а через неделю вернулся Афанасий и забрал жену и малютку в Лыково. В день крестин внучки приехала к сыну Лизавета Федоровна. Гости только из церкви, а она уже приказала собрать младенца и, ничего не объяснив, увезла малютку. С тех пор ноги ее не было в Лыкове. А сын со снохой навещали ее, особенно, когда была у них нужда в деньгах.

За все 17 лет, что прожила Анна у бабушки, ни разу родители не позвали ее домой. Сама она полюбила Щелоково всей душой и со страхом ожидала дня, когда придется ей покинуть милый дом, чтобы поселиться в доме будущего мужа. За годы, что Анна провела в доме Ели-

заветы Федоровны, она многому научилась. Впоследствии могла бы заменить свою воспитательницу и управлять огромным хозяйством без робости.

Анна тяжело пережила смерть бабушки, несколько недель была сама не своя. Особенно тяжело ей пришлось, когда покидала ставшим родным белокаменный, построенный дедушкой дом, и переезжать к родителям, за много лет привыкшим к мысли, что о дочери есть кому позаботиться и кроме них. Не почувствовала Аннечка родительской любви и тепла, как чужая бродила по отчужденному дому, проливая слезы по нежному сердцу старой барыни.

Вся сжималась бедная, когда в доме родителей поползли слухи, что бабушка умерла странной, таинственной смертью. Будто ее нашли поутру в спальне перед иконостасом с разбитой головой, а по обе стороны головы лежали половинки треснувшей пополам старой иконы. Анечка не верила, что бабушку убила икона, хотя своими глазами видела, как мать передавала приглашенному в дом священнику что-то завернутое в белое полотно, как раз по размеру иконы. Она гнала от себя все дурные мысли, неприкосновенным сохраняя в памяти и в сердце образ милой бабушки.

Очнувшись от горестных дум, Анна закрыла окно и встала на колени перед иконами. Долго молилась. Слезы текли по бледным щекам, лампадка розового стекла показалась ей чьим-то страдающим сердцем, запах белого воска рождал в глубине души печаль и острую боль утраты. Солнечные блики играли на богатых окладах икон, оживляли суровые лики святых.

– Боже, милостив буди мне, грешной, спаси, защити, укажи путь. Бабушка, заступись за меня перед Богом.

Прошептав последние слова молитвы, Анна смиренно распростерлась на полу, раскинув руки. Но нет в ее душе покоя, и молитвы не приносят облегчения истерзанным нервам. Не о спасении души, а о странном сне ее мысли.

Анна поднялась, снова поглядела в окно, вздохнула. Пора.

Тронула колокольчик, и чистый звук наполнил спальню. Через минуту появилась горничная Катя. Она вначале уложила черные, отливающие на солнце атласом волосы, потом помогла надеть любимое платье барышни цвета неспелого лимона, на плечи – легкую кружевную накидку. Катя болтала всякий вздор, чтобы вывести барышню из задумчивости, но Анна лишь печально глядела на нее, не поддерживала разговор.

Жестом отпустив Катю, Анна еще с минуту стояла посреди комнаты, припоминая подробности странного сна. Потом вздохнула, низко поклонилась иконам и вышла из девичьей навстречу новому дню, полному не столько беззаботными радостями, сколько упреками, недовольными взглядами и шепотками за спиной.

Ох, не любят меня в этом доме, с горечью думала Анна, входя в столовую. Она опустила смиренно голову, тихим шагом приблизилась к столу, смиренно поцеловала руку матери, отцу подставила лоб для поцелуя, ласково поздоровалась со старшим братом, Павлом Афанасьевичем, и, как чужая, села за стол.

– Долго спите, сударыня, – не скрывая своего утреннего раздражения, проговорила Анастасия Куприяновна. – Вот что значит беззаботное житье.

Анна ниже склонила голову к тарелке. Глаза покраснели от непрошенных слез, дышать стало трудно. Уйти бы, с тоской думала она, а нельзя – еще сильнее рассердишь маман.

– Конечно, – продолжала мать, – богачи могут позволить себе до обеда валяться на перинах. Им и дела нет, что родители головы ломают, как свести концы с концами, как с долгами расплатиться да не наделать новых. Денежки бабушкины голову вскружили.

– Голубушка, Анастасия Куприяновна, – заговорил Афанасий Петрович, – девочка в чем же виновата? Это было матушкино решение.

– Как же не виновата? – почти срываясь на крик, заспорила жена. – Как не виновата? Окрутила свекровушку, отвела ей глаза, – голос наливался ядом. – Кроме Анечки никого и видеть не хотела. А разве Павлуша не внук ей?

– Маман, ну что вы, право, – заступился молчавший до сих пор любимец родителей и всех девиц на выданье синеглазый красавец Павел Афанасьевич. Длинными ухоженными пальцами он поглаживал изогнутую линию пшеничных усов, вертел изукрашенную серебряными полоскам старинную трубку. – Сестрица и впрямь не виновата, что бабушка оставила ей все, а обо мне позабыла. Жил бы я с ней, может, мне бы все досталось, и теперь бы вы сестрицу жалели

– Что ты, Павлуша, Господь с тобой... жил бы у бабушки... Да я бы без тебя и дня не прожила в разлуке.

– Но ведь живете, когда уезжаю?

– Да разве жизнь без тебя? – Анастасия Куприяновна положила ладонь на пышную грудь. – Как подумаю, где мой сынок ненаглядный, хорошо ли ему, всего ли в достатке? Готова ле-теть птицей в Петербург, чтобы быть с тобой, голубчик Павлуша.

– Ну что вы, маман! Не маленький уже. Меня в полку ценят за храбрость да удаль, а здесь вы меня недорослем хотите представить.

– Что ты, что ты милый, ты у нас герой. Но посуди сам: тебе в Петербурге деньги нужнее, чем здесь сестре. – Она с грохотом отставила чашку и вонзила взор в Анну. – Уж если только она кого хочет прельстить своим приданым, заполучить жениха. Красотой не взяла, так хоть приданым приманит, – со злым смешком закончила Анастасия Куприяновна.

Анна не поднимала низко опущенной головы. Не только лицо и уши, но и шея, грудь залились румянцем. Пробормотав «прошу прощения», она вскочила, опрокинула стул и, не видя ничего перед собой, ринулась к двери.

– Что, правда глава колет, – неслось ей вослед.

Анна скорым шагом пошла к двери, не ответив на почтительный поклон старого привратника Власа.

Вон из дома! Подальше от злых глаз матери и виноватых отца. Господи, да за что мне это? Исчезнуть бы, стинуть, чтоб не видеть, не слышать ничего.

Освободившись от цепких глаз Анастасии Куприяновны и ее незаслуженно злых слов, Анна украдкой отерла глаза и поспешила к заветному месту в саду, где любила сидеть одна, мечтая о будущем.

Раньше будущее ей представлялось радостным и счастливым, и в нем всегда присутствовал рядом с нею Он. С ним и только с ним связывала в мечтах Анна свою жизнь. Она и место это в саду любила за то, что отсюда была видна дорога к имению милого друга Владимира. Часами могла смотреть, как ровной лентой убегала через поле пустынная дорога, а ей мерещилось, что по ней летит вороной конь с красивым седоком. А в руках его обязательно розы. Мечты, мечты...

Сегодня же ее мысли занимало другое. Вспомнила Анна день, когда было оглашено завешание ее бабушки Елизаветы Федоровны Лыковой. Согласно воле покойной, имение Щелоково, конезавод, деревни с тысячами крепостных, мельницы и молотилки, сотни тысяч черноземных земель, торговые ряды в губернском городе да капитал в триста тысяч золотых рублей переходили по наследству внучке, Анне Афанасьевне Лыковой, безраздельно. По условию завешания, вступить во владение всем этим богатством она могла, лишь выйдя замуж или по достижении 25 лет. До этого времени блюсти ее интересы было доверено управляющему имением Щелоково Акинфию Романовичу Комову и поверенному в дела Леопольду Витальевичу Калугину, что составил это завешание.

С того-то дня, показалось бедной девушке, что равнодушие родителей, особенно матери, превратилось в гжучую досаду и даже ненависть. И причина была понятна: сын Павел обходился родителям дорого, требуя все больше и больше на экипировку, молодецкие утехы и покрытие карточных долгов. А имение из-за нерадивого управления не могло давать достаточно средств. Приходилось продавать то бор строевого леса, то деревню, то искусных масте-

ров из числа крепостных. Родители были в долгах и, конечно же, надеялись, что наследство после старой барыни достанется Афанасию Петровичу как единственному сыну.

Про сестру Варвару и не вспоминали. Что ее считать? Она себя Богу посвятила, о мирском не думала, трат не имела.

После того, как было зачитано завещание, мать и дочь в голос зарыдали. Анна – от мысли, что никогда не увидит любимую бабушку и мудрую воспитательницу, Анастасия Куприяновна – от несбывшихся надежд на поправление семейных дел. Как же ей после этого любить дочь, если та стала завидной невестой, имение их пойдет с молотка за долги, и никогда не сбудутся её честолюбивые планы относительно Павлуши.

... Анна мотнула головой, стряхивая непрошенные слезы. Чтобы успокоить забившееся от печальных воспоминаний сердце и отвлечься от тяжелых дум, огляделась.

Щедрое лето, будто напоказ, выставило свои богатства, приглашая воспользоваться ими, пока серые осенние дожди да ранние заморозки не уничтожат цвет и сладость августа. Райский сад, эдем, созданный для влюбленных, подумала она и невольно улыбнулась, представив, как идут они с Владимиром по узким тропкам сада, любуются поздними розами, он читает ей стихи. А потом ...

Тут с дерева сорвалось крепкое румяное яблоко и звонко ударилось о деревянную скамью. Анна вздрогнула от неожиданности. Яблоко подскочило и скатилось в пожелтевшую траву. Девушка нагнулась, отыскала прохладный плод, поднесла к лицу. Как пахнет! А ведь завтра Преображение, пришло в голову, надо яблок свезти тетке Варваре. Она большая охотница до них.

На память пришло, как несколько лет подряд они с бабушкой ездили в монастырь к монахиням, отвозили огромные корзины налитых медовым соком красных и жемчужно-белых яблок. Как одуряюще пахло в карете, как кружились над ними пчелы, утробно гудя и заставляя прикрывать платочком лицо и руки. Жизнь под крылом бабушки казалась такой же солнечной и ароматной, как день Преображенья.

Бедная бабушка, хотела ты меня сделать богатой и счастливой, а где оно это счастье? Собственная мать готова со свету сжить, отец боится слово поперек ей сказать. Брат, хоть и относится тепло и ласково, а все равно является невольной причиной отчуждения между ней и семьей.

Когда начались попреки матери, Анна сгоряча хотела отказаться от своего права на наследство, да бабушка мудро предусмотрела, что ранее 25 лет не сможет внука распоряжаться капиталом и всем остальным. Ну, а если замуж выйдет, то наследство перейдет к мужу. Он будет в полной власти пользоваться приданым жены, и опять родители ничего не получат. Что за причина была у бабушки так поступить, никому теперь не известно, но не доверила она нажитое своим мужем и преумноженное ею самою сыну да снохе. Бывало, вслух мечтала бабушка, что принесет свое приданное внука хорошему человеку, будут они жить счастливо, как когда-то она с Петром. Уж не скажут об Анечке – «бесприданница».

Сидя в саду, представляла Анна себе своего будущего мужа милым, ласковым, нежным юношей, увлеченным поэзией и музыкой. Вставал перед глазами образ Владимира Григорьевича. Щурова, сына их соседа по имению. Сентиментальный молодой человек с томным взглядом, изысканными манерами и образованной речью пленил воображение молодой провинциалки. Вот уже год, как они переписывались, а быстрые ноги горничной протоптали тропинку между имениями, в срок доставляя записки.

Изящный слог французской речи заставлял замирать сердечко Анны, от случайного прикосновения где-нибудь при встрече голова девушки шла кругом, руки холодели, а щекам, напротив, становилось жарко. Видимо, огонь в глазах ее выдавал, и замечала она тень испуга на милом румянном лице Владимира. Бедный, с нежностью думала в эти минуты Анна, чего он боится? Какой несмелый, скромный.

Находясь в плену своего чувства и не имея никакого опыта в любовных делах, она не замечала недостатков в своем избраннике. Более того, верила, что в решительную минуту от Владимира можно ждать решительного поступка. Как часто грезила Анна, что спасает ее Владимир то от злых разбойников, то от стихии. А то привидится ей, как он выносит ее на руках из горящего дома, или кидается в бурное море за ней. Хотя где взяться морю в их сухопутной губернии?

Погрузившись в воспоминания, Анна так тихо и неподвижно сидела на нагретой солнцем скамье, что птицы, нисколько не боясь, опускались рядом, перепархивали с куста на куст, чуть не задевая крылышками ее головы и плеч, озорно поглядывая круглыми глазками-искринками в розовых ободках.

– Барышня, барышня, – слышит Анна. За деревьями мелькнуло цветастое платье горничной. – Барышня, вас маменька зовет.

– Зачем?

– Боюсь говорить, расстроитесь вы сильно.

– Ну, говори, не тяни.

– Князь приехал... Князь Ногин, – горничная приложила ладони к щекам, а глаза смотрели на Анну со смешанным чувством восторга и сострадания.

– Боже! – ноги Анны ослабели, губы в момент побелели. Ноги ослабли, и она вновь рухнула на скамью, с которой за мгновение до этого вскочила.

– Голубушка, Анна Афанасьевна, да что с вами, на вас лица нет. Не убивайтесь вы заранее, может, и не решится ничего,

– Ох, чую, продаст меня маменька злому старику, – бессильные слезы покатались по бледным щекам девушки. – Ох, погибну я. Бабушка, милая, помоги, защити меня несчастную!

– Бог с вами, барышня, кто же мертвых призывает. Вот еще ночью привидится, до смерти испугаться можно.

Анна повернулась к горничной.

– А мне, Катя, бабушка и так снится часто. Все манит к себе.

– Чур, меня, – закрестилась Катя. – Вы, барышня, в монастырь поезжайте, помолитесь за упокой рабы Божией Елизаветы, может, она вас и оставит. А то всякие случаи бывали... Мне маменька покойная рассказывала, что если во сне покойник живого зовет, непременно заберет. Только усердная молитва и спасает.

– Катя, Катя, если меня за старика отдадут, не лучше ли умереть?

– Не говорите так, барышня, грех это. Даст Бог, все образуется, и выйдете вы замуж за молодого и привлекательного. – Катя была в курсе любовных мечтаний барышни. – Ну, вот вы и заулыбались. Вытрите слезы, пойдемте быстрее, а то родительница ваша рассердится. Не привыкла она, когда ее заставляют ждать.

Анна не хотела встречаться с князем, но и послушаться матери не могла. А еще в сердце ее жила надежда, что Владимир не даст ее в обиду, поступит как герой из книжки.

От этой мысли она покраснела и тайком взглянула на горничную: не догадалась ли? Даже Катя не знала, что в последнем письме барышни, которое она отнесла два дня назад Владимиру Григорьевичу, Анна сообщала о подслушанном ею разговоре между отцом и матерью...

– ...по миру нас пустит.

– Князь-благородный человек, – послышался робкий голос отца, – подождет. Хлеб продадим, рассчитаемся.

– Не дело говоришь, Афанасий Петрович, – сурово звучал голос Анастасии Куприяновны. – Не покроешь этим долга, да и деньги опять понадобятся, а взять их будет неоткуда. Один выход – сосватать Анну, а с князем договориться, чтобы по-родственному простил нам долг.

– А, ну, как не согласится? – с сомнением вздохнул отец.

– А это уж я на себя беру, уговорю. Князь двух жен схоронил, третью ищет. На нашу засмотрелся. Если правильно дело повести, так можно до свадьбы попросить, чтоб он нашу расписку вернул.

– Стар он, – встал на защиту дочери Афанасий Петрович. – И плохо о нем говорят...

– Стерпится-слюбится, – оборвала его жена. – Зато княгиней станет наша Анна Афанасьевна. Глядишь, с нами и знаться не будет, – со смехом закончила разговор жена.

И слышно было, как она направилась к двери кабинета, уверенная, что возражений со стороны мужа, не последует. И оказалась права – муж промолчал, только недовольно покашливал да бубнил что-то себе под нос.

Ах, маменька, задыхнулась от обиды Анна, старику меня хочешь отдать. Как крепостную, за деньги.

Кинулась она тогда к себе в комнату, прямиком к столу. Свою боль, свое отчаяние излила в письме к дорожному Владимиру. Посватайся или увези тайком! Лицо Анны горело, и неизвестно было отчего: от обиды на мать или от стыда, что напрашивается в жены молодому человеку. Да выхода не видела, помощи больше ждать неоткуда.

Два дня прошло, как горничная отнесла письмо, а ответа все не было. Но верила Анна, что спасение придет, и решила быть твердой в разговоре с матерью и навязываемым женихом.

Родители и гость расположились в гостиной. Анна Афанасьевна интуитивно подошла поближе к отцу. Подняв голову, она увидела сидящую на оттоманке мать, а рядом с ней невысокого толстяка с багровым лоснящимся лицом, коротенькими ножками, толстыми ляжками, коротенькими ручками с растопыренными пальцами. Но что больше всего поразило Анну во внешности гостя, так это красные, налитые кровью выпученные глаза и широкий, от уха до уха, но безгубый рот.

Жаба, первое, что пришло в голову Анне, настоящая жаба, только бородавок не хватает.

В самом деле, гость внешне напоминал раздутую жабу, наряженную в богатые одежды. Князь излеществовал в еде и напитках, вел малоподвижный образ жизни, характер имел злобный. Из-за своей противоестественной тучности князь страдал одышкой, сильно потел, огромный живот не позволял ему сидеть, как все, поэтому он всегда разваливался в кресле или на диване и еще больше походил на странное животное, волей судьбы притворявшееся человеком.

– Милый князь, позвольте мне представить вам свою дочь Анну, – бархатным голосом проговорила Анастасия Куприяновна, выразительно глядя на дочь.

Анна присела в реверансе, но постаралась не встретиться с гостем взглядом. А он буквально пожирал ее глазами. В своем простеньком домашнем платье (Анна не считала нужным переодеться), с гладко зачесанными волосами, открывающими высокий лоб и нежный овал лица, девушка выглядела гораздо моложе своих семнадцати лет. Была похожа на ангела небесного, которого за грехи низвергли на землю: руки как сломанные крылья, склоненная к одному плечу голова, детски беззащитный взгляд.

Хороша, шумно выдыхая воздух, думал князь, характерным жестом купчины потирая короткопалые ладони. И видать, покорна родительской воле. Ну, да это неважно, у меня любая необъезженная кобылица покорной становится. Не я, так Фролка обротаает.

Анна исподлобья глянула на князя, и будто могильным холодом подул на нее. Ей вдруг увиделась ее судьба, незавидная, убийственная.

Душегуб проклятый, ахнула про себя девушка. Двух жен в могилу свел и меня готов туда же?! Ну, уж нет! В монастырь уйду, в омут брошусь, но за тебя, жабу, никогда.

Князь постарался встретиться с ней глазами, а когда ему это удалось, не смутился от мелькнувшей в них ненависти и презрения, а довольно усмехнулся. Потом, с трудом выпростав свое тело с мягкого сиденья, мелкими шажками подошел к Анне и склонился перед ней в поклоне. Подчеркнуто бережно взяв руку Анны, он легко прикоснулся к ней губами. Но даже

от этого почти незаметного прикосновения крупная дрожь прошла по всему телу девушки, будто и впрямь жаба прикоснулась своей влажной пастью. Князь заметил реакцию девицы и в наказание еще раз поднес руку Анны к губам.

– Вот и, слава Богу, – умиленно проговорила Анастасия Куприяновна, – вот и познакомились. Я уверена, князь, что вы станете частым гостем у нас.

– Мне, матушка Анастасия Куприяновна, – все еще держа Анну за руку, проговорил князь, – разъезжать по гостям некогда, да и не вижу причины. Человек я немолодой, с одного взгляда людей разли-чаю. Ваша дочь (он снова приложился к руке девушки) чудо как хороша. Я не сомневаюсь, что она станет достойной хозяйкой в моем доме. Послушание и тихий нрав я высоко ценю и отблагодарю вас, досточти-мая Анастасия Куприяновна, за то, что вырастили сей прекрасный цветок на радость всем.

Произнося это, князь тяжело со всхлипами дышал, поминутно утирал лицо большим платком и смешно поводил круглой головой, будто хотел освободиться от тугого воротничка, подпирающего его отвислые щеки.

– Ступай, – приказала мать Анне, – переоденься. – Потом другим голосом: – Вы, князь, не откажитесь отобедать с нами? А после обеда, за рюмочкой бенедиктина, и обсудим наши дела.

– Располагайте мной, любезная хозяйка, – одним ртом улыбнулся гость. – А если Анна Афанасьевна еще и на фортепьянах поиграет нам, то ... – князь театрально прижал руки к груди, выражая степень своего довольства.

Крутнувшись на месте, так что платье обвило стройные ноги, Анна выскочила из гостиной и кинулась по лестнице к себе в комнату. Она больно терла руку о платье в тщетной надежде стереть мерзкий поцелуй гостя.

– Жаба, жаба, – со смешанным чувством омерзения и страха вслух кляла толстого князя бедная девушка. – Не видать тебе меня! В ноги батюшке кинусь, из дому убегу, но не дотронешься ты до меня!

Взлетев по крутой лестнице, рывком открыла дверь и рухнула на постель, отчаянно рыдая и колотя кулаками по подушке.

– Не убивайтесь так, барышня, – раздался над ней тихий голос Кати, – глаза покраснеют, барыня недовольна будет. Давайте я вас причешу, помогу переодеться. Дай Бог, все еще может перемениться.

– Ах, Катя, Катя, что изменится? – Анна села. – Была б моя воля, отдала б все свое наследство да купила бы себе свободу.

– Вы ведь не крепостная, что о свободе говорите?! – упрекнула Катя.

– Как же не крепостная?! Да я для маменьки хуже дворовой девки. Она готова за старика меня отдать, живьем в землю закопать, только б до денег добраться.

– Барышня, барышня, судьба, видать, ваша такая. А, может, этот...князь... долго и не проживет, умрет на ваше счастье, тогда вы будете вольны выйти за того, кто приглянется вам.

– Ну, что ты говоришь, страсти какие. Умрет...Нет, милая, он не помрет. Сначала меня в могилу сведет. Уморил двух жен, уморит и меня. Оставь меня! Уйди!

Представив свое недалекое будущее, Анна еще безнадежнее зарыдала. Потом кинулась перед иконами на колени, протянула руки к темному лику Богородицы и страстно зашептала:

– Матушка, Пресвятая Богородица, не допусти попасть в руки старика. Уж если прогневила тебя чем, дай умереть непоруганной, не униженной. Бабушка, милая, заступись перед Богом за несчастную внучку свою, Анну, отведи беду неминучую...

Кате было жаль барышню. Правду говорят: не родись красивой, а родись счастливой. Она, как и многие, слышала о князе, что он мучитель, изверг, развратник, безбожник. Но кто спросит с князя, если он и третью жену погубит? Катя тяжело вздохнула и вышла, притворив дверь.

Долго стояла на коленях Анна, молилась и плакала, ломала руки и клала бесчисленно поклоны. Выбившись из сил, рухнула тут же под иконами, впала в короткое тревожное забытие.

И видится ей, что снова бабушка подошла к окну, но не зовет ее к себе, а только тихо улыбається, будто исполнилось то, что было задумано, и бабушка довольна.

Как от толчка вскинулась Анечка, оглянулась на окно: солнце давно за полдень перешло, окрасив небосвод золотистым светом. Не слышно птиц, и даже листья на деревьях не шевелились. Все замерло, как перед решающим действием. Жутко стало Анне, зябко повела она плечами, приподнявшись, потянула со стула легкую шаль, брошенную после утренней прогулки, закутала плечи и подошла к старому серебряному зеркалу.

С потемневшего стекла глядела на нее бледная, осунувшаяся незнакомка с потухшим взглядом, безвольно опущенными плечами и прикушенными бескровными губами.

– Краше в гроб кладут, – усмехнулась вслух, и сама испугалась собственного безжизненного, замогильного голоса. – Надо надеяться, надо надеяться, не может Владимир остаться равнодушным. Он спасет меня, он что-нибудь придумает.

Так она уговаривала себя, а где-то глубоко внутри чей-то чужой голос твердил: погибла, погибла, погибла...

... – Барышня, Анна Афанасьевна, – просунула голову в дверь Катя, – вас маменька зовет. В гневе она.

– Князь в доме еще?

– Нет, с час как уехал. Хотел с вами проститься. Меня за вами посылали, да я сказала, что вы приболели.

– Ладно, иди. Я сейчас.

Кинув последний взгляд в зеркало, Анна плотнее закуталась в шаль и, стараясь ступать твердо, направилась в гостиную. Еще не дойдя до дверей, она услышала крики, стук каблучков по паркету, звуки падающей со звоном посуды.

– Изволила явиться, – встретила ее мать. – Выставила меня перед князем, а теперь и вовсе опозорила!

– О чем вы, матушка? Голова у меня заболела, вот и не спустилась к обеду.

– Лучше б у тебя тогда голова на части разлетелась, когда ты решила повеситься на шею молодому мужчине, когда предлагала себя, как пропащая девка.

– Матушка, я вас не понимаю, – залепетала Анна, предчувствуя страшное.

– Молчи, негодная! Опозорила, перед всеми опозорила! – запричитала мать. – Это моя дорогая свекровушка воспитала тебя в вольности, ты и решила, что сама за себя решать можешь!

Тут она выхватила из-за корсажа листок бумаги, и Анна с ужасом узнала свое письмо, написанное и отосланное два дня назад тому, кто, по ее мнению, должен был выступить ее защитником перед произволом родителей.

– Откуда... – начала она, но замолкла на полуслове.

– Откуда? – с издевкой переспросила Анастасия Куприяновна. – Это ты, бесстыдница, о гордости девичьей позабыла. А Владимир-то Григорьевич – человек скромного поведения, уважительно относится не только к своим родителям. Он и помыслить не мог пойти против уважаемых людей, коими мы с твоим отцом являемся для всей губернии. Переслал твое, с позволения сказать, письмо да приписку сделал, чтобы вразумили тебя, указали на первейшие заповеди молодой девушки: скромность и послушание.

– Он сам послал? – не поверила Анна.

Вместо ответа мать кинула на столик, за который изо всех сил держалась Анна, чтобы не упасть или не пошатнуться, еще один листок. Там хорошо знакомым ей по году переписки

бисерным почерком было написано несколько строк, а внизу стояла знакомая завитушка, которой по обыкновению Владимир заканчивал каждое свое послание.

Анна не могла прочесть ни единого слова. В глазах потемнело, в голове, будто молоток по наковальне застучал, ноги ватные стали. Она задрожала, но последним усилием воли удержалась на краю обморока. Медленно повернулась и, не видя ничего перед собой, побрела, с трудом переставляя непослушные ноги.

Впоследствии она так и не вспомнила, пытался ли кто ее остановить, говорили ли ей что-либо вслед. Ничего не помнила. В ней с утроенной силой зазвучал голос: погибла, погибла, погибла...

Сколько прошло времени, пока она была в беспамятстве, Анна не знала. Но очнулась она на берегу пруда, имевшего дурную славу последнего приюта несчастных жертв любви.

Ранние сумерки. С поля тянет прохладой. В тишине явственно слышатся чьи-то вздохи, будто и впрямь черная вода скрывает бедных утопленниц. Анна склонилась над неподвижной гладью пруда. Из воды на нее глядело лицо тетки-монахини. Ах! Как ошпаренная отскочила от воды, схватила за сердце! Потом истово несколько раз перекрестилась, развернулась лицом к усадьбе и побежала. Ей чудилось, что отражение мчится за ней и вот-вот утянет за собой.

От бега девушка задохнулась, зато в голове удивительно прояснилось.

Тетушка Варварушка, мысленно обратилась Анна, почто пугаешь меня? Ведь ты жива, зачем привиделась?

Замедлив шаги и немного успокоившись, она отругала себя: чего испугалась? Увидела-то она себя, а спутала с теткой из-за того, что похожи они лицом.

А, может, это Господь показал единственно правильный путь – монастырь? За князя она не пойдет, а тот, другой, – предал. Чем не выход для несчастной, за которую и заступиться некому?

Чем ближе было к дому, тем тверже Анна знала, что ответит матери, если та вновь заведет разговор о замужестве. А еще подумалось, что было бы хорошо, если бы князь узнал о письме. Глядишь, сам отказался от нее, испугавшись людских пересудов. Оставили бы ее тогда в покое.

Тихонько проскользнула в дверь. Никого не встретив в прихожей, кроме дремлющего Власа, важно восседающего на стуле с высокой спинкой, Анна неслышно стала подниматься по лестнице к своим покоям. Все еще находясь под впечатлением странного происшествия у пруда, она вскрикнула, неожиданно натолкнувшись на мать, словно ожидающую ее наверху лестницы. Губы Анастасии Куприяновны были плотно сжаты, подбородок высокомерно поднят. Она пристально глядела на Анну, которая ежилась, словно под взглядом строгого судьи.

– Ну? – негромко произнесла она.

– Простите, матушка, меня за то, что причинила вам столько неприятностей. Видит Бог, я этого не хотела и сердечно раскаиваюсь в своем поступке.

На лице матери мелькнула тень радости и одновременно удивления: она приготовилась к долгой осаде, а крепость неожиданно сдалась

– Так ты и впредь будешь послушна воле родителей?

– Да, маменька, – еще ниже опустила голову Анна.

– Могу ли я обрадовать князя твоим согласием выйти за него замуж?

– Нет, матушка, – не поднимая головы, но твердо ответила дочь. – Не заставляйте меня выходить замуж. Я в монастырь уйду, как тетка Варвара.

Мать отшатнулась, как от удара.

– В монастырь? А наследство, значит, как взнос пойдет сестрам? В чужие руки все?

– Это мое решение и окончательное, – подняла глаза на мать. – Силой замуж не заставите. Приведете в церковь против воли, при всех скажу, что по принуждению выхожу замуж. Пусть священник решит, венчать ли нас.

– Ах, негодная! – Кровь бросилась в голову Анастасии Куприяновне. – Ах, ты дрянь!

Мелькнули вдруг в сознании злополучный вексель, судебские, описывающие имущество, печальное лицо Павла. Ярость огнем охватила женщину, и, не владея собой, она резко толкнула дочь в грудь.

Анна, со скрещенными под грудью руками, стояла на верхней ступеньке, не ожидая плохого. Когда она сообразила, что падает, причем со страшной высоты каменной лестницы, то лишь беспомощно взмахнула руками, как крыльями птица. И полетела. Навзничь. Захолодев от ужаса.

Последнее, что видела Анна перед тем, как пасть с ужасной высоты, безумные глаза матери, скрывшиеся за дверью будуара. Падение было бесконечным, как полет навстречу смерти.

Этот идиот думает, я так крепко сплю, что ничего не слышу. Да я его шаги узнала, когда он еще к подъезду подходил. Что-то он сегодня раньше обычного, наверное, часа два ночи, не позднее. Нагулялся Ромео, навлюблялся, сейчас в холодильник полезет. Конечно, любовью единой сыт не будешь. После любовных утех хороша яичница с колбасой. На крайний случай и остывшая картошка пойдет.

Щелкнула дверца холодильника. Наталья усмехнулась. Господи, как он предсказуем, никакой романтики. С ним и ругаться не хочется.

Она со вздохом повернулась на другой бок, скинула с себя одеяло. Душно в комнате – забыла форточку открыть на ночь. Вообще она любит спать в холодной комнате, но под двумя пуховыми одеялами. Так лучше высыпaeшьcя, утром свежий, как огурчик.

Наталья опять перевернулась, уже на спину. Как хорошо, что они спят в разных комнатах, а не только на разных кроватях. Представить нельзя, какими духами от него сейчас несет. Его пассива духи дороже, чем за сотню, не покупает. Это я отвалила в последний раз за хваленые интим-духи...

Ох, не забыть сегодня же долг Нинке отдать. Брала на 2 дня, а протянула неделю. Ох, деньги-денежки, как бы научиться зарабатывать вас шутя, а не горбом, кровью и потом...

Ну, все, кажется, улегся, через минуту жди, захрапит. Теперь не уснешь. Который час? Так не хочется вставать к будильнику. Давно пора купить электронные, чтоб в темноте светились.

Муж Натальи, Евгений, минут пять повозился, устраиваясь удобнее. Было слышно, как он молотит кулаком по подушке, чтоб мягче стала. Диван скрипит, в нем ухают, трещат пружины.

Кажется, успокоился, отрубился. Захрапел, как... Что за стены в доме?! Каждый звук, каждый шорох в уши бьет. Интересно, если ночь не поспать, а прислушаться, услышишь, как соседи любовью занимаются? Запросто! Только стоит ли жертвовать сном ради этого? Вот из нашей квартиры давно секс-звуков не доносится. А было время... Когда же наступила эта тишина?

Наталья в раздражении снова перекатилась на бок, потом на живот, потом снова на спину. Мысли не давали уснуть. Как рой пчел, гудели и жалили, вызывая в памяти картины недавнего прошлого.

Они с Евгением познакомились на вечеринке у общих друзей. Женька тогда только разошелся с первой женой.

– Представляешь, – делился он впоследствии, – у нее сын есть от первого брака. Но за все четыре года, что мы прожили, мальчик так ни разу не назвал меня папой. Вообще никак меня не называл. А уж я старался: играл, водил повсюду, книжки на ночь читал. Потом разошлись мы, по-хорошему. Причина? ..А черт его знает, почему развелись. Может, поняли, что запро-

сто проживем друг без друга. Жена тут же вышла замуж за своего коллегу, слышал, они счастливы. И что обидно, мальчик с первого дня сдружился с новым мужем матери. Даже папой его называет.

Наталья в ту пору все еще сидела в девках. В пединституте, который она заканчивала, особенно на их историко-филологическом факультете, учились одни девчонки. В школе, куда попала работать, кроме женатых да моложе пятидесяти, никого не было. Ходить на дискотеки поздновато, в бары – финансы не те, подруги тоже как-то не спешили знакомить с кем-нибудь.

А на ту памятную вечеринку она попала случайно. Пришла к своей коллеге, тоже учительнице русского языка по делу, а у той ее замужняя дочь именины справляет. Дом полон гостей, дым коромыслом, но открыли сразу, как позвонила. Мария Андреевна увидела Наталью, удивилась:

– Наталья Николаевна, вы..?

Потом хлопнула себя по лбу: вспомнила, что они договаривались! Пригласила на кухню, усадила, вина налила. Тут на кухню зашел мужчина с горой грязных тарелок. Увидел Наталью да так и застыл, нежно прижав посуду к белой рубашке. Мария Андреевна потихоньку освободила его от ноши, усадила на свое место, как раз напротив Натальи. О чем они тогда говорили? Сейчас кажется, что вообще молчали, но с первой же минуты знали, что встретились навсегда. Женька, как пошел ее провожать, так и застрял на десять лет.

Боже, неужели десять лет прошло? А все как вчера видится. Жалеть не о чем, жили хорошо, многие завидовали. Строили планы, лавировали в перестроечные годы, сохранив на фоне всеобщей жизненной разрухи свое маленькое счастье. Одно не вписалось в их планы: детей не было. Она первой забеспокоилась, пошла по врачам, потом потащила, мужа, но врачи только развели руками: патологии не наблюдается, почему не наступает беременность, неизвестно. После долгих и мучительных раздумий Наталья сообщила мужу, что собирается взять ребенка на воспитание. Старый опытный врач посоветовал:

– Приглядишься к полуторагодовалым ребятишкам. В этом возрасте уже полностью проявляются основные черты натуры, возможные заболевания и другое. Возьми девочку.

Наталья поставила в известность соответствующие службы и стала ждать.

Однажды из детского отделения больницы ей позвонили и сказали, что мамаша бросила девочку в отделении и сбежала. Когда ее разыскали, она не захотела брать дочку и даже написала главврачу отказную.

– Придите, посмотрите. Девочка хорошая, вдруг придется по душе.

В тот же вечер со смятением в сердце пошла в больницу, прихватив каких-то фруктов и почему-то кусок копченой колбасы. Первое впечатление было ужасным: запущенный, больной ребенок, бледно-серый от недоедания. Эдакий зверек, брошенный на произвол судьбы. Уйти сразу постеснялась. Пересилила себя, взяла зверька на руки, заглянула в серые, потерянные глазки и поняла, что возьмет, выходит, обогреет девочку, все отдаст, но сделает счастливой.

В течение месяца вопрос об удочерении был решен. Теперь ее называли мамой, тянулись к ней ручками, засыпали на коленях. Маринка оказалась чудным ребенком, смышленным, ласковым, несколько не испорченным пьяницей матерью. Правда, первые дни были тяжелыми. Привыкали, срастались сердцами постепенно. Прошло пять лет, и Наталья не может поверить, что не она родила дочку. Характеры, вкусы совпадали. Ей казалось, что они похожи даже внешне.

Насчет внешности она, конечно, преувеличивала. Наталья внешне производила впечатление крепкой женщины. Не толста была, ни худа, всего в меру. Волосы пышные, прическа модная, глаза зелено-карие, лицо круглое с ямочками на щеках, рот и подбородок физиономисты определили бы как волевые. А Маринка, как стебелек, тонкая и звонкая, волосики легкие, соломенные, глаза серые, рот бантиком, носик вздернутый. И все же сходство бросалось в

глаза, и у незнакомых людей при встрече сомнений не было, что они родные. Наталью умиляло, что даже заметные родинки на теле Маринки располагались точно на тех же местах, что и у нее.

Как будто услышав мысли матери о себе, Маринка завожилась в кровати, забормотала что-то. «Мама, мама». Наталья выскользнула из-под одеяла, бесшумно приблизилась. Ну, конечно, раскрылась, одеяло в ногах комом, сама калачиком свернулась.

Глядя на дочь, Наталья гордилась в душе собой. Сколько врачей пришлось объехать, сколько денег знахаркам передать, сколько консультаций пройти, месяцами строго выдерживать особый режим питания, чтобы получилась эта хорошенькая, здоровенькая, гладенькая малышка. Наталья шутила, что все болезни они ставили в толстой медицинской карточке в детском отделении. За последние три года дочка ни разу не болела, если не считать небольших травм и ушибов.

Так, заснуть сегодня уже не удастся, и нечего стараться. Женщина через голову скинула ночную сорочку и голой стала выполнять немудреные упражнения на растяжку и укрепление мышц живота, груди, бедер. Потом пошла в ванную, встала под теплый душ, наслаждаюсь тишиной и покоем. Никто в три часа ночи тебя не дергает, не спрашивает, где что лежит, не капризничает. Сейчас еще чашку крепкого кофе, и полный порядок. Вытираясь перед зеркалом, Наталья отметила, что она еще ничего: грудь торчком, живот доской

– Конечно, хотелось бы иметь фигуру топ-модели, – выговаривала она подруге Нинке Шаховой, – но вопрос в том, выдержат ли сплошные кости ту бешеную нагрузку, которую мне приходится ежедневно выдерживать. Нет, для такой жизни нужно тело крепкое, чтоб не подвело в ответственный момент, а таких моментов с каждым годом становится все больше.

– Ой, ой, – издевается Нинка, – ну, просто рабыня Изаура.

– А что? Сколько километров в день накручиваю своими ногами, тяжеленные сумки таскаю, на даче пашу.

Выйдя из душа, походила минут пятнадцать голышом. Говорят, это полезно. Накинула халат, прошла в кухню, налила большую чашку черного кофе. Разворачивая шоколадную конфету, мысленно начала составлять план на сегодняшний день. Главное на сегодня – встреча с героем, вернее героиней, будущей статьи. Прикинула, сколько времени на это уйдет, да столько на саму статью. Поняла, что парикмахерская отпадает.

Раньше, работая учителем в школе, при большой нагрузке, бесконечных проверках тетрадей, писании планов и прочее, ей проще было спланировать день. Сейчас, имея, на первый взгляд, свободу планировать свое время без всяких звонков, она не успевала сделать и половины того, что намечала. Работа журналиста требует собранности, внутри всегда невидимые часы отсчитывают «тик-так, тик-так, только бы успеть». Наталья была хорошим журналистом и не позволяла себе растрачивать время попусту.

– Мне нравится, как вы пишете, Наталья Николаевна, – отмечал редактор, – напористо, сжато, доходчиво и одновременно без лишней простоты. Ваши статьи о бездомных стариках произвели сильное впечатление. Может, вы чуть резковато ставите акценты, да и вообще...

– Конечно, проще не замечать этих несчастных, голодных и брошенных на произвол судьбы.

– Ну, зачем вы так. Надо, надо писать об этом. Вот только вы упоминаете часто в статьях фамилии и должности известных в городе людей. Это можно рассматривать как вторжение в частную жизнь.

– А сбывать престарелых родителей в интернат, а насиловать несовершеннолетних, это не вторжение? а...

– Ладно, ладно, не кипятитесь. Примите мои слова к сведению и работайте. Признаю, у вас свой круг читателей, они вас ценят, вам доверяют. Но помните, что одними резкими выпадами положение не исправишь. Нужно быть гибче, видеть социальную проблему целиком, а не выхватывать частный случай.

– Я вас поняла, – Наталья на каблуках развернулась и, не попрощавшись, покинула кабинет.

На главного она не обижалась, понимала, что тот в прав: один в поле не воин. Но пыталась обратить внимание властей на несчастных. Герои ее статей гуляли по улицам в рванье, копались в мусорных контейнерах, загибались от паленой водки в подворотнях, теряли человеческие чувства в руках сутенеров и уголовников. Больные, брошенные старики, дети алкоголиков, малолетние наркоманы и преступники, пьяницы и проститутки преследовали днем и ночью журналиста Наталью Бегунову.

– Ты слишком близко принимаешь чужие беды, – ругала ее Нинка Шахова, любимая подруга и верный товарищ. – Не солнце, всех не обогреешь. А власти твои статьи до одного места. Береги нервы, не рискуй здоровьем, оно тебе еще пригодится.

– Что же сделать вид, что ничего этого нет, и писать о борьбе хорошего с лучшим? – горячилась Наталья.

– Ну, почему? Пиши, тереби этих зажавшихся, нынешних хозяев жизни, но не забывай и о себе. У тебя дочь растет. Ей мать неврастеничка не нужна. Ты в последнее время больше времени тратишь на чужих людей, чем на собственную семью. Смотри, сбежит муж к другой, которая всегда в хорошем настроении, не думает о мировых катаклизмах, а только о том, как мужу угодить.

Наталья огорченно покивала головой.

– Слушай, я действительно заиклилась на работе. Не помню, когда семьей выбирались за город, в гости перестали ходить. Театр и прочее по боку...

– А я что говорю? Кончай, подруга, изображать из себя мать Терезу. Устрой себе медовый месяц.

– С ума сошла, – вскинулась Наталья. – Мы и спим-то в разных комнатах, не только что.

– Ну, доработалась! – Нинка покрутила пальцем у виска. – Ой, смотри, уведет мужика какая-нибудь ласкушка, поплачешь тогда. Забыла, до скольких лет в девках сидела?

Все, с сегодняшнего дня пересматриваю свое поведение. Поворачиваюсь лицом к семье, становлюсь примерной женой и матерью.

Остывший кофе допивать не хотелось, вылила. Собрала листки с наброском будущей статьи, взглянула на часы.

– Подъем! – нарочито бодрым и веселым голосом скомандовала она. В тишине ее команда прозвучала так оглушительно, что кошка подпрыгнула на месте с испугу. Наталье это показалось смешным, и она прыснула. Так смеясь, вошла в комнату, где на диване, обняв руками подушку, а одну ногу свесив на пол, дрых ее муженек. .

– Вставай, – вслух произнесла она, а про себя добавила: кобель. Евгений оторвал голову, недоуменно уставился на нее:

– Тебе чего? – недовольно спросил, вновь падая на подушку. – Сколько сейчас?

– Уже семь. Я понимаю, что пяти часов на сон маловато, но мог бы приходить пораньше, – не удержалась, чтобы не съязвить

– А зачем? – невнятно проговорил муж. – Видеть весь вечер твое недовольное лицо, слышать твои вечные «не хочу».

– А ты, значит, хочешь? – начала заводится Наталья. – Я что-то не замечаю.

– Ты вообще хоть что-нибудь замечаешь вокруг, кроме своей работы? Живешь, как на необитаемом острове.

– Прекрасно! Я одна во всем виновата. Замечательно! Все вокруг ангелы, одна я черт с рогами.

– Хватит орать, дочь разбудишь.

Наталья хотела чем-то уколоть его, сделать этому бесчувственному эгоисту больно, но тут вспомнила про свое обещание с этого дня стать хорошей.

– Вставай, я тебе кофе сварила, – примирительно сказала Наталья.
Нервы ни к черту, и вправду, чего срываюсь? Хороша!

Войдя в спальню, несколько минут неподвижно стояла у кровати дочери, рассматривала каждую черточку на лице, каждый синячок на коленке, проникалась такой нежностью, что щипало в носу и спирало дыхание.

– Доченька, крошечка моя, – шептала Наталья, боясь, что стук сердца разбудит Маринку. – Как хорошо, что ты у меня есть. Что бы я без тебя делала? Погляжу на тебя, и в сердце, будто лед плавится.

Она провела ладонью по волосам дочери, пощекотала за ушком. Носик Маринки сморщился, бровки задвигались, и она открыла глазки.

– Мама, – как всегда радуется дочка, находя мать у кровати.

Быстро поднимается и взбирается на руки. Наталья качает ее, как маленькую. Маринка блаженно закрывает глаза и от полноты чувств целует мать в щеку, губы, нос, больно сдавливает шею ручками. Получив свою порцию ласки, отстраняется и внимательно глядит:

– Ты, что плакала? Папа тебя обидел?

– Нет, что ты, моя ласточка. У нас с папой все хорошо. Вставай, собираемся быстро, и в путь.

Маринка успокаивается.

– А папа дома? – смущено глядя в глаза Наталье, робко спрашивает она.

– Дома.

– Я сейчас, – босые пятки мелькают в воздухе.

– Папа! – слышно, как девочка падает на диван рядом с отцом, и начинается веселая возня.

За эти минуты Наталья готова все простить мужу: и поздние приходы домой, и равнодушные. Главное – Маринке хорошо: у нее есть и мама, и папа. Ради нее, ее счастливого смеха Наталья укротит в себе недовольного зверя, наладит отношения с мужем, станет примерной, домашней.

Она входит в комнату, минуту разглядывает веселую кучу-малу. Муж замечает ее в дверях, недоуменно хмурит брови. Словно не замечая этого, Наталья произносит:

– Мне машина сегодня нужна, ты не против?

– Ты же все равно возьмешь и без моего согласия, так зачем спрашивать?

– А тебе трудно ответить по-хорошему?

– Отвечаю: бери!

Маринка тревожно переводит глаза с отца на мать, потом обратно. Она не понимает, почему они все время ссорятся. Такие красивые, умные, как говорит бабушка, и модные (это уже подружки Маринкины так говорят). По отдельности каждый веселый, а как вместе – глаза злые, лбы хмурят, губы тонкие становятся. Маринкино сердечко сжимается от непонятного страха, чувствует неладное, непоправимое. Родители и не догадываются, что она частенько, глядя на красивую икону в их спальне, где изображена Богородица в золотой одежде и в короне, просит Боженьку, помирить маму с папой, чтобы они снова стали веселыми и дружными.

Маринка потихоньку сползает с дивана, бочком выходит из комнаты, бежит одеваться. Уже из ванной слышит неясные голоса родителей, но по интонации понимает, что они не ссорятся. Правда, и разговаривают, как чужие.

Минут через пятнадцать семья пьет кофе. Взрослые, избегая глядеть друг на друга, подчеркнуто заинтересованно расспрашивают дочь о разных происшествиях в ее жизни, о друзьях. Маринка также старательно отвечает, радуясь, что нет, по крайней мере, всегдашнего угрюмого молчания или злых упреков.

– Все, моя дорогая, чашку в мойку, рюкзак в руки и вперед! – нарочито весело произносит Наталья, бросая взгляд на часы. – А ты, если не трудно, зайди в магазин, купи чего-нибудь на ужин.

Муж кивает, не отрывая взгляда от чашки с кофе. Наталья отмечает темные круги под глазами, обидчиво опущенные уголки губ, беспокойно двигающиеся пальцы. Кольцо скоро с пальца слетит, великовато стало, исхудал. От переживаний или от новой любви?

Послав себе самый прощальный взгляд в зеркало и, подтолкнув слегка Маринку в спину, Наталья с облегчением переступает порог квартиры, старается выбросить дурные мысли из головы, настроиться на рабочий лад, припомнить особенности сегодняшней встречи с очередным героем своей статьи.

Она любит свою семью, свой дом, но проблемы в семейных отношениях, заставляют рваться из дома, «загружать» себя чужим проблемами, которые отодвигают на неопределенное время необходимость что-то предпринимать, улаживать, исправлять.

Куда она все время торопится, куда бежит, кто ее зовет? За последнее время Наталья не раз задавалась этим вопросом, но не находила ответа. Плышет по поверхности омута, боясь заглянуть в глубину. Чего боится, кого страшится там увидеть? Может, себя, растерянную, уставшую, разочаровавшуюся, обеспокоенную, сомневающуюся?

Настроение чуть улучшается, когда она открывает гараж. Проводит ладонью по гладкому боку автомобиля, мысленно здоровается. Привычные действия успокаивают нервы. Масло в порядке, бензина хватит, а вот стекла надо почистить. Берет жидкость для стекол, брызгает и тщательно вытирает, не переставая мысленно разговаривать с железным другом. Маринка уже на месте, трогает тумблеры, включает и выключает свет, трогает ручки, но когда они выезжают из гаража на дорогу, усаживается основательно на сиденье, складывает руки на коленях и вертит головой, предупреждая на перекрестках, о машинах справа и слева.

Наталья самозабвенно отдается езде. Она любит, свой автомобиль, любит водить машину, любит даже мыть ее, натирая до блеска стекла и блестящие части. В автомобиле Наталья чувствует себя суверенным государством, независимым и самодостаточным. У нее есть, правда одна особенность: она не выносит, когда болтают во время езды: разговоры отвлекают, лишают ее удовольствия, кайфа.

Автоматически прочитав про себя молитвы, чтобы уберечься от неприятностей на дороге, от вездесущих гаишников, от невнимательных пешеходов и озорующих на проезжей части детей и подростков, Наталья приказывает себе быть внимательной на дороге.

Подъехали к дому, где жила старенькая учительница Маргарита Петровна, согласившаяся подготовить Маринку к школе. Наталья крепко обняла дочку свободной рукой, поправила бант на макушке.

– Слушайся Маргариту Петровну, старайся, ладно?

– Ладно, – отвечает дочь и бежит навстречу учительнице, которая ждет ее у подъезда, закутавшись в старенькую шаль.

– Деньги у Маринки в портфеле, – кричит из окна машины Наталья, а Маргарита Петровна понимающе качает головой и ловит в объятия худенькую воспитанницу. Взявшись за руки, они заходят в подъезд.

Проводив их взглядом, Наталья старательно объезжает припаркованные в тесном дворе автомобили и выезжает на основную дорогу. Автомобиль везет ее на окраину города. Краем глаза она отмечает места, где когда-то часами бродили с Женькой, счастливые, полные надежд и особого вдохновения, толкнувшего ее поменять работу на более престижную и денежную, а его сделать карьеру от мастера на стройке до ведущего инженера головного СМУ.

В принципе, все их тогдашние мечты исполнились: есть семья, уютный дом, чудо дочка, есть здоровье, красота, даже деньги, пусть не сумасшедшие. Есть все, кроме счастья. Куда ты

делось, счастье? Ау? Кто виноват в том, что с нами происходит? Почему они больше не мечтают сообща, как раньше?

Наталья кружила по городу, заходила в разные организации, решала насущные вопросы. Время незаметно летело, пора было ехать на окраину, там намечался интересный разговор. Пару раз перестроившись, Наталья выехала на объездную дорогу и прибавила скорость.

Приехала. Приличная на вид пятиэтажка, зеленые лавки у подъездов, на лавках бабки. Ну не все, конечно, бабки. Есть и молодухи, наверное, декретницы, вон коляски тут же.

– Здравствуйте! – Наталья знает, что у нее замечательная улыбка, вызывающая ответные улыбки даже у самых, серьезных людей.

– Здравсьть, – хором отвечают сидящие, внимательно рассматривая ее брючный костюм, немецкие туфли, дорожную сумку. Входя в подъезд, слышит за спиной: «К кому?» и «В 24-ю».

Поднявшись на нужный этаж, Наталья брезгливо глядит на ободранную, замызганную дверь в пятнах неизвестного происхождения. Чего ожидать от квартиры, если дверь такова? Жмет звонок – тишина. Звонок не работает, надо стучать по этой двери, отыскав на ней место, не покрытое «культурным» слоем. От стука дверь открывается сама.

Впереди захламленный коридорчик, ведущий в кухню. На кухне, привалившись боком к стене и уронив руки на стол с остатками пищи, сидит расхристанная молодая женщина в мужской рубаше и черных колготках. Черные волосы, давно не мытые, но сдобренные хорошей порцией дешевого лака, образуют нечто среднее между вороньим гнездом с одного боку и отвесной скалой, с другого.

Наверное, почувствовав присутствие чужого, женщина открыла глаза, убрала руки со стола на колени, качнулась от стены и чуть не свалилась в проход между столом и газовой плитой.

– М-м-м – сумела, произнести она, потом кивнула кому-то и снова закрыла глаза, очевидно, решив, что высказалась достаточно ясно.

– Эй, подруга, проснись, – затеребила ее Наталья, слегка дотрагиваясь до ее плеча. – Я из газеты. Ты помнишь, мы по телефону с тобой говорили?

– Му-у-у – согласилась хозяйка, но глаз не открыла. – Шты нада? – вежливо поинтересовалась она, для убедительности приоткрыв один глаз.

– Ты Надежда Крошкина? У тебя дети в детском доме?

– У-у-у – обиженно протягивает женщина, вытягивая вперед левую руку и грозя пальцем неизвестно кому. – Дзети-и-и, – плаксиво произносит она и снова отключается.

Наталья проходит в комнату, оглядывается. Что надеялась увидеть? Не знала, как живут пьяницы? Хорошо, что по случаю утра собутыльников нет, а то бывали случаи, когда ей приходилось из таких квартир бегством спасаться. Никто ее здесь не ждет, газет здесь не читают – на них закуску раскладывают.

Эта самая Надежда Крошкина звонила ей в редакцию, просила встречи, чтобы рассказать о произволе чиновников, которые лишили ее материнства, забрали детей в детский дом, тем самым лишив ее единственного источника денежных поступлений – детских пособий. Наталья как раз собирала материал для статьи о таких вот горе-матерях, чьи дети впервые сытно поели в детском доме. Хотелось Наталье послушать, что скажет ей Надежда, но видно не судьба. Хотя нового ничего бы и не услышала. Чаше всего эти женщины обвиняли в своих грехах жизнь, вероломных мужчин и никогда не обвиняли себя. Практически все разговоры заканчивались крокодильими слезами и просьбой одолжить денег.

Вздохнув, Наталья, не заходя на кухню, пошла к двери.

– Ты зачем мою дочку забрала? – вдруг отчетливо кто-то произнес из кухни. – Отняла, а теперь пришла?

Наталья замерла, сердце вниз ухнуло. Повернувшись на каблуках лицом к кухне, она в два шага оказалась рядом с пьяной.

– Что ты сказала?

Женщина, хитро прищутив один глаз, растопыренными пальцами попыталась достать до лица Натальи. Та увернулась, и Надежда рухнула в проход, увлекая за собой грязную посуду со стола. Выругавшись, она попыталась самостоятельно подняться, но Наталья придавала ее в узком проходе коленкой, одновременно потянув за налаченные волосы голову вверх:

– Какую дочку я у тебя забрала?

– Ты всех детей у меня забрала, – обдав перегаром, прохрипела Надежда. – Пришла со своими бугаями и забрала.

Тут Наталья поняла, что та спутала, ее, очевидно, с работником социальной службы, которая приходила забирать детей в детский дом.

И чего это я так взбеленилась? Да если бы она и вправду была матерью Маринки, чего кидаться-то? Нервы ни к черту.

Очнувшись, женщина покорно глядела снизу вверх на Наталью, не возмущаясь и не пытаясь изменить столь неудобное положение на заплеванном полу. Наталья отодвинулась от пьяницы, вытащила носовой платок и вытерла лоб, шею, руки. Ей захотелось на свежий воздух, подальше от этого неблагополучия, этой ямы. Почему-то ей пришла на память недавняя встреча с Сергеем в кафе. Они едят мороженое, запивая его уже остывшим кофе, а над ними без единого облачка небо. Через час на горизонте появились тучи, оттуда прилетели мелкие капельки идущего где-то далеко дождя. Но они веселы и беспечны, потому что знают: в любой момент могут укрыться под надежной крышей кафе. Здесь же, в этой квартире на третьем этаже, надежной крыши нет, и уже никогда не будет.

Спускаясь вниз по лестнице, Наталья старается выбросить из головы свой неудачный визит. Садясь в машину, она уже думает не о Крошкиной, а о том, чтобы позвонить Сергею, и невольно улыбается, перебирая в памяти те часы счастья и радости, что он щедро дарит ей.

С Сергеем они познакомились в редакции, где тот работал заместителем главного. На первых порах он обучал ее азам профессии, дарил темы статей, помогал выработать собственный стиль. Работалось с ним легко, в общении он был прост и уважителен, и она не заметила, как влюбилась. Сергей не женат, но был постоянно окружен красотками, ни у кого не встречал отказа. Влюбиться в такого – себе дороже, понимала Наталья, и несколько месяцев пыталась вытравить чувство к заму из души. Этот период ей даже на пользу пошел: она похудела, глаза обвело чернотой, и по признанию подруги Нинки, она стала интересной. Но и тогда Сергей ее не замечал как женщину.

Смешно сказать, но их роман начался с банальной поездки в её автомобиле. Однажды осенью, проезжая мимо остановки где-то на окраине, она заметила мужчину, одетого, вернее раздетого, не по сезону. Вместо куртки или плаща, на нем была белая водолазка. Ни зонта, ни головного убора. Он стоял в ожидании автобуса, один, промокший, и в свете фар было видно, как он дрожит всем телом. Наталья пожалела бедолагу, хоть и подумала о чистых и сухих чехлах, остановила машину. Видя, что тот не решается сесть, махнула приглашающе: чего, мол, думать о чехлах, когда человек пропадает. Мужчина сел, и только тут Наталья разглядела, кто это был.

– Сергей Алексеевич, вас ограбили или муж внезапно из командировки вернулся?

– Вы? – вопросом на вопрос ответил пассажир. – Вы машину водите?

– Второй год. Удивлены? Да половина автомобилей в городе в руках женщин.

– Зная вас, никогда бы не подумал.

– Что, произвожу впечатление бестолковой?

– Да нет, просто вы учительница в полном смысле слова, эдакая мариованна.

– Неужели? – искренне огорчилась Наталья, которая считала себя вполне современной дамой. Может, не совсем бизнесвумен, но где-то рядом. А тут, оказывается, тебя принимают за синий чулок!

– Вы не обиделись? – смутился от собственной бестактности зам. – Я не имел в виду... Я не хотел.. Просто вы скромная, одеваетесь строго, косметикой не пользуетесь и вообще выделяетесь среди других дам в редакции. Извините.

– Да, чего там. Я и в самом деле учительницей осталась, хоть и работаю в газете.

Потом они долго сидели в теплом автомобиле, говорили и не могли наговориться. Обсудили последние события в городе и в коллективе. Потом он поделился своими планами издавать собственную газету-еженедельник. По секрету выдал, что уже и деловых партнеров нашел, и помещение присмотрел, и заявку на регистрацию подал.

– Так вы уйдете от нас? – спросила Наталья, а сама подумала, что теперь без него в редакции станет не так оживленно и весело.

– Уйду, – просто согласился он, – но это не значит, что забуду своих друзей.

– Ну, я-то к числу ваших друзей не отношусь.

– Нам ничто не мешает ими стать. Предлагаю, – с пафосом произнес Сергей, – подъезжаем к гастроному, берем шампанское, пьем на брудершафт и переходим на ты. Поцеловаться обязательно. Согласны?

Он посмотрел на нее так, что Наталье с легкостью согласилась. Уже через час, выпив всю бутылку полусладкого, они крепко сжимали друг друга в объятиях, целовались и шептали черт знает откуда взявшиеся любовные глупости. Наталья мечтала век бы в этой машине просидеть с ним. А Сергей все удивлялся, почему раньше не разглядел ее. Она же, наоборот, радовалась, что все это произошло накануне его ухода из редакции. Она не выносила служебных романов. Ей казалось, что двое влюбленных на работе выглядят как два тополя на Плющихе или два манекена за стеклом витрины. Нате, смотрите на нас! Ей не хотелось, чтобы кто-то знал про них, и не потому, что боялась ревности мужа или осуждения окружающих, а потому что не хотела ни с кем делиться своим счастьем, никого не хотела пускать в тот волшебный круг, в котором они очутились.

Поначалу Наталья не надеялась, что их роман продлится больше двух-трех месяцев. Но год уже прошел, а чувства их в том же градусе, как и вначале. Любить Сергея было легко. Наталья не задумывалась о будущем и давно дала себе слово, что если он бросит ее, то она с миром отпустит его, не станет упрекать, страдать, преследовать звонками, как другие бывало у нее на глазах.

Обычно они встречались у него, заранее созваниваясь. Сегодня, после неудачи с Крошкиной, она решила приехать к нему без предупреждения, в обеденный перерыв.

Надо в гастронOME заехать, что-нибудь купить и не забыть кофе – у него кофе кончился. Так, время одиннадцать тридцать. Если потороплюсь, можно не только пообедать у него. Наталья игриво усмехнулась, представив то, что произойдет уже через полчаса.

На стоянке у универсама, как всегда перед обедом, не припаркуешься. Проехала дальше, еле втиснулась между двумя иномарками. Бегом к магазину, бегом по отделам, чуть не забыла кофе. Вернулась: тьфу, тьфу. Едва удерживая пакет с покупками, добралась до машины, боком прислонилась к ее теплОму боку и попыталась открыть дверцу. Ключи упали. Пришлось поставить пакет на капот, потом укладывать покупки на заднее сиденье. Они все норовили рассыпаться по салону. А в спину уже сигналиТ красный пикап, поторапливая ее освободить место. Торопливо отъехала со стоянки. Инцидент с пьяницей был забыт окончательно, в голове крутилась веселая мелодия из какого-то фильма. Только бы не превысить скорость, а то гаишников на каждом углу наставили.

Въезжая на знакомую улицу, впереди заметила темно-синюю ауди. Как раз вовремя. Припаркуемся одновременно, и не придется тащить тяжести на 4 этаж. Но тут какой-то козел не остановился под знаком, и ей пришлось резко тормозить. Чуть увернулась от столкновения. С досады выругалась матерно и от души ударила по сигналу. Скотина, даже не обернулся!

К дому Сергея подъехала через минуту. Но лучше бы этого не делала. Галантный Сергей Алексеевич, легко выскользнув из авто, обогнул машину и открыл дверцу со стороны пассажира. Вначале Наталья увидела высоченный каблук модной туфли, затем колено, не прикрытое ничем, затем бедро, которому, казалось, не будет конца, а уж потом и саму обладательницу обалденных ног. Из машины показалась дева, ростом с хозяина ауди, в мини и с французскими очками на голове, которые служили ободком для ее пепельно-русых волос, закрывающими лопатки.

Хороша. Хороша! Еще одна бабочка в коллекции Сергея Алексеевича. Судя по тому, как уверенно она идет вперед, эта дама бывала здесь и раньше. Прекрасно!

– У-у-у! – взвыла про себя Наталья.

Конечно, от измен мужчин рога у женщин не растут, но в голове появилась такая тяжесть, будто береза средних размеров раскинулась на темечке.

Приехали. А теперь поехали в обратную сторону. Обещала же не страдать, не упрекать, вот и сдержи слово.

Через пару километров Наталье пришлось остановиться: слезы застилали глаза, как бы в аварию не попасть. Тяжесть из головы перетекла в область груди, сжав сердце до размера острия шила.

Ну, мне еще сердечного приступа не хватало. Прекрати. Ты же не рассчитывала, что ваш роман продлится годы? А может, в глубине души ты мечтала, что он сделает тебе предложение? Признайся, думала об этом? Ну и дура! Такие, как Сергей Алексеевич, не женятся до пятидесяти лет, а то и вовсе остаются холостяками. Что, плохо ему в свободном полете? Деньги есть, положение занимает, дай Бог всякому, окружен женщинами, как султан в гареме. Тоже мне Мерелин Монро из средней школы. Не для тебя сей кадр, как сказала бы Нинка. Обидно? Конечно, обидно. Но он тебя не видел, так что завтра, когда он позвонит, сделай вид, что ты его бросаешь, пусть помучается от уязвленного самолюбия. Его, наверное, еще никто никогда не бросал,

Отдышавшись, Наталья двинулась к редакции, чтобы погрузиться с головой в работу и прийти в себя до того, как другие вернутся с обеда. Работая над материалом, в который раз поругала себя за то, что переживает порой по пустякам. Вот у людей проблемы, так проблемы: денег нет, жилья нет, будущего нет, ничего нет. а она с жиру бесится. Подумаешь, любовник бросил. Да и не бросил даже, так, решил с другой поразвлечься. Муж дома, причем хороший муж, дочка чудо, работа, здоровье, слава Богу, есть. Брось переживать!

Пока сбрасывала материал, выпила пару чашек кофе (молодец, что купила), похрустела крекером, собрала уже бутерброд себе приготовить, но тут мобильник запищал. Муж о себе напоминает.

Самым нежным голосом проговорила:

– Слушаю.

– Мне с тобой поговорить серьезно надо.

– Приду, поговорим, – Наталья была в недоумении. Обычно муж звонил ей на работу только в экстренных случаях, а тут ради того, чтобы сообщить о намерении поговорить.

– Лучше сейчас.

– Ты что, удержишься сегодня?

– Задержусь. И, думаю, надолго.

– Ну и как надолго? – Наталья почувствовала пробежавший по спине холодок.

– Надолго, может, навсегда, – голос Евгения был глухим и надтреснутым.

– Ты хочешь сказать, что уходишь?

– Да. Ты же сама видишь, что с каждым днем у нас все хуже и хуже.

Наталья проглотила ком в горле, и, стараясь не выдать паники, произнесла:

– Как знаешь. Может, ты и прав

В трубке еще звучал голос мужа, но Наталье было уже неинтересно слушать. У нее было такое ощущение, что она в каменном мешке: куда не протянешь руки, всюду холодный, осклизлый камень. Камера-одиночка, в которой ты, твои мысли, твои чувства, твои переживания, твое разочарование, твое отчаяние. Е-мое... Еще сегодня утром был муж и любовник, а после обеда ни того, ни другого. И во всей своей оголенности вновь встают два исконно русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Она долго сидела, глядя перед собой. Кто-то её теребил, о чем-то спрашивал, чего-то требовал. Она автоматически отвечала, даже улыбалась, но внутри была пустота, которую теперь, она, чувствовала, нелегко будет заполнить, может, и невозможно вовсе.

Сейчас заеду за Маринкой, поедem к бабушке. Надо успокоиться, разобраться. Домой ни за что, а то с ума сойду. Вдруг Женька за вещами придет? А то еще хуже – собрал уже все, и дома в ящиках пустота. Завою, как пить дать, Маринку напугаю. Нет, только к бабушке.

Свою маму Елену Сергеевну, как только появилась в семье Маринка, она стала называть бабушкой и бабулей, и хотя это звание мало подходило моложавой симпатичной женщине, зато смягчало ее облик деловой женщины. Мама для Натальи была не просто родительницей, не только советчиком в трудных жизненных ситуациях, не только «скорой помощью» в жизненных передрыгах. Она была тихой гаванью для измотанной в житейских бурях души, аккумулятором животворной энергии, донором чувств и эмоций. Елена Сергеевна была верным соратником во всех делах и начинаниях дочери, доверенным лицом и оппонентом для внутреннего употребления. Все свои бредовые идеи Наталья вначале высказывала матери, а в процессе изложения сути дела, разбиралась в своих мыслях сама, в принципе уже не нуждаясь в оценке, одобрении или неодобрении. Часто Елена Сергеевна давала советы дочери, но так уж по жизни сложилось, что половина их была не востребована Натальей, потому что на стороне матери был опыт, а на стороне дочери – интуиция. Выслушав совет, Наталья порой делала противоположное, но мама не обижалась, доверяла внутреннему чутью дочери.

При всей разности характеров, взглядов на жизнь, оценке событий, им всегда было интересно друг с другом, спокойно и надежно. Проблема отцов и детей не отметила их семью, и во всех бедах и напастях они выступали единым фронтом. Сейчас Наталья вновь стремилась к тихой пристани, где ее утешат, напоят крепким чаем, в очередной раз напомнят, что она умница и красавица, и ни один мужик ее недостоин. Наталья твердо знала, что после задушевного разговора с матерью она спокойно сумеет разобраться в происходящем, найдет верный путь и выйдет из очередного безвыходного положения победительницей, ну, по крайней мере, без чувствительных потерь.

От всех мыслей, переживаний стала раскалываться голова. Наталье, так любившей свой автомобиль и считавшей его не только живым существом, но и родственником, стало некомфортно в салоне. Было ощущение, что едет она по-над пропастью. В животе все свело от неприятного страха. Наталья снизила скорость, постаралась выбросить плохое из головы и сосредоточиться на маршруте. Ну, вот, немного отпустило. Нельзя садиться за руль в таком состоянии. Следует остановиться и передохнуть, решила она, сворачивая на улицу, где в окружении столетних лип стоял дом Маргариты Петровны.

Выходить из машины и подниматься на четвертый этаж не было сил. Она позвонила по мобильнику, наплела о неожиданно возникшем свободном времени. Пусть Маринка спускается во двор.

Дочка выскочила из подъезда, задрала голову к окну и помахала рукой учительнице. Потом оглянулась, выискивая взглядом свою машину среди других, как попало припаркованных, зашпешила, деловито таща набитый книжками и игрушками рюкзачок.

– Почему сегодня так рано?

– Закончила пораньше, решила к бабушке съездить. Сейчас ее с работы заберем... Может, переночуем даже..

– Зачем? Мы же в выходной у нее были.

– Просто так! Соскучилась. Заставим бабу пирожков испечь или блинов.

– Тогда давай в магазин заедем, сок купим, колбаски.

– У меня все есть, – начала Наталья, но замолкла, вспомнив, кому и по какому случаю она купила целый пакет еды. – В обеденный перерыв заходила в универсам.

Маринка с любопытством сунулась в пакет, потом посмотрела с интересом на мать.

– А ты говорила, у нас денег нет. Сама вон сколько накупила.

– Мне долг на работе отдали, – покраснела Наталья под внимательно вопрошающим взглядом дочери. Никогда не обманывала Маринку, даже в малом, а тут пришлось. Стыд!

С большими предосторожностями выехали из тесного двора и повернули в сторону банка, где работала бабушка. Хотя поток машин был небольшим, Наталье вновь стала нехорошо, а дорога, по которой они ехали, превратилась в жиблящийся настил из гнилых досок. Вновь появилась непонятная дрожь в руках. Ей стало зябко, а щеки, напротив, загорелись огнем.

Маринка о чем-то все рассказывала, смешно подпрыгивая на месте. Как непоседливая птичка поворачивала к ней розовощекое лицо с горящими от возбуждения глазенками. Наталья слышала звук голоса дочери, но не понимала ни слова. Смысл ускользал, заслоняясь похожими на удары метронома щелчками.

Что стучит и где, недоумевала Наталья, напряженно вслушиваясь в шум мотора. Из всех сил старалась расслабиться и вновь почувствовать то неповторимое единение с автомобилем, которое бывает у заядлых водителей. Ничего не выходило. В раздражении Наталья про себя выругалась, но не успела сказать «Господи, прости», как снова злые слова слетели с языка: игнорируя требования дорожного знака, чуть не задев боком, ее подрезала старенькая «шестерка», в салоне которой просматривалась веселая компания. Дрожа от злости и внутреннего напряжения, Наталья с силой нажала на сигнал, стремясь вылить в резком звуке свое раздражение и презрение к дорожным хулиганам.

Несколько секунд, всего несколько секунд она была не в себе, потеряла контроль над своими эмоциями и над ситуацией на дороге. «Шестерка», не включая левого поворотника, стала поворачивать. Водитель большегруза со встречной полосы, не ожидая такого нахальства, чуть резче, чем надо было, вывернул руль влево. Наталье бы вильнуть в сторону, а она все на «шестерку» пялилась. Это было непростительно. На дороге все решают секунды и реакция водителя.

Последнее, что видела Наталья, это неизвестно откуда взявшаяся гора серо-стального цвета, в секунду закрывшая своей массой весь обзор.

Последнее, о чем подумала Наталья: Маринка! Вцепившись в руль левой рукой, она правой рванула Маринку с переднего сиденья и буквально закинула на заднее сиденье.

Последнее, что слышала Наталья, – мышинный писк дочери: «Ма-а-ам!».

Она влетела в черноту, расцвеченную бесшумным фейерверком.

Прие-е-ехали!

Воскрешение

В небольшой, с занавешенными плотными занавесками комнате, тихо и душно. Пахнет нагаром от свечи, поставленной в изголовье кровати, скрывающейся за пологом. Возле кровати, в старом удобном кресте, но в неудобной позе дремлет нянька, безвольно опустив руки с зажатыми в них спицами. Ни малейшего звука, ни малейшего движения. Только трепещущийся алый язычок лампадки у образов свидетельствует, что это не картина, а реальная комната с реальными вещами.

– Нянька, – раздался шепот от двери, – нянька!

Нянька вздрогнула, клубок покатился к ногам. Охнув, она кинула испуганный взгляд на полог, потом посмотрела на дверь.

– Тебе чего? – также шепотом спросила нянька. – Чего, как бес, прыгаешь?

Вошедшая девушка укоризненно посмотрела на заспанную старуху. Потом легким шагом приблизилась к кровати и привычным жестом отодвинула полог.

На маленькой плоской подушке покоилась голова Анны. Заострившиеся черты придавали ей сходство с покойником, но сегодня горничная заметила, что в давно неподвижном лице произошли небольшие изменения. Чуть подрагивали крылья носа, слегка шевелились брови, морща высокий лоб. Но особенно поразил Катю рот больной. Левый угол его скривился, будто кто ударил барышню по левой щеке.

Катя подняла глаза, качнула головой, чтобы нянька обратила внимание на кривой рот.

– Думаешь, паралик? – крестясь, проговорила нянька.

– Не знаю.

– Не дай Бог! – испуганно закрестилась старая. Она внимательно пригляделась к лежащей и отметила, что ее ненаглядная Анечка сейчас не походит на мертвую. Лицо чуть шевелится, значит, не умерла, значит, жива касатка.

– Может, пойти барыне сказать? – опять шепотом спросила горничная, но, увидев враз посуровевшее лицо старухи, кивком согласилась, что делать этого не следует.

– Иди, отдохни, я посижу, – стала выпроваживать Катя няньку. Она помогла ей подняться из глубокого кресла. Та протяжно вздохнула, собрала свои вещи и грузно зашагала, поминутно оглядываясь на кровать.

– Я там скажу, что все по-прежнему, – хитро подмигнула старая, – а ты тут поглядывай. Да меня зови, если что.

Катя, не глядя на няньку, кивнула, а ее ловкие руки уже оправляли покрывало на больной. Она убрала прядку волос с лица, огладила поверх покрывала все тело от груди до ступней. Вдруг ей почудилось, что произошло какое-то движение под покрывалом. Она приложила руки к коленям больной, где заметно шевельнулась ткань. Послышался легкий царапающий звук, будто больная скребет пальцами по льняной простыне. Катя осторожно откинула покрывало и радостно вскрикнула: барышня шевелилась! В основном двигались пальцы рук и лицо. Катя видела, как мучительно скривилось оно вправо, будто что-то давило ей на левый висок. Вот уже и левое плечо стало двигаться в том же направлении.

Может повернуться хочет, подумала Катя. Она осторожно просунула руку под левый бок и перевернула барышню. Но та, вместо вдоха облегчения, издала болезненный стон, и Катя поспешила положить больную в прежнее положение. Зато после этого лицо больной перестало кривиться. Облегченно вздохнув, горничная присела в кресло, все еще хранившее тепло тела няньки. Не отрываясь, стала смотреть на замершую опять без движения Анну.

Прошло около часа. В ничем и никем не нарушаемой тишине Катя вновь вспоминала происшедшее с ее барышней, вновь прокручивала в голове мысли, которые не давали ей покоя с той минуты, как старый Влас прибежал в людскую ни жив, ни мертв.

– Ба-ба-ба... – вытаращив глаза и широко разевая рот, только и мог произнести он.

Катя тогда, как ветром подхваченная, кинулась вон из людской. Вначале она подумала: «Пожар!». Но то, что она увидела, было страшнее! У основания каменной лестницы, ведущей наверх, раскинув руки в стороны и подогнув ноги, облепленные платьем, лежала Анна. Лежала, как мертвая, на глазах покрываясь той особой бледностью, которую дает или глубокий обморок или смерть. Подбежавшие после нее люди столбами стояли не в силах осознать случившееся.

Из столбняка всех вывел безумный крик няньки, которая на своих больных ногах последней приковыляла к месту трагедии. Она, как подрубленная, упала рядом с девушкой, ошупывая трясущимися руками неподвижное тело своей любимицы.

– Убили, убили-и-и, – завывала старуха. – Анечка, ангел мой, кровинушка моя!

Платок сполз с ее головы, волосы растрепались, рот, растянутый криком, обнажил младенческие десны. Вот глаза её закатились, и она потеряла сознание.

Катя не могла оторваться от двух лежащих тел, но невольно, краем глаза, видела, что первым, одним прыжком, откуда-то появился Павел Афанасьевич, который на мгновение замер, разглядывая страшную картину, а потом с криком: «Анечка!» рухнул на колени рядом с сестрой. Он приподнял ей голову, потом попытался приподнять плечи, но не смог. Тогда он обернулся к дворне, и Катя была поражена лицом Павла. Он был так же бледен, как находящаяся в беспамятстве сестра, но его лицо двигалось в напряжении, жилы на шее напряглись. Он силился произнести что-то, но губы безмолвно открывались и смыкались. Катя по губам догадалась, что он требует врача.

Еще несколько минут прошло, и появился Афанасий Петрович, а из-за его спины показалось испуганное лицо Анастасии Куприяновны. Катя хорошо помнит, что тогда очень удивилась: барыня не кинулась к дочери, не упала с нею рядом, не заломила рук. Прошло не одно мгновение, пока Анастасия Куприяновна бросилась к разбившейся дочери и громко заплакала, выкрикивая бессвязные слова. Кто-то из слуг оттащил ее и усадил на диван. Она прижимала руки к груди, все громче и громче рыдала и все спрашивала: «Жива она? Жива?»

А вот Афанасий Петрович и слова не вымолвил. Он неловко отступил назад и стал медленно заваливаться на спину. Не поспей его подхватить Митяй-печник, рухнул бы и разбился.

Сама же Катя, как не старалась, не могла шагу шагнуть, чтобы помочь. Она как истукан стояла, поводила глазами из стороны в сторону и в мельчайших подробностях запоминала все, что происходит на её глазах. Словно именно ей придется держать ответ, кто и что делал в эти минуты в доме Лыковых.

Суматоха не затихала до самой ночи. Послали в губернский город за лучшим врачом. Анну перенесли в ее комнату. Скинув пуховики с кровати, застелили ее одним только тонким одеялом, чтобы ровно и жестко было под спиной.

Катя не потеряла присутствия духа и тогда, когда за её спиной стали шептаться слуги, что барышня не жилец на этом свете. То же самое твердила и заливающаяся слезами Анастасия Куприяновна, чей голос доносился из соседних покоев.

Павел Афанасьевич выгнал всех из комнаты и велел оставаться у постели больной лишь горничной. Именно он помог Кате раздеть барышню, потом сам принес таз со льдом. Несколько часов подряд Катя меняла салфетки, прикладывая их ко лбу ледяными, а снимая горячими. Анну лихорадило всю ночь, но под утро она впала в столь глубокое беспамятство, что салфетки стали не нужны. Все ее члены заохлодели, стали недвижными. Она по-особому вытянулась на ровной постели, и Катя с ужасом подумала, что это последние минуты жизни барышни. Укрыв ее двумя пуховыми одеялами, Катя стремглав кинулась к барыне.

Та полулежала в постели, в комнате пахло успокоительной солью. Возле Анастасии Куприяновны суежилась горничная Глафира, которая цыкнула на Катю, когда та с криком «Барышня помирает» ворвалась в комнату.

Анастасия Куприяновна вскрикнула, резко поднялась с подушек, но тут же опрокинулась назад в глубоком обмороке.

Катя полными слез глазами посмотрела на нее, потом оттолкнулась руками от постели, поднялась и, шатаясь, пошла к двери.

Надо сказать Павлу Афанасьевичу, подумала она, но бежать в другой конец дома, где молодой барин приводил в чувство отца, у нее не было сил. Побрела назад в комнату, где умерла, как ей казалось, барышня. Переступив порог комнаты, она обнаружила Павла, стоящим на коленях возле сестры. Он обнимал ее руками, плакал и повторял одно слово: «Аня». Катя больше не могла сдерживаться. Припав к деревянной спинке кровати, зарыдала, запричитала, как причитали бабы в деревне над покойниками. В голове у нее шумело, грудь распирало от тупой боли, слезы кипятком зарождались под веками и кипятком проливались на щеки и сжатые в кулачки руки.

Очнувшись она от струи холодного воздуха, проникшего в комнату. Подняла голову и увидела одетого во все черное человека с саквояжем в руках. Рядом с ним был еще один незнакомец, тоже почти во всем черном. Эти двое производили такое зловещее впечатление, что Катя захолодела от ужаса. Она ползком пробралась в угол, втиснулась за комод и замерла там, уставившись расширенными от страха глазами на двух незнакомцев. Видимо, почувствовав ее взгляд, один из них обернулся в угол и улыбнулся. Девушка могла побожиться, что губы его даже не шевельнулись – улыбались лишь глаза. Но страх ее мигом прошел, а сама она готова была уже служить ему.

– Ну-с, посмотрим, – донесся до нее его уверенный голос. Незнакомец шагнул к постели, взял безжизненную руку Анны, в другой руке с мелодичным звоном открылась крышка больших золотых часов.

Лицо незнакомца вначале было сосредоточенно спокойным. Но не прошло и минуты, как он нахмурил брови, губы его плотно сжались. Раз, другой взглянул на вытянувшееся тело, потом наклонился над больной, приложив ухо к ее груди. Не удовлетворившись этим, незнакомец стал ощупывать шею Анны, как будто что ища. Вот его пальцы замерли под ухом больной, он закрыл глаза, вслушиваясь в различимые ему одному удары.

Доктор, подумала тогда горничная, доктор из города. Теперь-то будет все хорошо, недаром же он ученый человек.

А в это время доктор повернул голову к своему спутнику и что-то сказал тому на незнакомом языке. Но не французском, который Катя немного разбирала, общаясь со своей барышней. Не был это и немецкий, на котором иногда ругался Иохим, лекарь, появившийся в доме давно. Говорили, его Афанасий Петрович из последнего похода привез да и оставил жить у себя в благодарность, что тот спас его, вынес из боя, когда конь под бравым Афанасием Лыковым был убит. Иохим давно и хорошо говорил по-русски, но иногда, рассердившись, вспоминал свой родной язык.

Катя видела, как врач и его спутник с жалостью посмотрели на беспомощно распростертое тело Анны, сочувственно покачали головами. Стоявший рядом Павел Афанасьевич схватил доктора за локоть, тот обернулся к нему, слегка пожал плечами, добавил что-то еще. Павел не унимался, все требовал чего-то. Доктор вновь повернулся к больной, потом просунул руки ей под спину, развел и вновь соединил их. Слегка нажал на грудь, потом двумя руками взял голову девушки, повернул ее влево вправо, качнул вперед-назад и опустил. Вытащив из-под головы Анны подушку, он, не глядя, бросил ее в стоящее рядом кресло.

– Принеси подушку совсем плоскую, как для младенцев, – попросил, требовательно глядя на Катю.

Горничная кинулась вон из комнаты, спеша выполнить распоряжение строгого доктора, умеющего улыбаться одними глазами. Вернулась. Доктор покойно сидел в кресле, его помощник стоял рядом. Павел Афанасьевич присел в ноги больной. Катя хотела сама подложить

подушку под голову своей барышни, но доктор предупреждающе поднял длинный палец. Он встал, взял из рук застывшей на месте горничной плоскую подушку в белоснежных кружевах и ловко просунул ее под голову, приподняв ее лишь на дюйм.

Потом доктор поклонился Павлу Афанасьевичу и широким шагом направился к двери. Спутник его последовал за ним, но приостановился, поглядел на горестно склоненную голову барина и произнес: «Все в руках Господа. Не оставляйте ее одну, но и не переворачивайте с боку на бок. Дай Бог, все образуется».

Павел тяжело поднялся и вместе с помощником вышел. А Катя с того момента решила не покидать Анну ни на минуту. Усевшись в кресло, сложила руки на коленях и вперила взгляд в бледное лицо барышни. Долго она читала молитвы, что знала с детства и не заметила, как сон сморил ее.

...В этом месте воспоминаний Катя всегда останавливалась, потому что до сего дня не могла решить, видела ли она во сне или наяву, как зашла в комнату барыня, Анастасия Куприяновна. Не слышала горничная звука открывшейся двери, только увидела, как край полога колыхнулся. В комнате было еще темно, лишь свеча на прикроватном столике давала неясный свет. Наверное, барыня и не заметила ее, так как ни разу не взглянула в ее сторону. Катя-невеличка утонула в кресле, в темноте вполне можно было принять за ком одежды. Анастасия Куприяновна тихо отодвинула полог, наклонилась к лицу дочери и долго вглядывалась в мертвенно-бледное лицо. Потом услышала Катя, как она произнесла несколько слов. Лишь явственно услышала: «Прости, прости». С горестным вздохом разогнулась Анастасия Куприяновна, дрожащей рукой перекрестила неподвижную дочь. Затем в исступлении заломила руки к голове, схватила себя за виски и, раскачиваясь из стороны в сторону, застонала. Катя поразились: перед нею была не убитая горем мать, а сокрушающаяся от непосильного греха мученица. Будто бесы раздирали ее изнутри, а боль до неузнаваемости искажила черты лица, вырывала болезненные стоны. Кате стало жутко.

Ей приходилось раньше видеть, как горюют матери над умирающими детьми, но никогда она не видела у них такого выражения лица. При всем отчаянии в лицах простых женщин просматривалось знакомое с детства выражение, запечатленное на лице Богородицы, когда снимали с креста сына ее, Иисуса Христа. В лице же Анастасии Куприяновны и отблеска божественного горя не было. Напротив, ее лицо неуловимо сейчас напоминало лицо Иуды, глядящего из толпы на распятого Христа.

Будто вина на ней за случившееся с дочерью, подумалось тогда Кате. Верно, клянет себя сейчас за то, что силком хотела отдать за старого князя, что вечно попрекала наследством. Не было бедной Анне от нее ни слова приветя, ни ласки материнской. Кайся, кайся теперь, с обидой за барышню думала горничная. Будет Господь милостив, и останется Анна жива, так не повтори ошибки, относись к ней ласково, по-матерински.

Девушка и не заметила, как покинула комнату Анастасия Куприяновна. Только сквозняком потянуло от двери.

В этот самый момент стукнула ставня, и Катя очнулась. Глянула на окно...

– Господи, спаси, сохрани и помилуй... Чье лицо там.. Ба-ба-ба-бушка...

Взвизгнула бедная Катя от ужаса, зажмурилась, руками прикрылась, а чувствует, что преследует ее грозный взгляд покойной Елизаветы Федоровны. Дрожит Катя:

– Зачем пришла ко мне, в чем я провинилась?

Тут словно в сердце ее кто кольнул. Кинулась Катя к Анне, а у той подушка на лице лежит, да не та, что она сама из детской принесла, а другая, прежняя, что второпях в угол забросили да и забыли. Похолодевшими руками потянула подушку Катя с лица барышни. Не разберешь, жива, нет ли?

Зеркало надо, да где его сейчас найдешь? Свеча! Свеча покажет, есть дыхание или нет.

Девушка сжала тоненькую свечку непослушными пальцами, прикрыла ее ладошкой и поднесла к самому лицу больной. Ближе, еще ближе. Рука дрожит, не разберешь.. Вот сейчас лучше.. Так ...пламя... колышется.. Фу-у-у, значит, дышит.

Капелька воска вдруг упала на губы Анны. С испугу Катя задула свечку, и темноте ясно услышала удаляющиеся шаги за окном.

Ужас шевельнул ей волосы на голове. Дыхание прервалось, она не выдержала и со сдавленным криком бросилась вон из комнаты.

...И вот теперь, глядя на первые признаки жизни в Анне, Катя вновь задумалась. Столько странного произошло за эти дни. Неожиданное падение барышни, таинственное появление у постели больной Анастасии Куприяновны, подушка, невесть откуда взявшаяся и чуть не задушившая девушку. За целую неделю барыня только два раза и приходила навестить дочь, и не видать по ней, что убита горем, а словно озадачена.

Нет, Кате не хотелось бежать с радостной вестью к барыне.

Но и страшно было ей оставаться в комнате наедине с больной. Смутное чувство тревоги и безотчетного страха, какой бывает в темном месте или ночью на улице, когда чудится, будто кто-то идет за тобой, охватило все ее существо. Если бы сейчас сам Господь явился перед ней, она сочла бы это естественным. Глубинной сутью своей девушка чувствовала: что-то происходит сейчас здесь, в этой затемненной комнате. Что-то необъяснимое, не подвластное воле человека.

Задохнувшись от беспричинного страха, Катя пулей выскочила за дверь и торопливым шагом направилась вниз. Поближе к людям с их заботами, понятными чувствами и привычными делами.

...Ё-моё, что за дела? Я думала, что это бред, сон кошмарный, а это что, взаправду? Ну и кто мне скажет, где я? И что за барахло висит надо мной?

Наталье в минуты просветления, когда сознание на секунды возвращалось, все чудилась стена, оклеенная обоями в мелкий цветочек. Но стена все время колыхалась, и Наталья воспринимала ее как часть бреда.

Еще ее в кошмарах преследовала серая громадина, от которой исходила смертельная опасность. Наталья отчаянно пыталась избежать столкновения, изо всех сил выворачивала руль вправо, но с ужасом понимала, что столкновение неизбежно. Кошмар заканчивался резкой болью в левом виске и бесшумным фейерверком. А через какое-то время появлялась эта слегка колышущаяся стена с непритязательным рисунком.

Но сейчас она точно знала, что находится в сознании.

Наталья прислушалась. Станные звуки доходили до нее, но их происхождение было непонятно. Ну, например, что это потрескивает? И чье дыхание за стеной? Или откуда в городе, даже таком небольшом, как их, столько певчих птиц?

От напряжения голова закружилась и подступила тошнота. Кровать дернулась и стала наклоняться, грозя скинуть ее. Женщина инстинктивно схватилась за края, чтобы удержаться.

Так, понятно, сотрясение мозга. Это мы уже проходили. Давно, в классе девятом или десятом, она грохнулась со всей силы башкой об лед на городском катке. А так как форс морозу не боится, то была она не в зимней шапке, которая, как она считала, старила ее, а в кокетливом беретике из нежного белого пуха. Беретик несколько не смягчил удара, и очнулась она уже в реанимации. Тогда так же, как сейчас, кружилась постель вокруг своей оси, постоянно тошнило, и больно было моргать.

Наталья беспокойно пошевелила пальцами ног, рук, проверяя, что еще повредила. Вроде ничего. Но, когда она попробовала чуть согнуть колени, резкая боль обожгла спину от шеи до копчика, словно спина была истоптана копытами лошадей.

Так, почему спина? В меня въехали слева. Болеть должен левый бок, пусть вся левая сторона. А тут спина. А, наверное, я стала резко тормозить, и следующий за мной автомобиль ткнул меня в зад. Но в таком случае я вообще должна была в лепешку превратиться! – А-а-а-а! У-у-у... – вне себя закричала, завывала Наталья. Как молнией, высветились последние моменты перед роковым столкновением: испуганные глазенки Маринки, и ее, Натальин, невероятный по силе и быстроте рывок ребенка правой рукой с переднего на заднее сиденье.

– У-у-у-у – раненой волчицей выла Наталья. Что стало с дочкой, если в машину врезались не только сбоку, но и сзади?

Внезапно стена перед ее взором разъехалась, и показалось лицо с округлившимися от страха глазами, приоткрытым ртом и с фитюлькой из белого кружева на голове. Лицо так неожиданно появилось, что Наталья захлебнулась собственным криком и страшно закашлялась, как при попадании крошки в дыхательное горло. Кашель, зародившийся в горле, перешел в бронхи, а потом поразил легкие. Дышать стало нечем, удушье усиливалось, и каждое движение мучительной болью отдавалось в спине.

Сейчас умру, не раздышусь!

– По-мо-ги... – захрипела она.

В один момент две маленькие, но сильные и проворные ручки просунулись ей под спину и резко всколыхнули ее. Голова запрокинулась, и живительный поток воздуха проник внутрь. Наталья жадно заглатывала его, старалась подавить позывы кашля, сжимала руками горло, словно боялась, что оно сейчас разорвется.

Через какое-то время кашель стих, оставив после себя липкий пот по всему телу. Зато теперь у нее была возможность повернуть голову к неожиданно возникшему перед ней лицу.

– Ты кто? – хрипло проговорила Наталья.

– Барышня, Анна Афанасьевна, да это же я, Катя.

– Катя? Какая Катя?

– Катя, горничная. Дочь пасечника Тимофея.

– Ничего не пойму. Где я? – попыталась заглянуть за раскрывшуюся стену, оказавшуюся пологом.

– Вы дома, в своей комнате, – глаза у девушки раскрылись еще шире, хотя это вряд ли было возможно.

Наступило молчание. Девушка вопросительно глядела на лежавшую, лицо которой было покрыто мелкими бисеринками пота и выражало крайнюю степень непонимания.

– Убери это, – наконец произнесла Наталья, кивнув на складки полога.

Катя потянула за шнурок, и полог разъехался в стороны. Наталья увидела просторную комнату с одним низким, но широким окном. За окном, по всему, ранние сумерки или раннее утро. Видны пышные кроны деревьев, и птичьи голоса доносятся именно оттуда. Справа от окна, в углу, богатый иконостас с десятком старинных икон, негасимой лампадкой и маленьким столиком, на котором лежала в солидном переплете библия. По другую сторону окна стоял пузатый, изукрашенный деревянными и металлическими накладками комод. Над комодом висело зеркало в прямоугольной металлической раме с закругленными углами. С одной стороны комода стояло кресло, рядом стол на толстой ноге, покрытый скатертью. На столе стояла свеча и тихо потрескивала.

Что было с другой стороны кровати, Наталья не видела. Для этого нужно было повернуть голову влево. А она по прежним попыткам знала, что малейшее движение приведет к головокружению и тошноте.

Потом. Сейчас бы главное выяснить.

А что главное? Давай рассуждать: произошла авария. Если она осталась жива, значит, ее, раненую, должны отправить в больницу. Это, судя по интерьеру, не больница. Дальше. Если она умерла, то должна попасть в ад, чистилище, рай или еще куда, а здесь просто домашняя обстановка. Правда, довольно необычная. Как в фильмах о старине. Вопрос: где она? Круг замкнулся. Спрашивать это чудо с глазами по шесть копеек бесполезно, опять ответит: дома. А чей это дом?

– Чей это дом? – вслух произнесла Наталья, чем окончательно обескуражила девицу с фитилькой на голове.

– Ну, как же это... Дом вашего батюшки, барина Афанасия Петровича Лыкова.

– А я кто? – постаралась смягчить интонацией не совсем нормальный вопрос Наталья.

– Господи, Боже мой, – вскинула руками горничная. – Анна Афанасьевна, да что же вы так пугаете меня. Неужто имени своего не помните?

Девушка заплакала. Если бы можно было без последствий поднять руку и почесать в затылке, Наталья, наверняка, так бы и поступила. Но тошнота, но головокружение...

– Как тебя зовут, ты говоришь?

– Катя, – громко шмыгнула носом девушка, – ваша горничная, Тимофея...

– Да слышала я уже про Тимофея-пасечника. Катя, ты не пугайся. Ты, милая, расскажи, что со мной произошло, может, я и вспомню что-нибудь.

Катя с готовностью приблизилась к изножью кровати, вопросительно глянула на Наталью

– Садись, – моргнула та.

Девушка удобно устроилась в ногах больной и начала рассказывать.

Наталья слушала о том, как некая Анна Афанасьевна, дочь хозяина дома, год назад сделалась богатой наследницей после смерти своей бабушки. Узнала также, что родители решили ее отдать замуж за князя Ногина, а она и видеть не хочет этого жениха. Катя подробно рассказала и о скандалах, что ежедневно закатывает мать бедной Анны, и о тайных свиданиях с соседом по имению.

Когда подошли к событиям недельной давности, то горничная стала хлюпать носом, тереть кулачком глаза и тяжело вздыхать. Именно неделю назад Анна упала с крутой лестницы и сильно зашиблась. Слуги перенесли ее сюда на руках. Вначале у нее открылась горячка, а потом, наоборот, вся похолодела и несколько дней лежала, как мертвая: не шевелилась, не дышала. Приезжал важный доктор, но не сказал ничего утешительного. Павел, её брат, сильно переживал, а отец, Афанасий Петрович так просто слег от горя. Все уже думали, что помрет бедная Анна, но через шесть дней у нее появились первые признаки жизни, а сегодня, милость Господа, она вообще глаза открыла да разговаривает.

– Все это интересно, Катя, что ты мне рассказала. Но это все про Анну Афанасьевну. А я-то как здесь оказалась?

Катя охнула испуганно, стала креститься, поглядывая то и дело на иконы. Потом у нее на глазах показались слезы и крупными горошинами покатались по румяным щекам. Она упала на ноги Натальи, обхватила их крепко, зарылась лицом в покрывало и в голос заплакала.

Истерика. Подождем и начнем еще раз.

– Барышня, – подняла голову Катя, – так вы памяти, знать, лишились, раз и своего имени не помните.

Наталья собралась возразить, что с памятью у нее как раз все в порядке. Она помнит все, что касается работы, семьи, хоть сейчас перескажет основные положения последней своей статьи, ушедшей в набор. Она помнит, как ее зовут и даже свою девичью фамилию готова назвать. Она не понимает, что произошло!

Как она оказалась в чужом доме, почему эта девушка называет ее Анной. Аварии помнит, а лестницы никакой не было.

Потом ее посетила вполне здравая мысль.

– Катя, подай мне зеркало, гляну, все ли в порядке с лицом. Все-таки, – ухмыльнулась про себя, – упала с крутой лестницы.

Катя ринулась куда-то в сторону, приговаривая, что у барышни не только на лице, но и на теле нет повреждений. Только ссадины на спине, да шишка на затылке величиной с ладонь.

Зеркало было размером с небольшую тефлоновую сковороду: червлёное серебро служило ручкой и оправой, в которой хрусталем светилось само зеркало. Вначале Наталья увидела только часть лица, от кончика носа до подбородка. Заостренный, какой-то детский подбородок, бледные губы, над ними почти незаметный пушок, какой встретишь у брюнеток.

Это не она, – чуть не сказала вслух Наталья. Но за плечом никого нет, значит, изображение её.

Рука дрогнула. Пересиливая слабость, подняла зеркало повыше: на нее глядели темно-карие в сиреневых веках глаза, брови затейливой дугой устремлялись далеко к вискам, черные острые ресницы при малейшем движении колыхались, как крылья бабочки.

Наталья со стоном опустила руку. Так не пойдет. Нужно целиком видеть лицо. Хотя и то, что она разглядела, было не ее. Уж свое лицо она знала в мельчайших подробностях. Недаром в последнее время так много внимания ему уделяла.

Ё-моё, приехали. Я не я, и рожа не моя! Ничего не понимаю, надо сосредоточиться.

– Катя, я устала. Ты иди, а я посплю.

– Спите, барышня, а я от вас никуда, ни на шаг. Мало что может случиться. Я вас закрою, и будьте покойны. Не прикажите, родителям сообщить, что вы очнулись? Может, еще не спят...

– Не надо. Пусть отдыхают. Утром сообщишь.

– Как скажете, барышня, – согласилась Катя.

Она потянула шнурок, края полога сошлись, образуя стену в мелкий цветочек. Но стена уже не волновала Наталью, как прежде, в бреду. Теперь ее волновало фантастическое пере рождение в Анну Афанасьевну.

Она, Наталья Николаевна Бегунова, попала в автомобильную аварию. Она может быть живой или мертвой. Но живая или мертвая, она по всем законам физики должна иметь свой собственный облик, пусть даже покореженный. И зваться должна собственным именем, и в документе о смерти должна стоять ее фамилия – Бегунова. Она же, сменив внешность, имя, дом и, очевидно, судьбу, оказалась примерно в 19 веке. Значит, ее внутренняя сущность, ее память о прежней жизни, ее убеждения и знания остались с ней, но поселились в другом времени и в чужом теле.

А Женька еще не верил в переселение душ. Вот бы его сюда сейчас.

Вспомнив о муже, Наталья застонала от внутренней боли. Вдруг она никогда его не увидит, и дочку не увидит, и никого из близких и родных? И не будет она журналистом, и все годы упорного труда по устройству жизни напрасны.

Слезы зацепили в носу и струйками потекли из уголков глаз к ушам. Ну почему, почему она ругала Женьку, почему всегда была недовольна всем, придумывала себе проблемы. Не могла жить по-хорошему и наслаждаться каждым днем, каждым часом. А теперь поздно. Мариночка, детка моя...

Горечь утраты душила ее, выворачивала нутро. Ей теперь казалось, что смерть милосерднее. В смерти ничего не чувствуешь, ни о чем не сожалеешь.

Наталья плакала неслышно, чтобы сидящая по ту сторону полога девушка не нарушила ее одиночества, сродни могильному одиночеству. Одна. Одна.

От долгого плача заболела голова.

Пора успокоиться. Слезами горю не поможешь. Что случилось, то случилось. Значит, судьба такая.

Краем покрывала Наталья вытерла мокрое лицо. Убрала с лица прядки темных волос. Одну прядь она даже поднесла к глазам, чтобы лучше рассмотреть.

Волосы – высший класс. Гладкие, блестящие и пахнут приятно – свежим сеном. Господи, причем тут волосы и сено, когда речь идет о жизни. Ну что теперь делать? Удавиться на этих шикарных волосах? А если жить, то как? Под чужим именем, ничего не зная, не разбираясь в этой жизни, отделенной от её собственной двумястами годами? Здесь все ей чужое, и она чужая. Здравсьте, я ваша тетя из будущего!

Она долго лежала, обдумывала создавшееся положение, пытаясь хоть что-то понять во всей этой метафизике с переселением душ, но результат был один – полная растерянность!

Кстати, а где душа несчастной девушки, Анны Афанасьевны? Горничная сказала, что она грохнулась с лестницы, и, судя по шишке, удар головой был не слабый. Вероятно, ее душа вылетела из разбитого тела и устремилась к небесам (недаром горничная сказала, что она шесть дней мертвой лежала). Моя же душа покинула мое несчастное тело, видимо, во время аварии. Где-то там, в заоблачных далях, произошел сбой, и они – Наталья с Анной, вместо того, чтобы прикорнуть у пьедестала Господа, возвращаются на землю. Но второпях теряют ориентировку: она влетает в тело Анны, а та, наоборот, в её. Другого объяснения нет. Ау, у кого версия лучше?

Как всегда в трудные моменты жизни Наталья не теряла твердости духа и чувства юмора, хотя на этот раз ей было в тысячу раз тяжелее и больнее, чем за всю прошедшую жизнь.

Самое страшное, что ничего нельзя узнать о своих. Она умрет от неизвестности. Что с Маринкой? Одно успокаивает, что не её спина болит, а неведомой Анны, значит, можно предположить, что с Маринкой ничего дурного не приключилось. Машину ударило в левый бок, а дочка была сзади и справа. Большая вероятность, что с ней ничего плохого, если только машина не загорелась. Тогда все. Господи, убей меня, но сохрани жизнь и здоровье Маринке!

Ночь истекала. А Наталья все еще надеялась, что все, с ней произошедшее, – кошмарный сон. Она проснется со звоном будильника, и жизнь потечет как прежде. Но теперь все будет по-другому. Она будет ценить каждое мгновение рядом с теми, кого любит. Прочь недовольство, пустые упреки, обиженное самолюбие. Она попросит у всех прощения, и они никогда больше не поссорятся. Этот сон многому научил её.

Но разум говорил другое: к прежней жизни она уже не возвратится. Теперь ей жить здесь, среди чужих людей, чужой обстановки. И она была не готова встретиться лицом к лицу с новой жизнью. Что ждет ее? По-видимому, её придется быть Анной Афанасьевной, занять ее место в семье, взять на себя ее обязанности и ответственность за прошедшую и будущую жизнь. Не может она сказать, кто она на самом деле. Попробуй скажи, и тебя тут же упекут в сумасшедший дом. Перспектива похуже смерти. Остается одно: согласиться, что она Анна, которая в результате падения с лестницы и удара головой потеряла память.

– Катя, ты спишь?

– Нет, барышня, как можно... Подать вам что?

– Не надо. Ты поближе сядь. Давай поговорим.

Полог разъехался в стороны. Катя с готовностью вновь уселась на край широкой кровати, чинно сложила руки под грудью и серьезно глянула на хозяйку.

– Расскажи, Катя, что было перед тем, как я упала с лестницы.

Горничная на минуту задумалась, глянула на потолок, потом вздохнула и принялась рассказывать. Рассказывала она умело, все по порядку, подробно, не повторяясь и не забегая вперед, не перескакивая с одного на другое. Похоже, что свой рассказ Катя повторяла уже не раз. В голосе ее появилась особая мелодичность, с которой рассказывают сказку или преданье старины глубокой. При этом в некоторых местах она останавливалась, вопросительно глядела на Наталью. Эти остановки касались не фактической стороны рассказа, а того, какие, предположительно, чувства испытывала барышня в тот или иной момент.

Наталья узнала об утреннем происшествии за столом.

– Скажи, из-за чего весь сыр-бор разгорелся?

– Ну, как же, барышня! Матушка ваша опять упрекали вас в том, что наследство после бабушки вам одной досталось.

– А что были еще претенденты? – спросила Наталья.

– Пре-тен-ден-ты? А-а-а, вы про то, что есть ли другие наследники? – Катя серьезно кивнула. – Есть! Во-первых, по закону наследовать должен был ваш батюшка, все-таки сын. Потом братец, Павел Афанасьевич. Мужчина, да и летами постарше вас. А Елизавета Федоровна все вам оставила. Да это бы ничего, но она хитро придумала: вы своим наследством распорядиться не сможете, пока замуж не выйдете или как вам двадцать пять годочков исполнится. А имение родителей ваших, сами знаете, заложено перезаложено. Денег нет, долги большие, а из наследства вашего их покрыть нет возможности. Вот матушка ваша и взбесилась. Каждый день вас доводила до слез попреками. А вы разве виновны – все бабушка ваша.

И про приезд князя Ногина, которого прочат неведомой ей Анне в женихи, узнала Наталья. Узнала, что он не только стар и отвратителен внешне, но и негодяй, каких поискать. Зато у него с Анастасией Куприяновной какие-то дела, договоры.

– Чем за такого идти, лучше в омут... – Катя виновато посмотрела на Наталью: вдруг обиделась за жениха?

Наталья молчала, переваривая услышанное. Читала она про неравные браки в книжках, но чтобы самой попасть в такую ситуацию! И ладно бы бедную выдавали за богача, а то богатую наследницу да за уроды сосватали. Что-то здесь не вяжется.

Еще девушка рассказала про письмо молодому соседу. Из её слов стало ясно, что Владимир Щуров подставил Анну, переслав ее письмо матери да еще с собственной припиской.

– А в записке что было? – спросила Наталья.

Катя заерзала на месте, заюлила глазами. Ясное дело, подслушивала, но признаться не хочет. Наталью же моральная сторона не волновала. Ей нужны достоверные факты, а горничная – просто источник сведений.

– Говори, что слышала, – усмехнулась Наталья.

– Там было что-то про девичью гордость, да уважение к родителям. Про побег и про церковь, где венчаться. Я не больно разобрала: Анастасия Куприяновна кричала и все с придыханием.. Где тут хорошо расслышишь.

Вот ведь гаденыш! Девушка к нему всем сердцем, честь свою и жизнь доверила, а он ее сдал. Представляю, что в душе у бедной Анны было!

– Что же это он так поступил? Некрасиво.

– Да уж что хорошего. Верно струсил да и, Бог свидетель, только вы и почитали его смелым да решительным, а на самом деле... Не стоит он ваших слез и унижений, вот что я вам скажу!

Глазки горничной сверкнули, руки в кулачки, губы презрительно скривились.

– Вы, барышня, тогда из гостиной вышли, ну, чисто покойница: лицо не просто бледное, а в синеву даже, губы закушены, а глаза... глаза... я страшнее не видывала. Я ведь тогда за нюхательной солью побежала, боялась, вы в обморок упадете. Когда вернулась со склянкой, вас уже и след простыл. Я тогда весь дом обежала, все службы, спрашивала о вас. Как в воду канули. Часа три прошло не меньше. Стали уже беспокоиться, не сотворила ли вы чего нехорошего с собой.

Катя остановилась, прижала руки к сердцу, словно опять переживала страх за барышню.

– Мы как раз с нянькой голову ломали, куда вы могли подеваться. Уж, не к тетке ли в монастырь, думали...

– К тетке?

– Ну да, к Варваре Петровне, сестре вашего батюшки, что в монашки подалась. Не помните?

– А дальше? – проигнорировала вопрос Наталья.

– Вот сидим с нянькой, думаем о том, что надо в монастыре справиться, а тут... – Катя начала всхлипывать, – тут Влас и прибежал.

– Какой Влас?

– Тот, что нашел вас внизу у лестницы. Прибежал, трясется весь, клянется, что не видел, как вы падали, только слышал, будто что-то свалилось сверху. Поднялся, чтобы посмотреть, а тут вы...

– Как же я могла упасть? Споткнулась?

– Не знаю, барышня, Анна Афанасьевна, – покачала головой горничная. – Но только все показывает, что вы спиной вниз падали. Словно толкнули вас, – Катя испуганно взглянула на Наталью.

– И кто же это мог сделать? – с интересом спросила та.

– Да Бог с вами, барышня, кто на такое злодейство способен? Да и никого не было наверху из слуг или посторонних.

– Тогда скажи, кто был.

– Родители ваши были наверху. Оттуда и спустились, как все произошло. Афанасий Петрович из своего крыла прибег, сама видала. Глафира, горничная вашей маменьки, позже всех прибежала, значит, где-то была, может, и не в доме вовсе.

– Но ведь кто-то же толкнул меня, а, Катя?

– А может, никто и не толкал, – неуверенно начала горничная, – может, сами оступились да и ...

– Может быть, может быть, – выдохнула Наталья.

Хорошенький детективчик в семейном интерьере! Все дело, конечно в наследстве. Кто-то решился на преступление, чтобы после смерти Анны все получить. Разумеется, чужому ничего не достанется. Значит, преступник среди членов семьи. Это могут быть родители, ближайшие родственники, например та же тетка Варвара, или брат Павел. Не надо быть гением сыска, чтобы понять, что на такие преступления идут из-за острейшей нужды в деньгах.

В Наталье просыпался азарт журналиста. Ей и раньше приходилось из разрозненных фактов и досужих разговоров выяснять действительные причины и механизмы происшествий. Ну, вот хоть взять случай с домом Кокоткиных в центре города. Она тогда первая догадалась, что в действительности происходит! Какую статью написала! Редактора после этого чуть не уволили, но обошлось.

Но в том случае она была незаинтересованная сторона. А сейчас расклад другой. Сейчас на карту поставлены её жизнь и здоровье. Поэтому «журналистское расследование» нужно провести качественно и в сжатые сроки.

Что же мы имеем? Во-первых, круг подозреваемых. Он не велик. Правда, надо учитывать, что преступление можно совершить и чужими руками. Но в данном случае вряд ли, потому что наверху в момент падения, как сказала Катя, чужих и слуг не было.

Во-вторых, мотив. Если семейство разорено, а наследством воспользоваться нельзя до 25 лет, то остается сговориться с богатым старичком, чтобы тот вернул часть наследства в обмен на красоту и молодость невесты. Возможно, Анастасия Куприяновна так и сделала, но Анна отказалась выходить замуж за старого уроды. Ждать несколько лет, когда Анна начнет распоряжаться капиталом и поможет семье, невозможно. Вариант с замужеством не прошел, осталось одно – получить наследство во что бы то ни стало. Даже ценой жизни бедной девушки. Вот вам и мотив преступления.

Остается дознаться, кто совершил преступление и примерно наказать. А как? Допустим, это кто-то из родственников. Подать в суд? Или самой палачом выступить? Вот то-то и оно! Как пел Высоцкий: «Пусть жизнь рассудит, пусть жизнь накажет»!

За окном ночь. Легкий ветерок шевелит занавеску на окне. Если приглядеться, можно сквозь кроны деревьев увидеть звезды. И светло. Наверное, полнолуние. Помню, раньше в такие ночи не спалось. Подойти бы к окну.

– Катя, – тихо позвала Наталья, – помоги встать.

– Что вы, барышня! Лежите смирно, не дай Бог чего...

– Ничего не будет, мы потихоньку.

Укоризненно качая головой, Катя все-таки помогла Наталье подняться: вначале приподняла ей плечи, потом осторожно спустила ноги с кровати, напрягшись, оторвала ее от ложа. При этом Наталья даже не охнула, хотя боль, которую она испытывала при малейшем движении, была адской. С бешеной скоростью завертелись перед глазами стены и мебель. Пришлось ухватиться за горничную и почти повиснуть на ней, борясь с подступившей дурнотой. Наталья почувствовала, как горячий пот побежал между лопатками и от груди по животу.

Она передохнула с минуту и медленно двинулась к окну. До него было шагов шесть-семь, но на их преодоление ушли все силы. В изнеможении Наталья упала на широкий подоконник, подставила лицо и плечи прохладному воздуху из сада. Она дышала, как загнанная лошадь, но не жалела, что решилась на это. На свежем воздухе мысли ее прояснились, душа взбодрилась, и новое ее положение теперь не казалось таким уж страшным и безнадежным.

Будем жить, разберемся с семейными проблемами. Образование дай Бог всякому, опыт житейский имеется, только не отчаиваться.

Наталья упивалась прохладой сада и не могла насытиться. После недельного вынужденного пребывания в постели, тело просило движений. Хотелось выгнуться, как кошке, расправить косточки, нагрузить мышцы упражнениями, пробежаться...

Только далеко ли с такой спиной убежишь? Судя по тому, какую боль она испытывает, ушиблены не только мягкие ткани, но и рёбра, и позвонки. Хорошо, что обошлось без переломов и сдвигов, а то бы калека на всю оставшуюся жизнь. Наталья поежилась, представив себя сидящей в инвалидном кресле или лежащей пластом.

Ничего, все заживет, спину постепенно разработаю. Главное сейчас – разобраться в сложившейся ситуации. Надо бы подольше «поболеть», чтобы успеть собраться с мыслями, выработать тактику и стратегию дальнейшей жизни. Эта Анна, видимо, зашла в тупик. Или ее туда загнали. Нужно так себя повести, чтобы вновь не оказаться на краю лестницы. Переломить ситуацию, взять ее под контроль и зажить по своему разумению, а не по чьей-либо воле.

Прикинуться, что потеряла память при падении: ничего, мол, не помню, даже своего имени. Наверное, тот, кто столкнул Анну, сейчас сидит и трясется от страха, что я выдам его. А от страха может придумать еще чего-нибудь, да похуже. Во второй раз может и не повезти: тело – в могилу, душа – в рай. Решено, будем играть амнезию. А дальше разберемся.

Наталья стояла, одной рукой опираясь на плечо Кати, а другой на подоконник. Перед ней в призрачном свете луны таинственно колыхали свои кроны огромные деревья, было слышно, как переговариваются между собой ночные птицы, беспокойно перелетают с места на место. Издали доносился угрожающий голос филина. Близко тявкали собаки, подавала голос домашняя скотина. В такую ночь покоя не жди. Мало кому удастся преодолеть непостижимое притяжение луны.

А над всем этим небо, звездное, глубокое. Наталья видела, как с небольшим перерывом падали одна за другой яркие крупные звезды.

Надо загадать желание, и оно исполнится. Самое главное – пусть с Маришкой ничего не случится. Чтобы ни ушиба, ни царапинки. Пусть Женька будет счастлив. Пусть мама не сильно переживает. А если Анна сейчас на моем месте, пусть ей будет хорошо. Пусть у них все будет хорошо. А что же для себя? Пусть здравый смысл не покинет меня, и не дай Бог, повторить мне мои прошлые ошибки.

– Пойдем, Катя, отдыхать. Утро вечера мудренее.

– Верно, барышня. Набирайтесь сил, а там, глядишь, все уладится, – они двинулись в обратный путь.

– Само ничего не уладится, его надо улаживать, – проговорила Наталья, осторожно опускаясь на постель. – Ты, Катя, иди, поспи. Мне ничего не понадобится. А вот с утра хотелось бы мне помыться. В баньку бы.

– Да чего проще? – заулыбалась горничная. – Я вас и попарю, и помою на славу. Глядишь, спина в тепле поправится.

Катя продолжала еще говорить о пользе бани, березового пара, а Наталья мыслями была уже далеко.

Главное – не проговориться, вести себя адекватно новой жизни. А еще собрать информацию о том, что здесь происходило и происходит.

Помни, что ты теперь Анна. Не хочешь с ума сойти, будь мудрее. Не допусти второго падения с лестницы или яда в чашке с чаем. Запомни, ты – Анна Афанасьевна Лыкова, богатая наследница, невеста князя. Впереди у тебя длинная жизнь, и от тебя зависит, какой ей быть.

А ведь мне повезло: могла бы поменяться местами с какой-нибудь огородницей или телятницей, а то и вышивальщицей где-нибудь в монастыре. Садилась в машину вольным журналистом, а очнулась бы крепостной крестьянкой. Так что мне крупно повезло в данной ситуации. А дальше все от ума и воли зависит. Вот и покажи, на что способна. Хотя кому тут показывать?

Итак, кто ты? «Анна». «Анна». «Анна».

Наступило утро, и «Анна» с бьющимся от волнения сердцем стала ждать, что будет. Она знала от Кати, что ту скоро сменит нянька, которая растила Анну с пеленок. Это был шанс узнать многое из того, о чем «Анна» не знает, например, почему она воспитывалась у бабушки, а не у родителей.

Еще её беспокоила мысль, что родителям, наверняка, уже известно, что она пришла в себя, но они не спешат повидаться. Хотя если они придут, то о чем она с ними будет говорить? Вдруг они сразу догадаются, что перед ними не их дочь?

Анна беспокойно ворочала головой. Она не могла найти удобное положение. Сильно болела спина, заставляя напрягаться все тело. Вдруг начало гореть лицо, а руки и ноги, напротив, заledenели. Стараясь успокоиться, «Анна» считала про себя до тысячи, прикусывала зубами костяшки пальцев, но тревога не унималась – она боялась первой встречи с «родственниками». Боялась, что выражение лица выдаст её.

– Катя, – позвала она, – прикрой окно и опусти занавеску. – Свет глаза режет.

Горничная принялась выполнять приказание, а сама все оглядывалась, недоумевала, почему так беспокойна больная.

Бедная, догадалась Катя, она боится, что и родителей не признает, и брата Павла Афанасьевича. Свое имя не вспомнила, где ж ей другие имена припомнить. Как же ей помочь?

– Барышня, Анна Афанасьевна, – пришло ей в голову, – давайте я про то, что вы память потеряли, сама расскажу барыне и Афанасию Петровичу. Они, конечно, удивятся, но чего на свете не бывает. Память потерять, это не руки или ноги лишиться. Не навек это у вас. Времячко пройдет, голова заживет. Может, доктор лекарств вам пропишет, вот и образуется все. А нет, так и не страшно. Чего уж в нашей жизни запоминать было. День прошел, и слава Богу.

Катя прибиралась в комнате, оправляла постель и без остановки говорила. Было видно, что она изо всех сил старалась отвлечь молодую девушку от грустных мыслей, искренне сочувствовала.

– А я вам подсказывать буду, если что понадобится. Я про ваши дела мно-о-ого чего знаю. «Анна» решилась:

– Катя, мне бы про свою жизнь с начала до сегодняшнего дня узнать.

– Это вы, Анна Афанасьевна, у няньки спросите. Она вас вынянчила. Считай, сразу после крестин взяла вас бабушка к себе, так нянька ни на шаг не отходила от вас, пока вы в возраст не вошли. Да и здесь в доме вашего отца вы у нее под надзором были, как ваша покойная бабушка велела перед смертью.

Тут она замолчала, но так посмотрела на «Анну», что та поняла спросить, а не решается.

– Вижу, спросить меня хочешь? Так спрашивай.

– Я, барышня, про ваш сон хотела спросить. Вот вам все бабушка снилась, а теперь?

– Бабушка, говоришь? – задумалась «Анна». – И часто?

– Вы сказывали, чуть ни каждую ночь. Все она вас звала куда-то, рукой подманивала.

«Анна» задумалась. Бывают вещие сны. Не зря, видать, к Анне во сне приходила ее бабушка-покойница да звала. Вот и свершилось. Анны нет, а вместо нее я. Мне же перед аварией никакого сна не приснилось. Всю ночь, помню, не спала, злилась на Женьку. Теперь не на кого злиться.

Правду говорят, что имеем, не храним, потерявши – плачем. Раньше из неё слезинку было трудно выжать: не женщина – камень. А сейчас выть хочется, рыдать, головой биться о стену! Потеряла, все потеряла: жизнь свою, любовь, мужа, дочь. Впереди неизвестность, чужая жизнь, непривычная реальность, опасные повороты судьбы, злые родственники.

«Анна» с силой потеряла воспаленные глаза, судорожно сглотнула: больной, одинокой, растерянной входила она в новую жизнь. Ни одного близкого человека, никого, с кем можно было бы поделиться тайной своего превращения. За что ты, Господи, меня так?

– Я почему спросила, – продолжала Катя. – Когда в первую ночь сидела возле вас, ваша покойная бабушка мне привиделась. Уж не знаю, во сне или наяву. Я тогда жуть как испугалась.

– А что она сделала?

– Да ничего, только погрозила мне, что я задремала. Я подпрыгнула от страха и к вам. А вы... у вас... – голос горничной задрожал. – У вас на лице подушка лежит. Вот так, – Катя взяла подушку и приложила к себе. Я тогда до смерти испугалась, что вы задохнулись. Но Бог пронес – бабушка вовремя меня разбудила.

– А откуда же подушка взялась?

– Я сама ее в угол забросила, а потом забыла. Для вас доктор потребовал другую, плоскую.

– Но ведь как-то оказалась подушка на моем лице. Может, кто-то заходил в комнату?

– Никого не было, – уверенно начала Катя, но осеклась. – Хотя... Кажется, Анастасия Куприяновна заходила. Но я точно не помню – меня тогда в сон клонило.

– Анастасия Куприяновна, говоришь, – задумчиво произнесла «Анна», – родная мать...

– Ой, барышня, уж не думаете ли вы...

– Конечно, нет. Разве я могу подумать, что родная мать своей больной дочери подушку на лицо положит, чтобы та задохнулась, – усмехнулась «Анна».

Катя глядела на «Анну», и в её голове, видно было, шла напряженная работа. Приход Анастасии Куприяновны, видение бабушки, подушка... Если все связать вместе, то получится... Господи!

Катя еще хотела что-то сказать, но тут на лестнице послышались тяжелые, шаркающие шаги. «Анна» вопросительно глянула на горничную.

– Это нянька, – понимающе подбодрила Катя. – Вот обрадуется, что вы на поправку пошли.

Дверь открылась, и на пороге показалась высокая, грузная старуха. Хотя старухой ее назвать трудно: на впалых щеках румянец, губы полные, морщинки покрыли лицо, но в волосах ни одного седого волоса. Наталья повидала за свою жизнь женщин, рано состарившихся под грузом забот, волнений, нездоровья. Нянька выглядела иначе. Если ее приодеть, причесать, снять это дурацкий чепчик да заставить улыбнуться, то хоть замуж отдавай.

Еще с порога нянька заметила, что глаза «Анны» открыты. По-утиному переваливаясь, она быстро пересекла разделяющее их пространство и упала рядом с кроватью.

– Анечка, касатушка, вот обрадовала меня, – зашамкала беззубым ртом нянька. – Открыла свои ясные очи, не покинула нас безвременно. Все сердце я себе изорвала, что не уберегла тебя, мою ласточку, от злого лихоимства...

Тут она как поперхнулась. Испуганно взглянула на «Анну», припечатав кулак ко рту.

– Что это я, старая, придумываю, наговариваю, – глаза ее беспокойно перебежали с лица «Анны» на Катю и обратно. – Не слушай меня, это я заговариваться от горя начала.

Нянька тяжело поднялась с колен и уселась в пододвинутое горничной кресло. Степенно расправила складки шуршащей синей юбки, подпернула кацавейку, уголком светлого платка утерла губы.

– Как же тебя, Анечка, угораздило упасть с лестницы? Как не смотрела под ноги?

– Да я смотрела, – тихо ответила ей «Анна», – да видно, чего-то не углядела. Вот и попла- тилась.

На лице няньки появилось обескураженное выражение. Она внимательнее взглянула на лежащую девушку. Вроде все в ней, как было, а что-то изменилось. Не разобрать что именно, но будто возрасту прибавилось, будто не неделя прошла, а годы. Вот и голос похож, а слышится в нем не девичья зрелость. Ишь, как ее перевернуло!

Нянька схватила руку «Анны», прижалась к ней губами и затихла, не зная, что и сказать. Камень с души свалился, как увидела живой Анечку ненаглядную. Петь бы о радости, а в горле немота: заробела отчего-то под взглядом своей Анечки. Чувствует старая, будто потеряла что, а где и как – не понимает.

Господи, спаси, сохрани и помилуй нас, грешных. Что это со мной, ай, не признала я свою девочку, вынянченную, выхленную вот этими руками. Слава Богу, жива, а остальное тьфу...

– Нянька, беда какая приключилась, – начала Катя.

Старая резко вскинула голову и пристально поглядела вначале на «Анну», потом на гор- ничную.

– Говори, не тяни, – прикрикнула она, видя, что Катя не решается сказать. – Спину сло- мала?

– Что ты, Господь с тобой, – истово стала креститься девушка. – Страсти какие говоришь. Память она потеряла.

– Как память? Да разве ее можно потерять? – от удивления нянька и рот раскрыла.

– Имени своего не помнит, ничего не помнит, что с ней случилось.

Нянька недоверчиво поглядела на «Анну», на Катю: уж не смеются ли они над старухой? «Анна» чуть кивнула: правда.

– Да как же это? Я про такое не слыхала во всю жизнь. Я тоже, бывает, забуду куда вязанье положила, так это по старости... Неужели даже имени не помнишь? И меня не помнишь?

– Нет.

Вот что меня в ней напугало, подумала нянька. Она глядит на меня, как на чужую. Что же теперь будет?

– Надо Афанасия Петровича да Анастасию Куприяновну предупредить, – начала Катя.

– А как же, как же, – суетливо согласилась нянька, – обязательно. Пусть в город пошлют за лекарством. Там доктора ученые. Глядишь, и выздоровеет наша Анечка.

«Анна» про себя усмехнулась. Ей никакой доктор не поможет. Наоборот, если она скажет, кто она на самом деле да откуда взялась, так точно в дурдом определят или в дальней комнате запрут и приставят охрану, чтобы не сбежала. Вот тогда у них руки будут развязаны – можно и о пересмотре наследования подумать.

Тут «Анне» впервые пришла в голову мысль, что разыгрываемая ею амнезия может сослужить ей плохую службу. Вдруг воспользуются её болезнью и объявят недееспособной?

Больной человек – он и есть больной. Скажут, потеряла память, управлять капиталом не сможет. И законом отнимут все. Кто я тогда буду? Невеста-бесприданница, к тому же не любимая в семье. Одна дорога – в монастырь. Да-а-а, придется с «маменькой» поладить и согласиться на брак с князем Ногиным. А уж там, выйдя из-под власти родителей, сумею выкрутиться.

– Катька, беги к барыне, скажи, что Анна в себя пришла, – приказала нянька. Она поднялась с кресла, что у кровати больной и пересела на стул возле окна. – Скажи им про память, да не усердствуй. Они сами разберутся, что к чему. Твое дело – сказать, а антимонии не разводи.

Глаза Кати сверкнули обидой.

– Что я не понимаю?

– Ну, поговори мне еще, – прикрикнула старая. – Сказано иди, так исполняй.

Сердито дернув плечиком, Катя выскочила из комнаты.

– А окно-то! – понеслось ей вслед. – Вот егоза, забыла окно открыть. Темно... – Кряхтя, стала она подниматься со стула.

– Не надо, – остановил ее голос «Анны». – Не надо. Мне от света хуже.

Нянька так и застыла. Вроде ничего особенного, а как сказала...

– Не буду, не буду... – опять заробела женщина. – Как скажешь, Анечка.

В комнате повисло молчание. Нянька беспокойно перебирала концы шелковой шали, покрывавшей ее плечи, «Анна» без всякого выражения смотрела на дверь, откуда должны появиться ее «отец» и «мать».

Будем считать, что встреча с нянькой прошла нормально. Может, я ее не слишком ласково встретила, но откуда мне знать, как они общались? Пусть думает, что моя холодность от болезни.

Напряжение внутри «Анны» нарастало, и она уже хотела, чтобы поскорее произошла встреча с остальными членами семейства Лыковых.

Не забывай, внушала она себе, что один из них столкнул Анну с лестницы. Но свою догадку при себе держи, ни словом, ни взглядом не дай понять, что тебе что-то известно. Иначе запишет преступник и натворит дел.

Так, кажется, идет кто-то.

Действительно, послышались торопливые шаги. Дверь отлетела, как от удара ногой, и на пороге возник молодой мужчина в расстегнутой чуть не до пояса рубашке с оборками. Талию охватывал широкий пояс, а старинного покроя штаны были заправлены в хромовые сапоги.

– Анечка, – кинулся мужчина к постели. – Ну, наконец-то! Как мы беспокоились, сколько бессонных ночей провели. Очнулась, вот и умница.

Не спросив разрешения, посетитель уселся на кровать:

– Как же так случилось, что ты упала? – и, не ожидая ответа, продолжал. – Я так рад, так рад, что страшное позади.

Павел, брат. А ничего, симпатичный и видать действительно рад, что с «сестрой» все благополучно. С другой стороны, вдруг играет? Улыбается, а сам ругает себя, что не довел дело до конца. Ладно, подождем, тоже поиграем, а там поглядим.

Павел в радостном волнении теребил руки «Анны», покрывал их поцелуями, прижимал к своим щекам. У него были мягкие, как шелк, усы и налитые, упругие губы. От него пахло хорошим табаком и кожей. Глаза светились неподдельной любовью, и «Анна» сама заулыбалась в ответ на его искреннюю широкую улыбку.

– Подожди, вот тебе, – проговорил Павел и полез за пазуху

Оттуда показалась чудная кремовая роза на длинном стебле с колючками. Одна колючка царапнула, и на груди Павла заалели крохотные капельки крови.

– Смотри, – протянула руку к царапине «Анна». Павел губами перехватил ее руку.

– Чепуха. Главное, ты жива и скоро поправишься. И мы с тобой совершим длинную прогулку верхом. Я тебе давно обещал, да все недосуг было. Но теперь обязательно. Слово офицера!

«Анне» было приятно находиться в объятиях Павла, и она чуть не забыла, что он ей брат.

Хороший брат, ласковый, на убийцу вовсе не похожий. Его легко полюбить. За ним, верно, все девки бегают, да замужние вздыхают, проходу не дают. Завидный жених, жаль семейство разорено. Ну да ничего, с его-то красотой можно богатую невесту найти.

Тем временем Павел легко поднялся, подошел к окну и решительно взялся за занавеску, намереваясь отодвинуть ее в сторону.

– Не надо! – разом остановили его «Анна» и нянька.

Павел в недоумении обернулся.

– Здесь душно...

– Павел Афанасьевич, – заговорила нянька, – свет беспокоит Анечку. Вы уж потерпите до ее полного выздоровления.

– Безусловно, – сокрушенно пожал плечами Павел и виновато посмотрел на «Анну». – Прости великодушно.

Она улыбнулась. Тут только Павел заметил, что в сестре произошла разительная перемена. Лицо приобрело новое выражение. Если бы он не знал, то подумал, что не неделя прошла, а лет пять, семь. Не осталось и следа от наивности, детской беспомощности и неуверенности в лице лежащей перед ним девушки. Она смотрела так, словно знала обо всех и обо всем таком, чего им и вовек узнать не придется.

В комнате повисло молчание. Брат достал из-за пояса трубку, но не решился закурить и сунул ее обратно. Потом его пальцы прошли сверху вниз по рубашке, застегивая мелкие пуговицы. Большими пальцами обеих рук он расправил пояс, потом всей пятерней провел по белокурым волосам, пригладил усы и, не зная, чем еще себя занять в данной ситуации, опустился у кровати на пол. Боком прислонился к ложу, взял руку «Анечки» своею теплой рукой и, нежно перебирая ее пальчики, стал разглядывать изменившееся лицо сестры.

За дверью послышались шаги, и Павел почувствовал, как напряглась рука «Анны». Он удивленно поглядел на нее, потом что-то прикинул в уме и понимающе подмигнул. Через секунду он уже был на ногах и вальжной походкой пересекал комнату в направлении к окну.

Дверь открылась. На пороге стояли «родители». Кряхтя, покинула свое место у окна нянька, пошла им навстречу, низко склонилась. Обойдя ее, как неживой предмет, первой двинулась к постели Анастасия Куприяновна. За ней, по-медвежьи переступая, двинулся Афанасий Петрович. Губы его под пшеничными, с легкой кучерявинкой усами подрагивали. Он то и дело вытирал глаза большим батистовым платком и приглушенно кашлял в кулак. Вся его высокая, некогда стройная фигура с годами стала рыхлой и грузной. Удлиненные поседевшие волосы были зачесаны назад и открывали широкий с глубокими залысинами лоб, прорезанный тремя глубокими морщинами.

Рядом с ним статная белокурая красавица Анастасия Куприяновна в темно-голубом свободном платье, с высокой прической выглядела просто королевой. Длинная белая шея изящной линией переходила в плечи и грудь, красивой формы руки придерживали прозрачную шелковую шаль с длинными кистями, сквозь которые посверкивали драгоценными камнями перстни. И прическа, и голубые немного навывкате глаза, и слегка курносый нос, и томность во всем облике – все было словно с картины Рокотова. Анастасия Лыкова была красива и, можно даже сказать, совершенна, если бы не рот – чувственный и лживый. Люди с таким ртом легко лгут, лжесвидетельствуют, льстят и подличают. Человеку с таким ртом трудно доверять и опасно доверяться.

«Мать» заметно моложе «отца», но сразу было видно, кто хозяин в доме. Афанасий, ясное дело, подкаблучник, из воли жены никуда. А она помыкает им по своему усмотрению.

На убийцу собственной дочери Афанасий, явно, не тянет. Но вот к «маменьке» стоит присмотреться. Эта королева привыкла добиваться своего во что бы то ни стало.

– Анечка, голубушка, – всхлипнул Афанасий Петрович и, обойдя жену, первым подошел к кровати. – Как ты нас напугала. Мы уж отчаялись... Вот и доктор гарантий никаких не дал. Все, говорит, в руках божьих. Видно, Господь услышал наши молитвы, отвел беду.

Отец наклонился на «Анной», нежно провел по щеке пахнувшей табаком ладонью и поцеловал сначала в лоб, потом в щеку. «Анна» улыбнулась ему:

– Здравствуйте, – с трудом проговорила она.

Ох, как трудно принимать ласку, предназначенную другой. Потом более уверенно:

– Простите меня, что заставила вас страдать. Мне очень жаль.

– Да что ты, Анечка! Кто ж тебя винит? Да я не знаю, как бы жил без тебя, – Афанасий Петрович вытащил платок, закрыл им лицо и, вздрагивая всем телом, побрел к окну.

«Анне» искренне было жаль его. Она вообще не могла видеть плачущих мужчин. Стала искать слова утешения, но не успела. Стоящая вначале без движения Анастасия Куприяновна, сделала шаг к кровати и присела на край. Она взяла руки «Анны» в свои, покрыла их поцелуями. Ее лицо выражало материнскую любовь и ласку, в глазах стояли слезы, готовые вот-вот пролиться. Вся она была само материнство в чистом виде. И только очень проницательный человек мог заметить напряженно приподнятые плечи барыни, нервно подрагивающие крылья носа и чуть брезгливо скривившуюся нижнюю губу. Но заметить этого было некому: находящиеся в комнате видели лишь спину и склоненную голову растроганной матери.

Анастасия покачивала головой, не в силах выговорить ни слова. Руки ее гладили щеки и грудь «Анны», бережно перебирали прядки волос, разглаживали тонкие дуги бровей.

– Как я рада, доченька, как рада. Сколько слез я пролила за эти дни и ночи. Но теперь ты поправишься, и этот кошмар забудется.

«Анна» старалась поймать взгляд Анастасии Куприяновны, но глаза той беспокойно перебегали с одного на другое. То она обращалась лицом к мужу, то тревожно ощупывала глазами лицо старой няньки, то напряженно замирала под взглядом святых икон. Но все же встретиться взглядом им удалось: светло-голубые материнские и темно-карие – дочери. В голубых стоял невысказанный вопрос: «Что ты помнишь?», в темно-карих: «На что ты способна?»

– Доченька, как же все произошло? – принялась за осторожные расспросы мать. – Ты упала... Может, голова закружилась?

– Может, – тихо произнесла «Анна». Она ждала, какие еще версии выдвинет «маменька».

– Я в молодости тоже страдала неожиданными головокружениями, – начала Анастасия Куприяновна. – Помню, по каждому пустяку в обморок падала.

– Вы, маман? – подал насмешливый голос Павел. – Мне казалось, вы всегда были крепки и энергичны. Субтильность не ваш стиль.

– Ах, Павлуша, – слегка покраснела, как застигнутая на воровстве, мать, – это я сейчас такая. А видел бы ты меня в молодости.

– Отец, – не унимался Павел, – это правда, что маменька была столь нежна, что теряла сознание по малейшему поводу?

Афанасий Петрович нахмурил брови, посмотрел вначале на сына, потом перевел взгляд на жену, словно не понимая, о чем они говорят.

– Анастасия Куприяновна была девицей хоть куда, и обмороков я не помню. Вот только раз, когда ее сестрица Александра...

– Да хватит тебе, что пустое вспоминать, – резко оборвала воспоминания мужа и так глянула на него, что тот, бедный, и забыл, о чем начал говорить.

Грациозно поднявшись, Анастасия Куприяновна поправила на плечах шаль и ласково попрощалась:

– Выздоровливай, дорогая. Все разговоры отложим. У нас ведь есть о чем поговорить, правда?

– Поговорим, маменька, – с легкой улыбкой согласилась «Анна».

Никто из родителей не помянул про исчезнувшую память. Может, Катя им ничего не сказала? Ведут себя так, словно ничего не произошло. Или не поняли смысла того, о чем им поведала горничная? Или проверяют, правда ли это. А может, не хотят докучать больной?

...Подошел отец, перекрестил ее, снова поцеловал и, оглядываясь на каждом шагу, поплелся за супругой, открывающей дверь.

– Ты тоже иди, брат, – обратилась «Анна» к Павлу, – мне отдохнуть надо. После увидимся и поговорим.

Но Павел не трогался с места. Он раздумывал, как деликатнее спросить сестру, действительно ли она ничего не помнит?

– Я действительно ничего не помню, – прочитала его мысли «Анна». – Тебе придется потрудиться, чтобы познакомить меня со всеми, кто меня окружает, рассказать о прошлых годах.

Павел смотрел на сестру во все глаза. Он не мог поверить, что такое случается, тем более, что случилось в его семье, с близким ему человеком.

– Бедная моя Анечка, – тихо проговорил Павел, – я сделаю все от меня зависящее, чтобы память к тебе вернулась. Вот увидишь. Ты мне веришь?

– Верю. А теперь иди. Я устала. Начнем с завтрашнего дня. Да, во что... Мне бы с доктором переговорить. Спина меня беспокоит.

Павел встревожился:

– Сильно болит? Встать сможешь? Немедленно пошлю.

– Зачем торопиться? – успокоила его «Анна». – Не вижу причины для особого беспокойства. Давай договоримся, что доктор придет денька через два. Хорошо?

Брат вместо ответа поцеловал ее в щеку и нежно провел пальцами по волосам. «Анна» опять поразилась, до чего приятно ей было его прикосновение. Но чтобы он больше не задерживался, она закрыла глаза и зевнула.

Павел на цыпочках вышел.

Доктор Шеффер прибыл уже на следующий день. Он очень понравился «Анне»: не суетлив, не многословен, с чувством юмора. По его удивленному виду «Анна» догадалась, что доктор не ожидал увидеть её живой. Значит её первоначальная догадка, что смерть настоящей Анны имела место, была верна. Тем радостнее засветились глаза доктора, когда «Анна» сказала, что чувствует себя неплохо, вот только спина болит.

– После такого падения, как ваше, сударыня, в том нет ничего странного. Это большое счастье, что нет перелома ребер, у вас не отбиты внутренние органы, да и смещения позвонков я не наблюдаю, – неторопливо комментировал он, ощупывая спину, бока и грудь больной. – Так нажимаю, больно?

– Нет.

– А здесь?

– Немного.

– А если так?

– О-о-й!

– Понятно, – задумчиво проговорил доктор, садясь за стол. – Ткани спины очень напряжены, поэтому необходим массаж, – он повернулся к стоящей тут же Анастасии Куприяновне. – Следует каждый день массировать всю спину от шеи до копчика. Еще я выпишу лекарства, которые придется принимать в течение двух недель, это на случай, если где-то запеклась кровь от удара, – доктор старательно писал на небольшом листочке. – А вы, сударыня, – повер-

нулся к «Анне», – избегайте резких движений и наклонов. Питайтесь крепкими бульонами, больше пейте воды.

Сидя в кресле напротив, Анастасия Куприяновна согласно кивала головой на каждую реплику доктора. Неизвестно, какие мысли одолевали её в этот момент, но по лицу нельзя было ничего прочесть. Если бы кто-нибудь дал себе труд приглядеться в этот момент к её лицу, то с интересом заметил бы, что она не производила впечатления убитой горем матери, озабоченной единственно здоровьем дочери. Напротив, всеобщее внимание к больной начало ее раздражать. Тенями мелькали по лицу страх и подозрения.

Хорошо это или плохо, что дочь потеряла память? Помнит ли она о том, кто был виновником её падения? Это надо же: упасть с такой высоты и остаться в живых! А ведь толкнула она тогда дочь изрядно...

Вспомнив об этом, Анастасия Куприяновна внутренне содрогнулась: она чуть не стала убийцей! Видит Бог, она не хотела этого! Но напряжение последних недель, когда многочисленные долги буквально схватили её за горло, невозможность достать деньги и, наконец, решение Анны уйти в монастырь, как...

Ведь всего-то и требовалось от нее – согласиться на брак с князем. Стала бы княгиней, каталась бы как сыр в масле. Так нет, заупрямилась! Да все так свысока, гордо! А у нее, Анастасии, тоже нервы. Вот и не выдержала, от злости толкнула!

Когда же поняла, что натворила, то чуть руки на себя не наложила. Хорошо Глафира постоянно при ней была, а то бы...

Анастасия Куприяновна почувствовала, как страх ледяной змейкой пополз у нее по спине, заставляя сердце сжиматься в тисках. Неужели она бы решилась на это? Нет, невозможно. Она не способна прервать жизнь...свою.

А вот чужой жизнью она распорядиться была готова. Сейчас эта правда предстала во всей своей неприглядности. Если с лестницы она столкнула Анну в порыве, то как объяснить, что на следующую ночь она пробралась в девичью спальню и, чтобы докончить начатое, придавила подушкой беззащитную девушку? Какие тут могут быть оправдания? Никаких.

Женщина опять поежилась в кресле. Она пропустила мимо ушей все, о чем говорили доктор и «Анна», не заметила, как появилась в комнате горничная Катя и начала расспрашивать о том, как давать лекарства, чем потчевать больную. Горничная расспрашивала доктора, что такое массаж, и тот пообещал прислать сиделку, которая обучит ее искусству лечения руками.

Катя влюбленными глазами смотрела на доктора, глупо хихикала на его шуточки и не переставала приседать.

Доктор одобрительно отнесся к тому, чтобы «Анна» парилась в бане.

– Это будет полезно и для мышц, и для суставов. Именно в бане можно растирать спину, создавая движение крови. Но, – доктор поднял вверх длинный тонкий палец, – всегда помните, что после бани спину надо укутывать особенно.

– Как же, сударь, мы понимаем, – Катя млела оттого, что ученый человек снизошел до разговора с ней. – Укутаем, как положено...

Она бы еще не прочь поговорить с доктором, но барыня Анастасия Куприяновна вдруг резко поднялась.

– Прошу вас, сударь, после осмотра спуститься в кабинет. Мне бы хотелось уточнить кое-что относительно здоровья Анны.

Доктор склонил голову в знак согласия. Если ему и показалась странным сдержанность хозяйки дома, то мнение свое он при себе держал. Но если бы его спросили, что он думает о падении молодой девушки, ответил бы, что в своей врачебной практике он знал только один подобный случай, когда молодой человек упал спиной, неосмотрительно усевшись на неширокие перила балкона. Травмы, подобные травме барышни Лыковой, случаются, если человека толкнуть в грудь.

Но его не спрашивают, а за визиты хорошо платят. Семейные дела порой бывают запутанными, а он только доктор.

В кабинете, куда доктор Шеффер спустился через некоторое время, Анастасия Куприяновна ждала его, сидя за столом, где красовался старинный серебряный поднос с графином и тарелочки с закуской.

– Прошу вас, сударь, – указала на кресло хозяйка. – Мы вам благодарны за хлопоты и позвольте угостить вас...

– Благодарю, уважаемая Анастасия Куприяновна. Но, право, какие могут быть хлопоты, когда дело касается жизни и здоровья детей. Я от души рад, что в случае с Анной Афанасьевной все обошлось наилучшим способом. Страшно представить, если бы был сломан позвоночник. Тогда девушку ждала бы пожизненная неподвижность.

– Спаси Бог, – перекрестилась Анастасия Куприяновна. – Это была бы катастрофа. Вы, наверное, слышали, сударь, что Анну сватает князь Ногин.

Доктор не показал своего удивления.

– Поздравляю, сударыня. Такая великолепная партия.

– Я тоже так думаю, – Анастасия Куприяновна наполнила рюмку доктора. – Но слухи о трагическом падении могут дойти и до князя. Вдруг он не захочет жениться на девушке, у которой повреждена спина. Вы понимаете меня, – сделала смущенный вид хозяйка, – супружеские обязанности предполагают...

Она не договорила, полагая, что доктор сам понимает, что она имеет в виду.

– Я постараюсь довести до сведения князя, – догадался гость, – что здоровью барышни ничего не грозит.

– Что ж, приятно иметь дело с умным человеком, – облегченно проговорила Анастасия Куприяновна и положила рядом с подносом крупную купюру.

Доктор с достоинством взял деньги, склонился к руке женщины и неторопливо покинул кабинет.

– Семейные тайны, семейные тайны, – бормотал он себе под нос, пока устраивался в экипаже.

... – Только бы князь не отказался жениться, – молилась Анастасия Куприяновна, меряя шагами пространство кабинета. – А уж заставить Анну согласиться, теперь я смогу.

Князь – единственная её надежда на спасение от полного разорения. Она сейчас ненавидела свою покойную свекровь, которая посмеялась над ней, лишила всего.

Конечно же, во всем была виновата свекровь! Если бы она оставила наследство как положено сыну, то не превратила бы её, Анастасию, в убийцу. Почему она так сделала, неужели так и не простила её?

– Боже, сколько же мне еще расплачиваться за грехи молодости? Будет ли тому конец? – Анастасия рухнула на диван и забилась в рыданиях. – Будь проклят, будь проклят!

Она уже не помнит некоторых событий своей жизни, но роковой день, когда она поддалась страху и согласилась на условия своего бывшего любовника Мартына Трохина, она помнит во всех подробностях.

Была зима. Накануне Рождества они с мужем получили приглашение от губернатора на ежегодный бал. Анастасия была горда и счастлива! У неё появилась возможность показаться в высшем свете во всей своей красоте и блеске. Месяц назад из Парижа прибыло платье, изящнее, прелестнее которого вряд ли можно было отыскать в их губернии. Прическа, украшения – все было продумано до мелочей. Она уже представляла, как они с Афанасием входят в залитый огнями зал, слышала восторженный гул голосов мужчин, замечала завистливые глаза губернских дам.

Действительность превзошла все ожидания. Они с Афанасием были признаны красивейшей парой. Молодые повесы весь вечер наперебой приглашали её, и Анастасия не пропустила

ни одного танца. Шум, блеск драгоценностей, восторженные улыбки и комплименты поклонников вскружили ей голову, а внимание губернатора и его супруги окончательно убедили её в том, что она необыкновенна, и быть рядом с нею большая честь для присутствующих. В её голове зрели честолюбивые планы, удивительные проекты дальнейшей жизни, а пузырьки шампанского вызвали все новые и более грандиозные мечты.

– Добрый вечер, сударыня, – перед нею стоял и нахально улыбался Трохин. – Вы, я вижу, славно устроились после того, как мы расстались, – его красные губы приблизились к краю бокала и чувственно потянули напиток.

Со времени их последней встречи прошло почти десять лет. Все эти годы Анастасия усилием воли гнала от себя воспоминания о первой любви, которую растоптал, распял её бывший любовник. По его милости её сестра стала калекой, а ей пришлось идти замуж за нелюбимого. По его милости она дрожала долгие месяцы за себя и будущего ребенка, страшась, что её муж или свекровь вдруг заподозрят что-то.

И вот он снова появился в её жизни, и чувствует сердце Анастасии, что ничего, кроме зла, не принесет их встреча.

В миг поблекли краски чудного бала, лица превратились в застывшие маски, музыка металлическим скрежетом сверлила мозг.

– Добрый вечер, – не нашлась, что ответить Анастасия. – Я здесь с мужем...

– Как же, как же, слышан! – Трохин улыбался, но в глазах стыл лед. – Блестящий офицер, богач, единственный наследник семейства Лыковых. – Мужчина протянул руку и взял пустой бокал из рук Анастасии. – А я помню, вы клялись мне в вечной любви. Вот и письма ваши в том подтверждение.

Трохин просунул руку под китель, и Анастасия подумала, что он сейчас достанет её глупые письма и покажет всем. Все будут смеяться над ней, показывать на нее пальцами!

– Ну, ну! Что же вы так побледнели, прелестная Анастасия? Не хотите вспоминать прошлое, не надо. Но мне вспоминать вы запретить не можете. В моей жизни остались лишь воспоминания и, может быть, ...сын... Павел... Я прав?

Анастасия пошатнулась. В голове закружилась карусель. Лица, обстановка – все слилось в разноцветную ленту, которая петлей обхватывала горло женщины, затягивало узлом так, что нельзя было и вздохнуть. Еще немного, и она бы рухнула на пол. Но Трохин предусмотрительно взял ее под локоть и так сжал нежную кожу женщины, что боль вернула ей сознание.

– Ч-ч-то вы хотите? – едва шевеля затвердевшими губами, проговорила Анастасия. – Вы хотите погубить меня?

– Бог с вами, прелестная Анастасия Куприяновна! Как вы могли подумать о таком, – железные пальцы чуть ослабили хватку. – Но вы умная женщина, знаете, как добиваться своего в жизни. Почему же мне отказываете в этом умении?

– Вы хотите денег? – догадалась Анастасия. – Сколько?

– Вы прямолинейны, как прежде, милочка моя. Сколько? Пока я сам не знаю, сколько стоят мои воспоминания и ваши письма, – он насмешливо смотрел на побледневшее лицо бывшей любовницы. – Я пришлю к вам своего человека, через которого и передам чего и сколько. И не волнуйтесь так, прекрасная Анастасия! Только любовное волнение вам к лицу, и я надеюсь, что когда-нибудь я вновь смогу увидеть на вашем лице румянец страсти и вожделения.

Анастасия дернулась, как от пощечины. Боже, этого гнусного человека она любила! Почему раньше она не видела его лживых, алчных глаз, влажного кроваво-красного рта вампира? Правду люди говорят: любовь зла, полюбишь... и такое чудовище!

Ладно, пусть насладится своей победой. Деньги ничто по сравнению с её доброй репутацией. Она отдаст ему столько, сколько он потребует, и забудет о нем навсегда. Навсегда! Навсегда!

Заключительная часть бала прошла для Анастасии как в тумане. Заметив её отчужденное лицо, рассыпались кавалеры. Муж всё с большим удивлением глядел на нее, поминутно вопрошая, не заболела ли она. Наконец она ответила, что у нее действительно разболелась голова, и они покинули блестящее собрание. Она не заметила, как проехали путь от города до Лыкова, не помнила, как её раздели и уложили.

Афанасий испугался, когда у нее началась лихорадка, не отходил от постели жены. В бреду Анастасия кого-то молила оставить её в покое, требовала укрыть в потайном месте сына Павлика, бежала по бесконечной лестнице вслед за сестрой Александрой. Афанасий мало что понял из бессвязных выкриков жены, но заподозрил, что лихорадка связана с сильным впечатлением из прошлой её жизни, еще до замужества.

Четыре дня Анастасия пробыла в бессознательном состоянии. Доктор поставил диагноз – нервное потрясение. Афанасий долго перебирал в памяти лица на балу. Именно на балу, решил он, Анастасия встретилась с кем-то, кто вызвал у нее душевную болезнь. Кто же это был? Что между ними произошло?

Выздоровливала Анастасия медленно и трудно. На каждый шум за окном резко вскидывалась, тревожно спрашивала, кто прибыл. Но постепенно нервы её пришли в норму, и жизнь потекла как прежде. Без изменений.

Единственно, что произошло через две недели после бала, это принятие на работу в качестве горничной некой Глафиры Трохиной, тихой, старательной молодой женщины, которая взяла на себя все заботы об Анастасии Куприяновне.

Никто и подумать не мог, что через Глафиру идут бесконечные просьбы-приказы обо всё увеличивающихся суммах, которые Анастасия выплачивала в обмен на молчание своего бывшего любовника Трохина.

... Ближе к полудню в комнату проскользнула Катя. Вопросительно глянула няньку.

– Спит, – ответила нянька. – Больному человеку сон – первое лекарство.

– Она баню просила.

– Баню? – недоверчиво протянула старая. – Не замечала я, чтобы Анна была охотницей до бани.

– Так ведь спина болит, – заступилась Катя. – Да и доктор говорил, что баня при болях в спине полезна. Вот мой батюшка рассказывал, как на Пасху...

– Зачем мне знать, что твой батюшка на Пасху натворил? Болтушка ты. Подожди, спрошу, когда проснется.

Тяжело скрипнуло кресло под грузным телом няньки. Полог колыхнулся в одну сторону. «Анна» лежала, уставившись в потолок, в лице забота. Она слышала, как пришла Катя, и что говорилось про баню.

«Анна» взглянула на няньку и стоящую за ее спиной горничную. Она сомневалась, дойдет ли до бани, не станет ли ей хуже?

– Баня готова? Это хорошо. Помогите подняться.

Катя протянула руки, «Анна» ухватилась за тонкие запястья, нянька ловко придерживала за спину. Спину, как огнем, жгло, сводило все мышцы, перехватывало дыхание. В какой-то момент «Анна» хотела отказаться от задуманного, но пересилила свою слабость. Потихоньку дело двигалось. Вот уже она на ногах, на нее накинули теплый халат, поверх закрепили теплый платок. Попробовали на ноги надеть домашние туфли, но отекавшие ноги не влезли. Нянька кинулась к комоду и из нижнего ящика вытащила пару вязаных шерстяных носков с красными стрелками. Катя натянула носки на ноги «Анне», и они втроем медленно двинулись к двери.

«Анне» было любопытно, что она увидит за дверью: что за дом, в котором ей теперь предстояло жить, каков интерьер. Не забыть, подумалось ей, про опасную лестницу, с которой «она» упала.

Но особо разглядывать ей не пришлось: от боли слезы застлали глаза, и она сквозь дрожащую влагу смогла немного разглядеть по пути. Ковры, портреты на стенах, люстры, мягкие диванчики вдоль стен. Все как в кино про пушкинскую эпоху.

Подшли к злополучной лестнице. Нянька с горничной переглянулись за спиной «Анны», потом с состраданием посмотрели на нее.

– Я с этой лестницы упала? – спросила «Анна».

– Да, да. А там, внизу, тебя Влас и нашел.

– Круто, – многозначительно произнесла больная.

– Крутая лестница, – подхватила нянька. – Мне как нож острый подниматься по ней. А уж после того, как ты..., то вовсе бы не видеть ее.

– А это что за дверь? – поинтересовалась «Анна», кивая на дверь как раз напротив первой ступеньки.

– Это покои вашей матушки, барышня, – начала Катя, но не успела закончить, как дверь отворилась, и на пороге появилась женщина средних лет, скромно одетая, но держащаяся с большим достоинством.

– Добрый день, Анна Афанасьевна. С выздоровлением вас, – женщина низко поклонилась. – Мне Анастасия Куприяновна уже рассказала, что с вами все в порядке. Господь услышал наши молитвы, сберег вас о смерти. Радость-то какая!

– Это Глафира, горничная вашей маменьки, – шепнула незаметно Катя, в то время как женщина трижды перекрестилась, непроизвольно глядя на лестницу.

«Анна» мысленно измерила расстояние от двери комнаты, откуда вышла Глафира, до верхней ступеньки лестницы.

Идеальное место для убийства. Толкнул и спрятался за дверь. Секундное дело. А шансов остаться в живых после падения с такой высоты никаких. Странно, что девица себе шею не сломала, а только спину ушибла. Повезло-о-о.

Кивнув приветственно горничной «матери», «Анна» ступила на лестницу. При этом она почувствовала такую боль, что пожалела, что затеяла этот поход в баню. Слезы ручьем полились, и она хотела уже остановиться. Но внизу хлопнула дверь, послышались уверенные шаги и стук плетки о голенище сапога. Это был Павел.

– Павел, – непроизвольно позвала «Анна». Павел удивленно поднял голову, увидел сестру, заметил ее скривившееся от боли, залитое слезами лицо и вмиг взлетел наверх.

– Далеко ли собрались, красавицы? – подмигнул он Кате.

Щеки горничной порозовели, глазки так и заиграли.

– Барышня в баню хотят, – игриво дернула плечиком Катя, не обращая внимания на укоризненное покачивание головой няньки. – Да вот не получается никак: от каждого шага у сердешной дух захватывает. Не знаем, чем помочь.

– А я знаю! – Павел подхватил «Анну» на руки и, прижав к себе ее легкое тело, пошагал вниз.

«Анне» было больно, очень больно, но сказать об этом Павлу она не могла. По крайней мере, так она скорее преодолит весь путь по этой чертовой лестнице, не будет риска еще раз упасть от неловкого шага.

Через несколько секунд они уже стояли внизу. «Анна» с любопытством оглядывала огромный холл со стеклянными дверями, широкий коридор, уходящий вправо и влево, кадки с декоративными растениями, скульптуры в нишах и старика, восседающего на высоком стуле у двери, выходящей на широкое крыльцо.

Увидев барышню, старик резво вскочил со стула и замер в почтительном поклоне. «Анне» открылась розовая лысина с редкими кустиками волос за ушами.

– Привел Господь видеть вас в добром здравии, уважаемая Анна Афанасьевна, – распрямился старик в ливрее. – Эх, напугали вы старика, я чуть было разума не лишился, когда вас вот здесь на полу нашел, – старик захлюпал носом.

«Анна» внимательно поглядела на старика.

– Тебя ведь Власом зовут?

– Как же, барышня, точно так, Власом, – старик удивленно заморгал.

– И кем ты служишь, Влас?

Влас в недоумении поглядел на Катю и няньку.

– Привратник я. Мое дело дверь открыть, закрыть, господам доложить да за порядком здесь, внизу, смотреть. Все скажут, что я службу исправно несу, ваш батюшка доволен мной...

– Влас совсем сник под странным взглядом молодой хозяйки.

– А не видел ли ты, Влас, – продолжала допытываться «Анна», – как я упала?

– Как лежали внизу, видел и побег тут же сообщить. А как вы упали, барышня, нет, не буду греха на душу брать, не видел. Только вы не подумайте, что я уходил по своим делам, пост свой бросил. Не было такого.

– А может, заснул невзначай? – понимающе спросила уже уставшая стоять девушка. Пот покрыл ее виски и верхнюю губу. Ноги заметно подрагивали, и она все чувствительнее обвисала на руках Кати и няньки.

Старик испуганно вскинулся.

– Как можно-с... Да я.. верой и правдой, – старик стал тереть глаза.

– Да не винят тебя ни в чем, – прикрикнула на него нянька. – Ну, заснул, беда небольшая. Не видел, так не видел.

Влас опустил покаянно голову.

– Правда ваша, барышня, может, и задремал. Но вот что скажу: помню я голоса наверху. О чем говорили, не разобрал, но говорили тихо и спокойно. Не ругались, не ссорились. Потом шум какой-то. Я подумал на крыльце: встал, дверь открыл – никого. Потом дверь затворил, повернулся... а тут вы и лежите.. Уж потом я сообразил, что шум этот оттого, как вы падали.

Старик еще ниже голову опустил.

– Говоришь, не ругались наверху? – вступил в разговор Павел.

– Нет, барин. Точно помню, что разговор тихий был. Да и не прислушивался я сильно. Не моего ума дело чужие разговоры.

– Спасибо, Влас.

– За что, барышня? Я все как есть на духу... Уж не прогневайтесь на старика за его слабости.

– Что ты! Я не сержусь.

Влас снова поклонился, бормоча слова благодарности, а женщины двинулись по левому коридору вглубь дома.

– Спасибо тебе, Павел, – обернулась «Анна», – дальше я сама смогу.

Павел от души улыбнулся и, насвистывая, стал подниматься по лестнице вверх.

– Я к маман, – сообщил он. – Она за мной посылала, а я задержался.

Значит, когда я у лестницы стояла да с Глафирой разговаривала, Анастасия Куприяновна у себя была. Ишь ты, и не вышла даже, не поинтересовалась, куда я направилась, не посочувствовала. Запомним!

В сопровождении своих сиделок «Анна» брела в баню, преодолевая боль в спине и начавшееся головокружение. Она ругала себя за то, что рано поднялась, за свое безумное желание попариться, вымыться. Силы были на исходе. Не дойдет.

Но она дошла, а когда входила в теплое нутро парилки, пахнущее липовым цветом, березовым веником и хлебом, уже не жалела, что потратила столько сил. Она опустилась на широкую скамью, позволила Кате раздеть себя.

Часа через полтора «Анна» без сил лежала в своей комнате, укутанная в мягкое покрывало. Она блаженствовала. Тело после бани было не только чистым и благоухающим, но и невесомым. Спина, конечно, болела, но не было изматывающей душу стянутости мышц, не было похожих на укусы пчел уколов вдоль позвоночника. «Анна» с улыбкой вспоминала, как две румяные крепкие девки в широких рубахах и закрученными на затылках волосами под руководством Кати охаживали ее в парной вениками. Только там она осознала преимущество быть госпожой. Она и пальцем не пошевелила, а девки, видимо, следуя заведенному ритуалу, не только напарили и помыли ее, но и размяли каждую косточку, каждую жилку. И все это с приговорами, с загадочными прибаутками.

Пар был легкий, душистый, вода в меру горячей, веник почти не дотрагивался до ее тела, останавливался в миллиметре от кожи, обжигая и массируя. В бане не было привычных «Анне» шампуней, мыла и прочих прибабасов двадцать первого века, но волосы после бани стали шелковистыми, блестящими, кожа бархатистой.

«Анна» чувствовала, что и в душе стало чище и спокойнее: смылись горечь потерь, страх перед будущим, сомнения. Наружная чистота странным образом дисциплинировала мысли, делали сознание четким, логичным.

Ей в некоторые минуты казалось, что она присоединилась к неизвестному космическому источнику и черпает там чистую энергию, духовные силы, психическое равновесие. Теперь она готова была сразиться с неведомым врагом, начать новую жизнь. Она знала, что эта жизнь будет непростой, ей многое придется сделать, чтобы не потеряться, не сгинуть в неизвестности, не сокрушаться о случившемся.

Пришла Катя и принесла морс.

– Барышня, выпейте, это клюква на меду. Мой батюшка сам готовит, говорит, лечебный напиток.

«Анна» с жадностью приникла к бокалу.

– Катя, есть хочется.

Горничная взмахнула руками. Кинулась к двери, крикнула кого-то.

– Сейчас, барышня. Повар уже извещен, что вы поднялись. Приготовил специально для вас ваше любимое.

– ???

– Забыли вы, конечно... – Катя стала перечислять, какие блюда предпочитала Анна, вставляя незнакомые, по-видимому, французские слова.

«Анне» названия ничего не говорили, но бульона она бы с удовольствием съела. А еще помидоров соленых и чаю крепкого, черного. Ну, можно чуть сливок добавить.

Интересно, в доме чай пьют? А кофе? Как утром без кофе? Ладно, не в жратве счастье. Привыкну к тому, что подают, а там закажем. Девица я богатая, могу собственного повара иметь.

В другое время она бы с удовольствием помечтала о том, какие преимущества дают большие деньги. Мысленно перепланировывала бы квартиру, купила антикварную мебель, эксклюзивные ковры. А еще финскую сантехнику, кожаные диваны, кресла... Да мало ли что можно сделать, будь у нее много денег? Например, поехать всей семьей к морю...

Со своей семьей... В своем нынешнем положении её мысли постоянно возвращались к тому, кого так внезапно оставила, и, видать, навсегда. От этого все внутри у нее переворачивалось, сжималось в тугой комок, ударяло в голову, и ей стоило больших трудов не выть и не биться в бессилии головой. Аппетит мигом пропал.

Пока Катя болтала, принесли поднос с тарелками. «Анна» с помощью горничной удобнее устроилась среди подушек и с жадностью набросилась на обед.

Выходит, я целую неделю ничего не ела. Вынужденная диета, хотя тело теперь у меня и без того тощее, по сравнению с тем, что было раньше. Значит, не придется мучить себя разгру-

зочными днями, диетами, калориями. У-у-у, как вкусно. Пирожки во рту тают, оказывается, они с рыбой. Я такой раньше и не пробовала. Так, а это что? На пирожное похоже, но приторно. Вместо земляники, лучше бы апельсин. Вот теперь бы чаю или кофе.

– Катя, скажи, в доме кофе есть?

Горничная повернулась. На лице крайняя степень удивления.

– Кофе только ваш батюшка пьет да Иохим. Неужто захотите такую горечь... Я бы в жизни не взяла в рот.

– Иди, принеси кофе, большую чашку.

– Пойду скажу Иохиму, пусть приготовит, как для самого Афанасия Петровича, – горничная направилась к двери. – Я сейчас.

У двери она остановилась, смущенно посмотрела на «Анну».

– Чтобы вас никто не беспокоил, барышня, я вас на ключ закрою.

– С ума сошла?!

Катя дернула плечиком, округлила глаза и подняла вверх палец, словно предупреждая о чем, и вышла. Только юбка закрутилась винтом, а в замке дважды повернулся ключ.

Бойтся меня одну оставить, без присмотра. Верно, тот случай с подушкой вспоминает. Интересно, было это на самом деле или Кате привиделось? Вначале лестница, потом подушка, в третий раз может не повезти.

«Анна» лежала на прохладных простынях, почти не ощущая боли. Её глаза бродили по комнате, останавливались на уже знакомых предметах. Лучи заходящего солнца играли на богатых окладах икон, отражались зайчиками на противоположной стене, словно на гладкой поверхности моря. Она вспомнила похожий вечер позднего лета, когда...

Нет, нет! Никаких воспоминаний. Не рвать себе душу. Пусть заживет рана в сердце, тогда можно будет предаваться воспоминаниям. Еще не время.

За дверью слышались шаги и приглушенные голоса. Ключ повернулся в замке. На пороге стояла Катя, а за ее плечом маячил неопрятно одетый, давно не стриженный, но тщательно выбритый мужчина. Близко посаженные глаза, вытянутый череп и квадратный подбородок выдавали немца или прибалта. Шагнув в комнату, посетитель галантно отвесил поклон, поздоровался и застыл с важным видом в трех шагах от постели «Анны».

– Это Иохим, барышня, – пояснила Катя.

– Я пришел удостовериться, высокочтимая госпожа, что вы действительно пожелали кофе, который в России мало популярен, особенно в провинции, – Иохим говорил с заметным акцентом. – Мы, немцы, уважаем сей напиток, потому что он бодрит и придает мыслям ясность.

Иохим подошел ближе и протянул «Анне» жестяную коробку с разрисованной крышкой. Крышка закрывалась на мизерный крючок, а на крышке был изображен эпизод разгрузки неграми старинного парусника. Видны были даже мелкие детали, такие, например, как ожерелья на шеях черных рабов, подзорная труба в руках капитана, полосатая бандана на голове боцмана.

Немец открыл жестянку, чтобы «Анна» в полной мере могла насладиться ароматом заморского напитка. Она ощутила легкий запах обжаренных зерен и еще какой-то посторонний запах. В молотый кофе, явно, было что-то добавлено.

– С чем у вас кофе, уважаемый? – стараясь сохранить серьезный вид, произнесла женщина. – Я чувствую постороннюю добавку, но ... что это могло быть?

Иохим поднял брови чуть ни ко лбу.

– Высокочтимая госпожа имеет тонкое обоняние, если смогла заметить аромат корня цикория, который я добавляю, потому что знаю его целебные свойства. Этот корень...

– Не надо, Иохим. Про цикорий я знаю, – начала «Анна», но, встретившись с удивленным взглядом Кати, прикусила язык. – Не помню, кто мне рассказывал или я читала, – стала она путаться.

Иохим деликатно не заметил смущения барышни и продолжал расхваливать кофе.

– Я немедленно иду заварить вам чашку кофе и самолично вручить вам!

– Если вас не затруднит, добавьте в чашку немного сливок.

– О-о-о, вы знаете толк. Иду и скоро вернусь.

Сделав поворот через левое плечо, Иохим чуть не строевым шагом вышел из комнаты, «Анна» же решилась поглядеть на горничную.

– Сама удивляюсь, что на меня нашло. Вот ничего не помню, а про цикорий вспомнила.

– Барышня, голубушка, может, память к вам возвращается. Хотя как знать, вы раньше кофе не пили, любили лимонад да морс. Еще черешневый компот часто просили.

– Я, Катя, сама не ведаю, что со мной, – пришлось оправдываться «Анне». – Какие мысли еще в голову придут.

Катю давно мучил один вопрос, и она решила, что пришел момент, когда она может его задать.

– Спросить я хочу, да все не решаюсь. Уж не прогневайтесь... – Катя замялась, на щеках пятнами румянец запылал.

– Говори.

– Вы, барышня, раньше, до того, как упали, на дно раз пять подойдете к иконам. Молились усердно. Вас даже маменька богомолкой звала в насмешку. А тут ни разу и не взглянули на образа...

Вот глазастая, все-то она примечает. Боже, что дальше будет? Я не вписываюсь в эту жизнь. Сейчас Катя, потом остальные начнут замечать несуразность моего поведения, моей речи. Как оправдываться будем?

Только сейчас в полной мере женщина осознала, на какой опасный путь встала, присвоив имя, судьбу и состояние другой. Пока она в постели, ее странности не так заметны. Но придется встать, общаться с семейством, с другими людьми. У настоящей Анны, наверное, и подруги были, и поклонники. Все привыкли к одной Анне, а у них появилась другая. Не может она измениться враз. Придется контролировать каждое свое слово, каждый жест. Сможет ли она? Потеря памяти, конечно, подходящая причина измениться, но не все можно списать на это. Надо изо всех сил стараться вжиться в реальность, стать современницей.

– Правда, Катя, не стою я перед образами, а как мне встать? – лихорадочно начала оправдываться «Анна». – Встать самостоятельно я не могу, ты меня и на горшок сажаешь. Шагу без посторонней помощи ступить не могу, а ты... Да разве я не молюсь? Кому как не ему и пожаловаться мне. А ну как калекой на всю жизнь останусь! Подожди, еще горб вырастет.

Катя виновато прильнула к руке «Анны».

– Спаси, сохрани и помилуй, – она испуганно взглянула на суровые лики святых. – Что вы, барышня, голубушка. И мыслить об этом не смейте. Мало в вашем семействе горбуны Александры Куприяновны, так и вы накликаете себе...

– Это про какую Александру Куприяновну ты говоришь?

– Тетка ваша, вашей матушки родная сестра. Горбата она с молодости. Говорят, то ли упала, то ли застудилась.

– Упала? Как я?

Тут Катя и замерла.

– Батюшки, а ведь и правда. Слышала я, что в молодости Александра Куприяновна в одночасье заболела, а как выздоровела, так горб и пошел расти. А вдруг и она упала? Вот судьба-а-а.

Помолчали.

– Может у няньки спросить? – задумалась «Анна». – Может, она об этой истории знает?

– Откуда? Несчастье с теткой вашей произошло еще до женитьбы вашего отца. А няньку к вам приставили уже после вашего рождения. И привезли из Рогозина, а это во-о-он где. Нет, не знает она ничего про это дело.

– Ну ладно, я сама разужнаю. И не смотри на меня так. Боюсь, что тоже горбатой сделаюсь, вот и хочу поинтересоваться...

– Верно, верно говорите, барышня. Только маменька ваша не привечает сестрицу Александру Куприяновну. А когда сама бывает в городе, редко проводывает. Только на день ангела и навещает. А вы так только раз и были у нее.

– Так ведь я раньше и не падала так.

– Правда ваша, – смутилась Катя.

Разговор о тетке взволновал «Анну». Ей пришло в голову, что ее падение еще можно посчитать несчастливой случайностью, но два падения в семье – это уже слишком. Она готова была хоть сейчас бежать к неведомой ей тетке и устроить допрос.

Нужен предлог, чтобы навестить тетку. Вот поправлюсь и попрошу Афанасия Петровича отвезти меня в город. Там и встретимся.

Катя видела, что дума одолела барышню: лоб нахмурен, нижняя губа прикушена, и незнакомое упрямое выражение в глазах. Да, сильно изменилась Анна Афанасьевна с того дня, как чуть не рассталась с жизнью.

– Барышня, давайте я вам косы расчесу. Поднимайтесь тихонько, вот так, еще, осторожнее. Вот и слава Богу.

Катя подложила под спину больной подушку, чтобы той было удобно опереться. Тут «Анне» показалось, что Катя на мгновение замерла с другой подушкой в руках. Задумчиво повертела подушку в руках и так, и эдак,

– Опять задумалась о подушке?

– Все пойдет из памяти, проклятая, – Катя сунула злосчастную подушку к спинке кровати и сосредоточенно принялась расчесывать темные волосы «Анны», бережно касаясь их вначале редким гребнем, а потом щеткой из щетинки. «Анне» были приятны прикосновения к голове, она от удовольствия даже глаза прикрыла. В пору замурлыкать.

Хотя никогда у нее не было таких длинных кос, но сам процесс ей был удивительно знаком. Это ее удивило.

Наверное, у тела есть собственная память, и разум не в силах ее контролировать. Значит, независимо от моей воли, тело будет реагировать на происходящее, как привыкло. Не зря я заметила, что рука сама тянется ко лбу, стоит только упомянуть имя Бога. Так и дергается. А я ведь никогда раньше не крестилась, ну если только в церкви или еще по какому-то конкретному случаю.

Тем временем Катя заплела косы, перекинула их на грудь, а на голову надела маленький белый платочек. Склонила голову к одному плечу, полюбовалась на дело рук своих.

– Я пойду? – спросила горничная.

– Иди, я уснуть попробую.

– Если что понадобится, позвоните.

«Анна» вопросительно подняла брови. Катя протянула руку к столику и взяла с него маленький блестящий колокольчик.

– Как же ты услышишь? – недоуменно спросила «Анна».

– Так ведь я за стенкой у вас. Не беспокойтесь, не провороню.

«Анна» взяла колокольчик в руки. Он приятно охлаждал ладонь и при легком покачивании издавал приятный звон. Она положила колокольчик поверх одеяла.

– Ты меня опять запрешь?

– Береженого Бог бережет, – рассудительно заметила Катя. – Вы сами никуда не сможете пойти, а другим...

– Делать здесь нечего, да? – со смехом закончила «Анна».

Горничная улыбнулась, лукаво мигнула и выскользнула за дверь. Послышался скрежет ключа, потом удаляющиеся легкие шаги.

«Анне» и впрямь удалось поспать, а когда проснулась, вновь почувствовала голод. Еще сильнее хотелось пить. Сейчас бы чаю или крепкого кофе. Да где же этот Иохим? Забыл что ли?

«Анна» нащупала колокольчик в складках покрывала и несколько раз качнула из стороны в сторону. Звук получился слабый, тогда она резче дернула колокольчик. Теперь звон заполнил комнату. За дверью послышались торопливые шаги. В замке повернулся ключ, и на пороге возникла Катя. Скорым шагом она пересекла комнату, привычно поправила постель.

– Поспали, барышня? Ну и слава Богу. Сейчас обед принесут, и Иохим дожидается, когда с кофеем прийти.

– А ты зови его сейчас. Пить очень хочется.

– Так, может, морсу?

– Нет, кофе, да и Иохим может обидеться.

Катя дернула плечом:

– Вот еще на немчуру глядеть, не велика птица.

– Нехорошо, Катя – устыдила горничную «Анна», – он ведь от чистого сердца.

– Вы, барышня, всех защищаете, ко всем с добром, – помолчала. – Потому, верно, и любят вас все, что в доме, что на деревне.

– Все, ты думаешь?

– За ваше сердце золотое только каменный вас любить не будет, да может...

– Ну, договаривай.

– Я хотела сказать, – замялась горничная, – что не всякая любовь вам нужна.

– Это ты про что, я не пойму.

– Про князя. Князя Ногина, за которого вас матушка сватает.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи.

– А что рассказывать? Встанете, увидите жениха, так сразу и вспомните.

Было видно, что Катя не хочет говорить о предполагаемом сватовстве. «Анна» оставила ее в покое, лишь приказала позвать Иохима с кофе.

Та, сложив руки под передником, пошла звать старика.

Через четверть часа появился гордый своей миссией Иохим с большой чашкой дымящегося кофе. Он торжественно подошел, поставил поднос на столик, важно склонил свою голову.

– Я приготовил кофе по рецепту моего старшего брата Ганса, который понимал толк в этом.

Катя взяла чашку, приблизила к лицу и брезгливо вдохнула парок.

– Овсом печеным пахнет, – изрекла она презрительно.

«Анна» укоризненно покачала головой.

– Лучше помоги мне подняться, знаток.

Катя хохотнула и принялась подсовывать под спину «Анне» подушки. Женщина заметила, что снова тень пробежала по лицу горничной, стоило ей только взяться рукой за подушку в наволочке из васильков.

– Да забудь ты про эту подушку, – усмехнулась «Анна». – Как возьмешься за неё, так задумаешься.

– Правда ваша, барышня, – понизила голос Катя. – Как возьму ее в руки, так и мелькнет в голове: приходила тогда ваша матушка или нет. Никак точно не вспомню, сильно я тогда в расстройстве была, в голове все перепуталось.

– И у тебя память стала пропадать? – улыбнулась «Анна», а горничная испуганно обернулась к иконам и трижды истово перекрестилась.

– Испугалась, глупая? Я пошутила. Подожди, вспомнишь еще.

«Анна» взяла чашку и сделала глоток. Кофе действительно отдавал жженым ячменем, был приторно сладким и невкусным.

– Благодарю тебя, Иохим. Кофе хорош.

Старый лекарь расцвел от удовольствия. Руки его беспокойно шарили по пуговицам на груди, вытаскивали и снова заталкивали курительную трубку в нагрудный карман. Его щеки смешно раздувались, а губы вытягивались трубочкой, как для поцелуя.

Немец с достоинством поклонился и неторопливо пошел к двери, не забыв по пути укоризненно взглянуть на баловницу горничную. Только его спина скрылась за створкой двери, как «Анна» протянула чашку.

– Выплесни-ка за окно. Гадость какая. И как его немцы пьют.

Горничной последняя фраза показалась ужасно смешной, и она, повторяя «как его немцы пьют», повалилась в кресло, не удерживая хохота. При этом чуть не опрокинула чашку на себя, и это добавило смеху. Потом успокоилась, подошла к окну и открыла раму. В комнату вошла душистая прохлада летнего сада. Пахло яблоками, немного прелой травой, цветами.

Катя шумно втянула носом свежий воздух, блаженно закрыла глаза и, прогнувшись в пояснице, произнесла:

– Благодать. Люблю, когда резедой пахнет и укропом. У тятеньки на пасеке сейчас красота. Вот бы нам туда сходить, меду поесть с молочком. Мед – первое лекарство при всех хворах.

– Обязательно, Катя, ходим. Дай Бог, подняться, да своими ногами ходить.

– Барышня, голубушка, не сомневайтесь, все так и будет. И думать не думайте про плохое. Вы вон пластом неделю пролежали, все думали, помрете. А сейчас? А будет еще лучше. Вот те крест.

В дверь стукнули. Принесли обед. Вслед за огромным подносом, появилась нянька. Стала распоряжаться, что подать и как поставить. Измучила больную излишней заботой и суетой.

– Нянька, отдохни. Что ты все беспокоишься. Побереги себя, – пожалела «Анна» старую. Та и застыла с тарелкой в руках.

– Как же так? Я хотела... Видит Бог... – слезы частыми горошинами покатались по морщинистым щекам. – Вот уж и нянька стала не нужна. Ну и гоните ее со двора, как собаку слепую, не служивую.

«Анна» протянула руку в ее сторону.

– Ну, чего ты обиделась? Я тебя жалею. Моложе есть, и сама я не калека.

Не переставая плакать и причитать, нянька ткнулась в кресло. Плечи под шалью вздрагивали, она то и дело сморкалась в уголок платка и качала сокрушенно головой.

Что я не так сделала? Обидела старуху. Наверное, надо воспринимать заботу о себе как нечто само собой разумеющееся. Помещица, богачка, общая любимица, если верить Кате, так вести себя надо соответственно своему положению.

Нянька успокоилась только тогда, когда «Анна» попросила ее остаться с ней на ночь. Она преследовала тут две цели: во-первых, старая будет рада и забудет инцидент за обедом, а во-вторых, ей хотелось расспросить няньку о том времени, когда «Анна» росла. Какие взаимоотношения складывались у нее с родными и знакомыми.

Обед «Анне» понравился, особенно черешневый компот и сдобный хлеб со вкусом орехов и ароматом ванили.

Катя зажгла свечи и поставила подсвечник на столик, поближе к больной. Было тихо и уютно. Из открытого окна доносились ароматы поздних цветов, слышались крики птиц, устра-

ивающихся в гнездах на ночь. Издалека неслась песня, монотонная, заунывная. Появилось ощущение пребывания в санатории.

«Анне» захотелось встать, пройтись по усадьбе, посмотреть, чем заняты люди. Ей было интересно узнать, как выглядит помещичье хозяйство. По учебникам истории она знала лишь о барщине, оброке да охоте на волков и кабанов. Не отдавая себе отчета, она уже вживалась в эту жизнь, определяла свое место в ней. Пора было нарушить свое затворничество, познакомиться с родными, знакомыми, соседями. Интересно было бы взглянуть на князя Ногина и того, кто так подвел настоящую Анну Лыкову, – Владимира Щурова.

Нянька тем временем приготовилась к бессонной ночи: вытащила из сумочки рукоделье, удобно устроилась в глубоком кресле. Катя ей под ноги поставила низенькую скамеечку, потом окинула взглядом комнату – все ли в порядке – забрала поднос и удалилась, улынувшись на прощание.

– Нянька, расскажи мне обо мне. С самого начала. Про бабушку расскажи. Какая я в детстве была, что со мной происходило.

– Милая моя, вся твоя жизнь у меня на глазах проходила, – гордо произнесла нянька. – Вот как передала мне тебя в церкви на крестинах бабушка твоя, не к ночи будь помянута, барыня Елизавета Федоровна, и я ее наказ ни разу не нарушила. Вот только единственный раз с тебя глаз спустила, и на тебе, беда приключилась. До смерти не прощу себе, – нянька с чувством стукнула себя кулаком по коленке.

Глаза у старой сверкнули, губы гузкой собрались, словно увидела она неведомого врага, что привел к трагедии.

– Ты рассказывай, – напомнила «Анна», – а я глаза закрою и буду слушать.

– Не волнуйся, Анечка, все расскажу, ничего не пропущу. У меня память, знаешь, какая... – тут она осеклась и виновато покачалась. – Тьфу ты, пропасть. Дернуло меня тебе про память сказать.

– Ничего, не сердись на себя. Я не обижаюсь.

– Ну, так слушай.

Рассказывать нянька начала, когда солнце только-только за горизонт заходило, а закончила глубокой ночью. «Анна» уже перестала считать, какие петухи пропели, а старая все тянула свое повествование, как нитку из клубка. Надо отдать должное, нянька не хвасталась, когда говорила про великолепную память. Помнила она все до мельчайших подробностей, не пропустила ни одного мало-мальски значимого события или разговора. «Анне» все было интересно, все было важно.

В тот год холера посетила губернию, и в редкой крестьянской избе не оплакивали покойника. У Олёны Кочиной холера унесла мужа, двух дочерей и новорожденного сыночка. Всего только и было ему шесть недель отроду. От горя женщина хотела в омут броситься, да не успела. От барыни Елизаветы Федоровны приказ пришел, найти в деревне кормилицу. Их Рогозино кормилицами славилось. Молодки здесь были все как на подбор, здоровые, грудастые. Управляющий узнал, что Олёна сыночка потеряла, позвал на смотрины. Она ему понравилась: невысокая, но стройная, крепкая грудь платком перевязанная, лицо приятное, коса толщиной в руку на затылке скручена, кофта и юбка старенькие, но чистые. Синие глаза печалью схвачены, но угрюмости или злобы в лице нет. По всем статьям подошла.

На следующий день Олёна прощалась с родителями, соседями, с могилами мужа и детей. Усадил её управляющий рядом в экипаж, и покатила она в новую жизнь. А было ей в ту пору двадцать три года.

В Щелокове Олёну хорошо приняли, нарядили что невесту. Барыня искренне посочувствовала молодой женщине, которая вмиг потеряла всю семью, утерла ей слезы и велела к доктору идти, который тут же в усадьбе жил. Доктор был старенький, седой, но глаза у него были молодые и рассматривал он ими Олёну очень внимательно.

– Будто кобылу на ярмарке выбирал, – вспоминала нянька, – велел рот открыть, потом грудь ощупал, живот, в голове пошарил. Я стою перед ним голая, вот срам-то, а сама думаю, как бы назад не отправили. Горевала я, конечно, по детушкам своим, да только кормилицей к господам попасть – счастье. Стою перед ним, молюсь Пресвятой Богородице. А он осмотрел меня и доволен остался. Есть будешь, говорит, особо от прислуги. Держи, говорит, себя в чистоте и опрятности. Если занеможешь вдруг, ко мне сразу иди, я тебе помогу. Хороший человек был. Царствие ему небесное, – нянька истово перекрестилась.

Жить определили Олёне в большой светлой комнате. Она такой и в грёзах не видела.

– Богатства такого я и представить не могла. Только шелк да атлас кругом, колыбелька твоя словно для ангела была назначена – вся кружевами уделана, а в изголовье малый колоколец серебряный. Ты им любила играть. Моя кровать рядом была. Я, как увидела, на чем спать почивать буду, так в слезы. Барская постель, одним словом.

Нянька зачмокала губами, вспоминая свои первые впечатления в усадьбе.

– Наутро узнала, что крестины в тот день. Внучку самой Елизаветы Федоровны крестить будут. Велели и мне в церковь идти. В церкви народу-у-у! Все барыне кланяются, поздравляют. Подошел к ней красивый офицер, руку поцеловал. Я потом узнала, что это сын барыни, Афанасий Петрович. Потом увидела Анастасию Куприяновну. Ох, и красива она была! Ни дать, ни взять – королева!

Новоявленная нянька службу не очень хорошо запомнила, но одно её удивило: поп из купели достал младенца и в руки Елизаветы Федоровны передал, а не родителям. Барыня ребенка в простынку обернула и Олёне в руки подала. Крещение закончилось, гостей в дом позвали на угощение, Афанасий же Петрович с женой красавицей из церкви отправились восвояси. Невесел был Афанасий Петрович, все заметили, но виду не подали.

– С того дня я при тебе была неотлучно.

– И ты не спросила мою бабушку, почему она взяла меня на воспитание?

Нянька замялась.

– Холопское ли это дело спрашивать отчета у хозяина, – старая юлила глазами.

Значит, знает причину, по которой росла Анна в доме бабушки, а не у родителей.

– А дальше что? – поощрила «Анна» рассказчицу.

– Дальше? Дальше все семнадцать лет я была с тобой, глаз не спускала. Ты росла умной, здоровой и красивой, Елизавета Федоровна, упокой, Господи, её душу, нарадоваться не могла. Лет с десяти начала она тебя поучать, как хозяйство немалое вести. Ты понятливой в учении была. Помню, сидишь за столом и циферки в тетрадь выписываешь. И так ловко у тебя все выходило! Тогда же и музыке стали тебя учить, учителя пригласили. Ты и здесь не оплошала, а уж пела, что твой ангел!

Нянька продолжала свой рассказ, старательно вывязывая узор спицами. А перед «Анной» вставала жизнь замечательной женщины, Елизаветы Федоровны Лыковой, посвятившей жизнь внучке и передавшей ей навыки правильного хозяйствования и отношения к крестьянам. Ко всем она была добра и справедлива, не признавала физической расправы над провинившимися, ежегодно жертвовала деньги на больницы и школы, помогала многочисленной родне своего покойного мужа.

И только семью своего сына не жаловала. Редко они её навещали, еще реже она сама бывала в Лыкове. Причин такого отчуждения, по словам няньки, никто не знал.

– И ты не знаешь? – усмехнулась «Анна».

Нянька в сердцах дернула спицей и распустила часть узора.

– Знаю! Но слово твоей бабушке дала, что ни единая душа об этом не узнает. И не пытай меня, мое слово крепко.

– Да я не прошу тебя нарушать слово, – «Анна» потянулась. – Мне достаточно того, что причина была. А теперь спать давай. Скоро рассветет.

– Ну и правильно, голубка, – обрадовалась нянька. – Утро вечера мудренее. Что было, то прошло, что будет, одному Господу известно. Мы должны на его милость уповать, – она сладко зевнула, перекрестила рот. – Я свечу задую?

– Как знаешь.

...Раннее утро. Конец августа. В воздухе летают серебристые паутинки. Листья в саду не только изменили окраску, но начали уже опадать, выстилая дорожки узорами, меняющимися по прихоти ветра.

В поле, на току, в саду идет работа, каждый занят своим делом. Некогда головы поднять, чтобы полюбоваться окружающей красотой. Успеть бы хлеб убрать, сено уложить, соломой запастись. Бабы и девки на зиму готовят припасы под надзором строгой ключницы Аграфены, которая за нерадение или нерасторопность строго взыскивает. Бывает, и хозяйке жалуется. А с Анастасией Куприяновной шутки плохи: чуть что не так, оттаскает за милую душу, не пощадит ни щек холопских, ни своих белых ручек. Потому и стараются дворовые, ниже склоняются под взором Аграфены, проворно бегут босые ноги, мелькают натруженные руки.

Вдруг послышался дробный стук копыт, и все как один обернулись в сторону дороги, ведущей к усадьбе. Поднимая пыль столбом, пара откормленных рысаков летела по направлению к дому. Издалека был слышен разбойничий свист кучера. На полном скаку взмыленные кони пролетели в широкие ворота и как вкопанные встали у парадного крыльца. Когда пыль улеглась, увидели, кого доставили вороные: на крыльцо торопливо всходила высокая стройная женщина в монашеском одеянии.

Ее признали, ей кланялись до земли, потому что прибыла сестра хозяина дома, Варвара Петровна, ныне монахиня Евпраксия из монастыря. Она остановилась на ступеньках, обернулась к замершим при виде ее дворовым, потом высоко подняла правую руку и широко перекрестила людей.левой рукой она прижимала к груди образ на толстой серебряной цепи. Потом поклонилась всем и заспешила к двери, которые уже открыл для нее старый Влас.

Не было ни в фигуре, ни в поведении монахини смирения, благодати, а только порыв и сила. Влас низко поклонился гостье и не поднял головы, пока она не скрылась за дверью прихожей. Через минуту он услышал резкий голос Варвары Петровны, требующий и упрекающий одновременно. На цыпочках Влас отошел от двери и тихо опустился на стул. А гостья уже поднималась по лестнице. Навстречу ей спешила не одетая по случаю раннего утра барыня. На лице Анастасии Куприяновны досада, неприязнь, легкий испуг от неожиданного приезда золовки и еще тень давнего соперничества.

Хоть и стояла Анастасия выше Варвары на лестнице, но гостья была ростом высока, так что встретились они глаза в глаза. Как огнем полыхнули темные очи из-под черного платана монахини, обожгли, пригвоздили к месту. Дрожь пробежала по телу хозяйки, но виду показывать не хотела, что заробела, улыбнулась через силу.

– Какими судьбами столь редкая гостья, – запела Анастасия. – Почему не предупредила нас, Варвара Петровна? Прошу вас в гостиную, чаю с дороги...

– Я не в гости приехала, – сквозь зубы проговорила Варвара. – Я поглядеть приехала, что вы с Анной сотворили.

– Свят, свят, свят! Да что ты! Как ты помыслить такое могла? Сама она нечаянно упала с лестницы, зашиблась. Но теперь поправляется. Вчера в баню ходила, и аппетит хороший.

– Почему не сообщили сразу? Почему от случайных людей узнала о несчастье?

– Так ведь ничего страшного не произошло, – лицо Анастасии Куприяновны пошло пятнами от волнения. – Доктора были...

– Недельку без сознания – это, по-вашему, ничего страшного? – голос монахини зазвенел. – А ну как не пришла бы в себя? Да я бы тогда...

– Но, но! Что это вы, Варвара Петровна, позволяете в моем доме? Угрожать мне, винить меня! – тоже на крик сорвалась Анастасия Куприяновна.

Гостья вскинула голову, как боднула. Потом обошла стороной застывшую хозяйку и направилась к двери, за которой уже не спала, а прислушивалась к крикам «Анна». Анастасия Куприяновна хотела наговорить еще резких слов, но посчитала за лучшее схватиться за сердце и со стоном опуститься на ступеньки.

– Глафира, Глафи-и-ира... – протянула она.

Глафира, подслушивающая разговор двух женщин из-за полуоткрытой двери покоев, заспешила мимо Варвары к барыне, которая закатила глаза и тихо постанывала, прислонившись к балясинам лестницы.

Тут слышались торопливые шаги внизу, и показался хозяин дома. Он удивленно поглядел на сидящую посредине лестницы жену и удаляющуюся спину в монашеском одеянии.

– Варвара! – окликнул он. – Ты?

Сестра на секунду остановилась, обожгла брата яростным взглядом, но не промолвила ни слова. Резким движением она дернула ручку двери в комнату больной. К ее удивлению, дверь оказалась запертой. Варвара дернула еще и еще, даже стукнула кулаком по двери с досады.

– Анна!

Тут дверь отомкнули. На пороге стояла и загораживала собой весь проем старая нянька. Увидев, кто посмел нарушить покой больной, нянька ахнула и повалилась в ноги монахине.

– Матушка, Варвара Петровна, не вели казнить рабу твою. Недоглядела я, не уберегла кровиночку нашу, Анечку...

Резко отстранив няньку, Варвара Петровна сделала два шага по направлению к постели больной и замерла. С белоснежной подушки глядели на нее такие знакомые и такие чужие глаза «Анны». Хотела кинуться к ней, но словно наткнулась на невидимую преграду, замерла, рукой провела перед лицом, как паутину смахнула, сделала еще шаг к кровати.

– Анечка, сердце мое! Как же так? Что случилось? Я ведь не знала ничего. Не сообщили мне. Случайно узнала, что ты больна. А ты, – тут Варвара повернулась к няньке, – ты, что же? Аль забыла...

«Анна» тем временем внимательно разглядывала гостью. Лицо монахини было странно знакомым. Виделись раньше? Нет. Кого-то напоминает? Да. Но кого? У кого она видела такие же темные, почти черные глаза, длинный нос с изящно вырезанными крыльями. И рисунок губ такой знакомый! Но «Анна» точно знала, что видела это лицо не в прошлой, а уже в этой жизни. Притом совсем недавно.

Ё-моё! Да у нее лицо, что я видела в зеркале. Это значит, что она похожа на меня, то есть я на нее. Только скидку на возраст надо сделать.

Из рассказов Кати и няньки «Анна» уже знала, что у Афанасия Петровича есть сестра Варвара, ушедшая еще в молодости в монастырь. Но такое поразительное сходство бывает у детей и родителей, а она один в один вылитая тетка. Правда, она знает случай, когда похожи лицом не самые близкие родственники. Ну, взять хотя бы ее троюродных сестер. Никто и не заподозрит, что они родные. Зато младшую из них всегда принимали за ее, Натальину, сестру.

Лет через двадцать и она будет выглядеть так же, как Варвара.

– Я так испугалась, когда мне сегодня сообщили о твоей болезни, – гостья присела на край кровати. Было видно, что гнев затихает в ней: унялся огонь в глазах, лицо осветилось тихой ласковой улыбкой, длинные тонкие пальцы уже не сжимались в кулаки, а бережно поглаживали святой образ на груди. – На богомолье приехала нынче жена доктора Балахнина и спрашивает меня, как, мол, племянница. А я в толк не возьму, что она имеет в виду. Как же, отвечает, муж говорил, что совсем плоха Анна Афанасьевна, шансов на выздоровление мало. И доктор Шеффер, мол, того же мнения. Я из церкви не помню, как вышла. Настоятельнице просила передать, что по срочному делу в Лыково, а сама велела запрягать и сюда. Думала, кучер коней загонит.

– Господи, Варвара Петровна, – снова взывала нянька, – да разве я подумать могла, что вам не сообщили о...о болезни Анечки. Думала, господа в первую очередь вам сообщат. Если бы знала, что так выйдет, сама бы на больных ногах приползла, но известила.

Варвара подошла к няньке, ласково прикоснулась к её плечу.

– Верю и ценю твое усердие. Только странно, что из болезни Анны секрет сделали. Я так толком ничего и не знаю. Балахнину не расспросила, как следует, сразу кинулась сюда. Что произошло?

– Господи, Боже мой, – захныкала старая, – так вы ничего не знаете.

– Да нет же, говорю тебе. Ну, рассказывай.

– Боже мой, боже мой, – запричитала нянька, – да тут вот какое дело...

Так и не успев начать, нянька замолкла, уставилась на дверь, которая с тихим скрипом отворилась. Варвара отметила про себя, что на лице старой появилось и исчезло тревожное выражение.

– Здравствуйте, матушка Евпраксия, – послышался голос от двери. – Благословите.

Катя боком проскользнула в комнату, плотно притворила дверь за собой, и теперь, сложив перед собой руки горстью, просила благословения.

Монахиня ее перекрестила. Катя приложила к руке и подняла глаза на монахиню:

– Позвольте мне все по порядку рассказать, чему я свидетелем была. А то нянька плакать только будет...

– Егоза, – под нос себе проговорила старая, но возражать не стала. Ей до сих пор было не по себе, когда она вспоминала страшную неделю.

Гостья села в кресло, взяла руку «Анны».

– Рассказывай, – потребовала она, не взглянув на Катю.

– Дело мое – за барышней приглядывать, – степенно начала горничная, – но и я не все знаю, не все видела. Одни только догадки...

Дальше Катя не успела – в комнату поспешно вошел Афанасий Петрович.

– Здравствуй, сестра, – подошел он к ней. – Виноват, виноват, суди. Совсем голову потерял, когда с Аней такое случилось. Ведь и хотел послать за тобой, да сам слег от пережитого. Сейчас и не припомню, распорядился ли... от горя чуть не ...

– Может, женушка тебе помешала, не посчитала нужным мне сообщить, а ты послушал её.

– Сестра, сестра, – укоризненно проговорил Афанасий, – за что ты так не любишь Анастасию?

– А за что мне ее любить, скажи на милость? – с горячностью начала Варвара, но сама себя и осекла. – Ладно, я хочу знать, что тут произошло.

– Как ты похожа на матушку, Елизавету Федоровну. Строга больно...Может, сначала чаю, отдохнешь с дороги?

– Не до чаю мне, пока дела не узнаю. И отдыхать не от чего.

Но заметила, как огорчился брат, и смягчилась:

– Прикажи сюда чаю подать, братец. Да про яблоки не забудь. Ты в этом году и не попотчевал меня яблоками.

– Сестрица, милая, до того ли было? Как раз в канун Преображенья и...

Афанасий Петрович прикрыл заблестевшие от близких слез глаза и обессилено опустился в кресло. Потом испуганно вскочил, поглядел на дочь, но увидел ее спокойно-внимательный взгляд и смущенно проговорил:

– Анечка, голубка, я и не поздоровался с тобой сегодня. Как ты себя чувствуешь? Болит ли что? Хорошо ли ночь прошла?

– Спасибо, – ответила «Анна»

То, как она произнесла это слово, заставило и отца, и тетку внимательно взглянуть на неё. Это не было «спасибо» девушки, дочери и любимой племянницы, окруженной заботой и любовью. «Спасибо» было сказано взрослым уже человеком, повидавшим на своем веку, пережившим и перетерпевшим.

Молчание повисло в комнате. И только Катя, привыкшая к новой «Анне», улыбалась с пониманием, снисходительно поглядывала на ближайших родственников. Она быстрее и лучше, чем кто-либо, понял, что «Анна» стала другой, хотя и не поняла разумом, как это произошло.

– Варвара Петровна, – начала она, – барышня с лестницы упала, с самой высоты. Сильно ударились спиной и головой. Сейчас с трудом ходит и на голову все жалуется. Но главное – она памяти лишилась. Ничего не помнит. Может, и вас она не узнала. Вот ей Богу, не придумываю я ничего.

Катя перекрестилась, глядя на иконы.

В ответ Варвара Петровна ни слова, только лицо её покрылось темным румянцем. Глаза перебегали с горничной на «Анну», с «Анны» на брата. Она пыталась осмыслить услышанное. Она не могла поверить в то, что ей сказали. Спина повреждена, голова ушиблена – это понятно. Но чтобы человек ничего не помнил, даже близких ей людей?

Только сейчас она обратила внимание на лицо «Анны». Ведь поначалу она восприняла племянницу как единое целое с этой комнатой, с белоснежной постелью и старой нянкой на страже. Она не успела взглянуть в лицо, а теперь рассматривать его отдельно ей показалось неловко. Поэтому она коротко бросила взор на лежащую, а все внимание сосредоточила на Афанасии и Кате.

Тут до нее дошел смысл сказанного: упала с лестницы! Она резко встала и повернулась к нянке. Та аж дернулась, словно ударили её.

– Ты...

– Варвара Петровна, матушка, если виновата, казни, только не смотри так на меня, – нянька повалилась на колени, стащила с головы платок и завывала, как раненая волчица. Катя кинулась к ней, стала успокаивать, поглаживая по содрогающейся спине.

– Варвара, одумайся, нянька чем виновата? Аня не ребенок, её за руку целый день водить не будешь.

Афанасий Петрович подошел к сестре и резко встряхнул за плечи. Та как безумная глядела на всех, ломала пальцы и кусала губы.

– Успокойся, Варвара. Не доводи себя до крайности. Сядь. Вот так. Успокойся. – Афанасий нежно поглаживал плечи сестры, просительно заглядывал ей в глаза. – Послушай меня, Варвара. Главное, что девочка жива. Спину мы поправим, голова заживет. При падении, сама знаешь, бывает сотрясение, отсюда и головные боли. А отлежится в покое и забудет про боль.

Варвара стала успокаиваться. Она опустилась в кресло, наклонилась над «Анной» и глазами, полными слез поглядела на неё.

– Ты упала или... – она стала задыхаться. – Ты и меня не помнишь, девочка моя? Совсем не помнишь? Не верю! – женщина зарыдала.

Афанасий смущенно глядел на сестру и ничего не мог сделать. Разве только воды подать. Поэтому он отошел к столу, на котором стоял кувшин с морсом, налил высокий стакан и тихо приблизился к рыдающей женщине.

– Возьми, успокойся. Сама не отчаивайся и не пугай Анечку. Что ты как над покойницей причитаешь? – Афанасий втиснул в руку сестры стакан и отошел к окну. Потом посмотрел на Катю и взглядом приказал объяснить случившееся.

Катя кивнула, подошла к Варваре Петровне со спины и снова начала прерванный рассказ.

– Сегодня десятый день пошел с того дня, как барышня упала. Доктора были, а толком ничего не сказали. Только одно – трогать ее не надо, пусть мол, лежит, а как дальше будет –

неизвестно. Такие падения, говорят, без последствий не обходятся. Шесть дней пластом пролежала, ну что твоя покойница. А тут пришла в себя. Мы обрадовались, что Господь смилостивился, жива наша Анна Афанасьевна. Правда, спина у нее сильно зашиблена, и на голове шишка изрядная. Да это бы не беда. А беда в том, что очнулась и стала расспрашивать меня (я тогда с ней была всю ночь, ни на минуту её не оставляла) кто мы, да где она. Никого не признала, даже имени своего не вспомнила. Мы уж потом с нянькой ей все про нее рассказали: кто она, где родилась, да как...

При этих словах снова резко дернулась Варвара, так что из стакана плеснулось, глянула на няньку. Та испуганно взглянула на гостью и отчаянно замотала головой из стороны в сторону. «Анна» отметила странную реакцию двух женщин.

Её вообще забавляла данная ситуация: про неё говорили так, словно её здесь и не было, или она была вроде предмета мебели. Но это позволяло ей наблюдать за «родственниками» и размышлять над услышанным.

– Анечка, ты меня не помнишь? – наклонилась над больной Варвара.

– Нет, – просто ответила «Анна», но потом улыбнулась и продолжила, – мне о вас нянька много рассказывала. А уж когда в комнату вошла монахиня, я сразу догадалась, что вы и есть Варвара Петровна. Да и похожи мы с вами очень.

Лицо Варвары заалело, она опустила глаза и схватилась за икону на груди. Но через минуту взяла себя в руки:

– Это ничего, что ты все забыла. Бог даст, поправишься. Сейчас главное спину тебе подлечить.

– Вот и доктор обещал сиделку прислать, которая умеет спину править, да... – Катя замаялась, – может, позабыл...

– Вот я и займусь этим, – она взглянула на брата. – И пусть мне не мешают.

– Что ты, родная, кто же тебе мешать будет? Мы только с благодарностью...

– Вот и договорились. А с тобой, моя деточка, – Варвара Петровна нежно поцеловала «Анну» в лоб, – мы поговорим, подробно обо всем поговорим. Ты, я верю, все вспомнишь.

Тетка встала, и «Анна» подивилась, какого она высокого роста. Почти с Афанасия Петровича.

И стройна, как египетский кипарис. Если нянька правду говорила, то и умна, и достаточно образована. По какой же причине в монахини пошла, зачем в монастыре закрылась?

Тут в дверь протиснулась Глафира. Поклонилась.

– Барыня Анастасия Куприяновна просит вас вниз, откусать. А комнаты велела вам приготовить рядом с комнатой Анны Афанасьевны. Позвольте вас проводить.

– Катя меня проводит, – не взглянула на Глафиру гостья. – А к чаю я спущусь через четверть часа. Так и передай.

Она пошла к выходу, а Афанасий Петрович укоризненно качал головой, про себя сетуя, почему не складываются родственные отношения между его сестрой и женой? Что бы им ни поладить? Жили бы дружно, виделись бы часто. Чем плохо-то? Уж больно обе характерные, строптивые!

Сам же Афанасий Петрович любил, чтобы всем вокруг него было хорошо и уютно. Он готов был расшибиться в лепешку, лишь бы в доме его и среди родственников царили мир и благорасположение. Безднажно махнув рукой, он подошел к «Анне», наклонился, поцеловал в щеку. Мягкие его усы зашевелились, и «Анна» непроизвольно почесала то место, где приложились губы «отца».

– Щекотно? А помнишь, я тебя в детстве щекотал, когда навещал тебя в Щелокове? А ты заливалась! Меня твоя бабушка покойная ругала, боялась, что ты спать будешь плохо, – лицо Афанасия сделалось печальным. – Бабушка твоя золотая женщина была, умная да справедливая. При ней, может, такого с тобой и не случилось бы.

«Анна» про себя усмехнулась: еще бы! А «отец» даже не понял, что сказал лишнее, что невольно подтвердил ее догадки насчет покушения.

Наконец все вышли, в комнате осталась только нянька. Она не переставала всхлипывать и утирать лицо тыльной стороной ладони.

– Ух! Гроза. Как взглянула, а? У нее не забалуешь. Вся как есть в Елизавету Федоровну нравом. Только горяча. Вот бабка твоя никогда не ругалась, а поперек ей слова никто сказать не смел. Строгая, но справедливая была барыня... Одно слово – хозяйка!

– Нянька, а почему Варвара в монастырь ушла? Ну, была бы убогая, а то красавица да богатая наследница, и на тебе – в монашки.

Глаза у няньки забегали, как две испуганные мыши.

– Мне откуда знать, что господам в голову придет. Конечно, жаль, что такая себя в монашестве похоронила, но видать на все причина есть. Мне об этом не ведомо.

– Не верю я тебе. Знаешь или догадываешься, а сказать мне не хочешь, так?

– Дитяtko мое, что за вопросы у тебя странные. Никак и впрямь сильно ударилась головой. Раньше ты не расспрашивала о таком.

– Мне раньше этого не нужно было.

– А сейчас зачем тебе ворошить прошлое? Не забивай свою головку мыслями. Вот поправишься, там, глядишь, и жених для тебя найдется. Замуж выйдешь, детишки пойдут. Приведет Господь, увижу твоего первенца...

«Анна» понимала, что старая специально разговор уводит в сторону, и решила не настаивать. У неё и так есть, о чем крепко подумать.

День покатился привычным распорядком. После обеда вновь пришла Варвара Петровна. Она уже переоделась. Вместо монашеской одежды, на ней было темно-серое платье, мало чем отличающееся от монашеского, голову покрывал платок из серо-серебристого кружева. Она принесла с собой корзинку с тряпками и горшочками, покрытыми пергаментом и завязанными по горловине суровой ниткой.

По ее приказу Катя перевернула «Анну» на живот, задрала на ней рубашку до самого затылка. Тетка присела на край кровати, вытащила один из горшочков, сдернула с горлышка пергамент и горстью взяла какое-то снадобье с резким запахом.

– Посылала специально в монастырь за лекарствами матушки настоятельницы. Чудодейственное средство, вот увидишь.

Пахнет скипидаром. Наверное, растирание. Что ж доверимся. Не только наши современные врачи умеют лечить. Раньше люди тоже не дураки были, знали толк в лечении.

«Анна» закрыла глаза и отдалась на милость крепким рукам тетки, которая сначала тихо, а потом все сильнее втирала мазь в спину. Каждая мышца, каждое ребро острой болью отзывались на прикосновение рук. Кожу стало саднить, потом палить, как огнем, под конец «Анна» чуть ни кричала от боли. Ей казалось, что на спину вылили серной кислоты. Но тут движения рук прекратились, лишь слышались учащенное дыхание тетки и ее довольное цоканье. Наверное, ей по душе были результаты лечения.

Хоть спину и жгло нещадно, но «Анна» чувствовала, как слабеет напряжение в мышцах, а при глубоком вздохе уже не отдает болью в ребрах. Тетка тем временем рассказывала о разных способах лечения «потянутых», как она называла, спин.

Вспомнила недавний случай, когда привезли к ним в монастырь юношу, совсем еще ребенка. Тот неудачно слетел с лошади и прямо на изгородь. Позвоночник не сломан, а ходить не может. Да что там ходить, дышал с трудом. Чтобы слово произнести, страшные усилия требовались от него. Родные, конечно, кинулись к врачам, возили на воды, да только все без толку. Тут им посоветовали в монастырь обратиться, где издавна спины правят да на ноги ставят.

– А откуда у нас это, знаешь? – Варвара Петровна старательно вытирала руки тряпицей. – Наша матушка-настоятельница не всегда монахиней была. В молодости сподобил её Господь

быть милосердной сестрой. Её отец командиром полка был. Жену свою схоронил, когда дочке года четыре было. Не хотел расставаться с ней, никому не доверил ее воспитание. Вот и возил ее везде с собой. Куда служба забросит, туда и любимицу свою везет. Так и росла «полковая» дочь. Была она ловкая да смекалистая, не то что прочие барышни, которые при виде мыши в обморок падают.

Так из похода в поход с ним и ходила. Времени даром не теряла, от полковых врачей училась лекарскому мастерству, помогала им по мере своих сил. Через несколько лет сама непревзойденным лекарем стала. Бывалые воины не считали зазорным к ней обращаться за помощью. Она девица была серьезная, строгая. Может, кто и заглядывался на полковничью дочь, да не смели ухаживать. Она ровно ко всем относилась, выделяла только тех, кому помощь особая была нужна: рана глубокая да грязная или сложные переломы.

Когда её собственного отца сильно ранило, стал он калекой, уехала с ним в их поместье Нурово и стала сиделкой при нем. Не она, так и года бы не прожил храбрый полковник. Дочь продлила ему годы. А между делом и другим помогала в болезнях, никому не отказывала. Круглое лето вокруг Нурова травы целебные собирала, сама приготавливала настои да мази. К ней все больше бедные ходили, у кого денег на докторов не было. Когда батюшка помер, царствия ему небесного, девица уже в перестарках числилась. Замуж поздно было, вот и приняла постриг, посвятила себя Богу и тем, кто нуждается в лечении. У нас в монастыре аптека своя богатая. Настоятельница обучает тех, кому сильно доверяет, какие травы от чего применять, когда их собирать, как ими пользоваться. Ни разу промаха не было, все больные на своих ногах уходят от нас. Богатые люди приходят, а вылечатся, дары богатые несут. За спасенное здоровье ничего не жаль.

Положила склянку снова в корзину, Варвара Петровна со вздохом распрямила спину, а потом продолжила свой рассказ.

– Вот, значит, привезли юношу, что с лошади упал, а он, бедный, уже и головы поднять не может. Настоятельница посоветовала родителям оставить беднягу в монастыре. Знаешь ведь, у нас пристройка для гостей-посетителей есть. Самолично юношу тогда осмотрела, сама лекарства приготвила. А мне поручила ежедневно ему массаж делать, да примочки на ночь. Еще кормили его супом необычным (я его тебе сегодня сварю, ты на ночь его поешь). Через три недели юноша тот своими ногами монастырь покинул. Благодарил сердечно, подарок богатый привез, пообещал ежегодно вклад делать. Вот каков результат! И ты не волнуйся, дитя моё, вылечу тебя, на ноги поставлю. Жаль, что поздно я узнала. Раннее лечение надежнее. Ну, да грех этот на душе у...

Оборвала себя Варвара Петровна, только молнии блеснули из-под кружевного платка.

Боль и жжение тем временем в спине стали стихать. Тетка теплой водой да мягкой материей смыла остатки снадобья, насухо вытерла тело. Достала из корзины другой горшок, развязала нитку и бережно вылила на ладонь темной тягучей жидкости с резким запахом. Размазала жидкость в ладонях, согрела дыханием и бережно стала втирать в спину, начиная от копчика и до самого затылка. «Анна» не ощущала боли или жжения, только холодок. Холод проникал под кожу, потом глубже и растворял остатки боли. Было так приятно, что она задремала. Но и сквозь дрему слышала необычный запах, чувствовала, как оковы падают со спины. Еще немного, и она могла бы взлететь, но тут сон навалился, и она отдалась его власти.

Приснился ей необычный сон. Видится ей дорога, устланная до горизонта белым с золотом ковром. По такой дороге приятно идти. Но она во сне знает, что прекрасный ковер скрывает под собой глубокие и страшные ямы, в которых прячутся невиданные отвратительные звери. Звери ждут, когда она ступит на то место ковра, где скрывается яма. И тогда они набросятся на нее, разорвут на части и сожрут. Можно, конечно, остановиться, не идти по этой дороге, но её неудержимо кто-то тянет: ступи и пройди это путь до конца.

Она решает, как ей обойти ямы. Вдруг кто-то ей во сне шепчет: «Закрой глаза и слушай сердце». Она так и делает. Закрывает глаза и идет. Живот со страху сводит, босые ноги касаются нежного ворса, и сами несут ее в обход ям.

Одним духом не пробежать по дороге, нужно настроиться на долгий путь. Она идет, не останавливаясь, так как знает, что, не пройдя этого пути, не увидит счастья. А за счастьем она готова идти хоть на край земли, тем более что в конце ковровой дороги стоят и ждут Евгений, Маринка и еще какой-то ребенок. Со своего места ей не видно, кто это – мальчик или девочка, но он тоже ее ждет. «Я иду к вам!» – кричит она во сне и просыпается.

Уже проснувшись, «Анна» продолжала ощущать нежное прикосновение ворса ковра, устилавшего в ее сне дорогу к счастью. Но потом поняла, что эти ощущения вызваны руками, массирующими ее ступни. Невидимый массажист мягко, но глубоко надавливал на подошву ноги, разминал, тер, пощипывал. И все это в определенной последовательности. Массаж начинался с середины и кругами шел к краям. Ни один миллиметр подошвы не был обделен вниманием, каждый пальчик и бугорок под ним получали свою долю ласки и заботы.

«Анне» хотелось, чтобы это продолжалось как можно дольше. Она блаженно вздохнула.

– Тс-с-с, – прошептал кто-то рядом, – просыпается. Молчи.

«Анна» узнала голос тетки. Кто был другой, могла только догадываться.

Что за тайны скрывают от неё? Наверное, обсуждали ее падение и странное поведение после. Зря она выдала себя. Проснулась бы и полеживала тихо, как мышка. Впредь надо быть хитрее, из разговоров много полезного можно узнать.

– Как спалось, Анечка? – ласково спросила Варвара Петровна, не прерывая массажа. – Сейчас мы тебе спину вытрем, и ты сможешь встать. Пора тебе размяться. В саду такая прелесть: листья ковром, паутинки летают. Вчера на заре видела, птицы улетают. Грустно сделалось. Ты погуляешь со мной?

– С удовольствием, – хриплым со сна голосом согласилась «Анна». – А боль...

– Не бойся, прежней боли не будет, – перебила ее тетка. – Слабость, может, останется, а боли не будет.

Через час «Анна» была готова к прогулке. Ей помогли одеться, спину закутали огромным шерстяным платком, на ноги натянули мягкие полусапожки на шнурках. Катя заплела ей косы и уложила вокруг головы, а голову покрыли шелковым шарфом.

Втроем вышли из комнаты и медленно стали спускаться по лестнице. «Анна» осторожно трогала каждую ступеньку ногой, прежде чем основательно встать. Горничная шла впереди, готовая в любую минуту подхватить барышню, если та, не дай Бог, оступится. Варвара Петровна бережно поддерживала «Анну» за талию, ободряюще улыбалась и говорила разное, только чтобы отвлечь племянницу от дурных мыслей, связанных, как ей казалось, с самим видом лестницы.

– Что я вижу, – послышался голос. Раскинув руки в стороны, опять стоял внизу и весело скалил зубы Павел. – Если я правильно понял, вы собрались гулять. Но почему мне никто не сказал? Хотели тайком от меня?

«Анна» в который раз поймала себя на том, что любит брата. Ей все нравилось в нем: шутовская манера разговаривать, его лукавый взгляд ярко-голубых глаз, легкая небрежность в наряде, его открытая улыбка из-под пшеничных усов. Весь его облик вызывал воспоминания о фильмах про красавцев гусаров, кавалергардов, чей «век недолог», лихих гуляк и дебоширов, похитителей женских сердец.

– Идем с нами, Павел, – позвала «Анна», – заодно расскажешь о своей жизни в Петербурге.

Павел слегка смутился.

– О нет, таким молоденьким девицам не следует знать, чем занимаются господа офицеры, когда они не в бою. Это вредит девичьей скромности.

– А ты опусти подробности, расскажи о главном: как тебе служится, с кем тебе дружится...

Тьфу ты, Господи! Своих слов нет, так чуть песню не пропела. Вон как переглянулись, опять не так сказала. Ну да ладно, я головой ударилась, мне простительно.

Павел действительно немного растерянно поглядел вначале на сестру, потом на тетку, снова на сестру. Но вспомнил о зашибленной голове, страхнул удивление и засиял, как новенький пятак.

– Прошу, – брат галантно подставил согнутую в локте руку. – Позвольте быть вашим кавалером сегодня на прогулке. Уверяю вас, – продолжал он, дурачась, – я уморю вас рассказами о фрунте, парадах, полковых маневрах и нормах фуража.

Павел откинул белокурую голову и заразительно засмеялся, заставляя смеяться и своих дам. Так, смеясь, и вышли на широкое каменное крыльцо. Полюбовались открывшимся перед ними видом подъездной аллеи, кирпичных ворот с чугунной витой решеткой, клумб цветущих осенних цветов. Потом медленно двинулись по аллее.

И того не знали, что каждый их шаг сторожит пара красивых голубых глаз. А в глазах тех гремучая смесь чувств: любовь и ненависть, обожание и страх, ласка и угроза. Не дай Бог, повстречаться с обладателем этого взгляда!

В прошлой своей жизни «Анна» любила время ранней осени за красоту, легкую грусть, предчувствие близкого расставания. Осень для нее всегда была временем итогов, временем взросления. Зима для нее была безвременьем, а жизнь начиналась с приходом теплых весенних ветров, капли, запаха оттаявшей земли.

Но на этот раз она восприняла осень как начало новой жизни. Именно с этого момента все начинается, а к весне, дай Бог, будут первые результаты ее поступков и стремлений.

Сейчас она шла и внимательно разглядывала усадьбу своих «родителей»: хозяйственные постройки, людей, одетых как в фильмах про старину, повозки с сеном и мешками. Вокруг кипела жизнь, люди занимались делом, прерываясь чтобы поклониться господам. Не было суеты, присущей городу, не было нервного напряжения, эмоциональной усталости, беспричинной озлобленности озабоченных людей. Напротив, их встречали не только низкими в пояс поклонами, но и добрыми улыбками, тихим «доброго вам здоровья», «дай вам Бог, поправиться, барышня», «слава Богу, вы в добром здравии, Анна Афанасьевна».

Сейчас заплачу. Ты гляди, как рады видеть меня, то есть её. Видимо, любили мою предшественницу. Надо расспросить Катю об этом тоже.

Тетка заметила изменившееся настроение племянницы:

– Анечка, ты не устала? Давай вернемся. Довольно на сегодня.

– Нет, нет, – запротестовала «Анна», – здесь так хорошо, у меня такое чувство...

– Понимаю. Ты столько пережила за эти дни, что радуешься простым вещам. Верно я говорю?

– Да, – пришлось согласиться. – И все как новое.

– Анечка, пойдем, я покажу тебе свое действительно новое приобретение, – позвал ее Павел и потянул к конюшне, возле которой мужики чистили лошадей, а пара подростков наливали воду в огромную колоду.

«Анна» не была знатоком, но чувствовала, что кони великолепные. Огромные, темно-коричневые, почти черные, с пышными хвостами и гривами, расчесанными волосок к волоску, гладкие, блестящие. Они дико косились в её сторону, храпели и недовольно фыркали.

Может, чувствуют, что со мною что-то не так, что произошло нечто фантастическое. Вон как отреагировали, словно нечистого увидели.

– Хороши, ах, как хороши! – Павел приплясывал на месте от возбуждения и восторга. – Нет, ты погляди, каковы, а? Дьяволы, а не кони! Во всей округе лучше не найти.

– Я слышала, – охладила его Варвара Петровна, – Лыковский конезавод за долги пошел. Значит, не нашего завода кони?

Павел на секунду смутился, но потом еще шире заулыбался:

– Твоя правда, тетка Варвара. Эти кони с завода Ногиных.

– Что ж ты, племянник, своих коней разбазарил, а чужих теперь втридорога покупаешь. Сколько отдал за этаких лошадок?

– С каких это пор монахини интересуются мирскими делами? – парировал Павел. – Тебе, Варвара Петровна, следует думать о высоком, а ты, как купец на ярмарке, гроши считаешь.

– Так ведь гроши-то моей матери, твоей бабки. Для того ли мои родители добро наживали, чтобы ты в момент все по ветру пустил?

Улыбка сползла с лица Павла. Её сменила гримаса упрямого, избалованного ребенка.

– Могла бы Елизавета Федоровна и мне кое-что оставить после смерти. Внук я ей. Все Анне досталось, но я не упрекаю её. Так что же ты меня упреками изводишь? Вот подожди, получу повышение, смогу любых коней покупать.

Повисло неловкое молчание.

– Ну-у-у, когда это будет, – усмехнулась тетка.

Павел недобро взглянул на тетку: губы сжал в линию, глаза занавесил бровями, на щеках желваки заходили. Но сдержался, не нагрубил.

– Ты, Варвара Петровна, мои траты преувеличиваешь. Лучше бы научила батюшку хозяйничать. Небось, бабка моя тебя всем премудростям обучила, пока он на коне гарцевал в полку.

Варвара Петровна вскинула подбородок:

– Мог бы и сам помочь отцу, не все по конюшням бегать да девок портить.

– Ах! – Катя зажмурилась, порозовела лицом.

Павел хотел ответить, но сдержался, уловив, с каким интересом прислушивается к их разговору «Анна». Взял её под руку, потянул в сторону конюшни.

– Пойдем, Анечка, я тебе кобылку добрую покажу. Понравится, так твоею будет. Помнишь, я обещал, что научу тебя верхом ездить, так мое слово крепкое, – не взглянув более ни разу на спорщицу Варвару, быстрым шагом двинулся к дальней конюшне.

«Анна» поглядела на тетку, которая удрученно осматривала требующие капитального обновления конюшни. Другие хозяйственные постройки: амбары, каретные сараи, скотные дворы и что там еще – тоже требовали хозяйского внимания и заботы, денежных вложений.

Не сговариваясь, женщины отметили, как небрежно сложены мешки с зерном на прогнившем полу хлебного амбара. Оттуда как раз вытаскивали мешки с зерном и грузили на большие телеги. Некоторые из мешков подъели мыши, и зерно струйками текло на землю, где проворные куры и верткие воробьи жадно его склевывали. По двору была рассыпана солома, у конюшен сено сложено кое-как.

Да-а-а, хозяйского глаза нет, подумала «Анна». Управляющий, наверное, лентяй или вор, а Афанасий Петрович не взыскивает с него по своей природной мягкотелости. Павел только о своих удовольствиях помнит. Вот тетка обвинила его, что конезавод за долги ушел. Все тратят, а управлять хозяйством, заботиться о поддержании его на уровне некому. Семья испытывает нужду, а за дело взяться не хотят или не умеют. Конечно, им бы сейчас мое наследство получить, чем с утра до ночи хозяйством заниматься, не зная покоя ни в жару, ни в холод. Получил денежки, и не знай хлопот. Почему все-таки бабка все оставила внучке, а других, по сути, лишила всего? Пора заводить с теткой конкретный разговор. Пусть объяснит ситуацию.

В это время из конюшни показался Павел, который вел на поводке мраморно-белую кобылу. Она была такая изящная, легкая, игривая, что «Анна» в момент влюбилась в нее, как когда-то влюбилась в свою машину, которую они купили с Женькой на второй год после свадьбы. Кобыла и цветом напоминала их «семерку».

Грива и хвост кобылы были чуть темнее, носочки тоже темные и темное пятнышко на лбу.

– Ну, как? – ревниво спросил брат. – Нравится?

– Не то слово, – «Анна» глаз не могла отвести. Потом она протянула руку, чтобы погладить кобылу.

Та тотчас повернула к ней свою прекрасную сухую голову, взглянула серо-жемчужными глазами и потянулась мягкими, теплыми губами, ожидая угощения.

– Ты погляди, признала, – удивился Павел. – Будто знает, что она для тебя куплена.

– Правда, для меня?

Павел слегка смутился, но потом весело подтвердил:

– Для тебя!

Обернулся к конюхам:

– Эй, Терентий, как кобылу звать?

– Семерочкой, барин.

– Как? – вскрикнула «Анна». – Как ты сказал?

– Её, барышня, назвали Семерочкой, потому что, извольте поглядеть сами, на лбу у нее пятнышко как раз напоминает циферку.

«Анна» приподнялась на цыпочках и действительно обнаружила на белом лбу пятно в виде цифры семь. Она потянулась и обвела пальцем цифру на лбу.

– Она мне очень нравится, – поблагодарила Павла. – А прокатиться можно на ней?

– Анна, – забеспокоилась тетка, – да ты в своем уме. Едва ходишь, а уже мечтаешь о конной прогулке. И не вздумай. Всему свое время. Вначале основательно спину подлечим, а уж потом...

– Тетя, – просительно повернулась «Анна», – я только чуть-чуть, самым тихим шагом. Ну, просто посижу, в конце концов.

– Сейчас устроим, – Павлу понравилась идея «Анны» опробовать подарок. – Терентий, подай седло.

– Павел, – взывала к благоразумию Варвара Петровна, – Ты не понимаешь, что ей это может повредить.

– Не волнуйтесь, тетенька, с ней все будет в порядке. Стал бы я рисковать, если б не был уверен?!

Принесли седло странной, по мнению «Анны», конструкции. Потом она догадалась, что это дамское седло, позволяющее женщине ездить верхом в платье, перекинув ноги на одну сторону. «Анна» не знала, сумеет ли она удержаться в таком седле, но отступать от задуманного не стала.

С помощью Павла и Терентия она взобралась в седло. Ей показалось, что она очутилась на огромной высоте, хотя с земли кобыла не выглядела великаном. Семерочка спокойно стояла, изредка косила глазом на неопытную всадницу и легко всхрапывала. Анне подали повод, и она тихонько его натянула. Кобыла ни с места. Тогда она качнулась всем телом, понуждая ее к движению, и резче дернула повод. Кобыла двинулась вперед. Вначале «Анне» показалась, что она сейчас слетит с высоты, но потом уловила ритм покачивания в седле, чуть расслабилась и отдалась на волю умного животного. Павел шел рядом, а тетка, прижав кулак ко рту, беспокойно наблюдала за племянницей, вполоборота сидевшей на стройной лошади.

«Анна» быстро обрела уверенность, и теперь ей совсем не было страшно. Наоборот, она ощущала то самое чувство, которое испытывала, когда садилась за руль своего жигуленка. Не хватало только скорости, и «Анна» прикрикнула:

– Но-о-о, пошла, милая, давай быстрее.

Семерочка послушалась и перешла на рысь. «Анну» затрясло, боль тысячами иголок вонзились в спину. Тогда она еще громче крикнула, и кобыла перешла в легкий галоп. Принорав-

ливаясь, всадница искала более удобное положение в седле, но возможности дамского седла были ограничены. «Анна» поняла, что ей не выдержать долго и натянула повод. К ней уже бежал Павел и молодой конюх. Они схватили лошадь под узды, повернули ее назад. Семерочка шла, искоса поглядывала на всадницу, будто извиняясь за причиненную боль.

– Ничего, ничего, моя дорогая, – бормотала «Анна», успокаивающе похлопывая кобылу по крутой шее. – У нас с тобой все впереди. Вот увидишь, мы с тобой подружимся. Только дай срок.

С седла ее снял Павел, а когда опустил ее на землю, то «Анна» невольно скривилась о мучительной боли в спине.

– Тебе нехорошо? – Варвара Петровна уже прижимала племянницу к своему сильному боку. – Я тебя предупреждала, Павел: еще рано, спину надо ей поберечь. Сейчас же домой! Массаж и полный отдых.

«Анна» виновато поглядела на тетку, удобно взяла ее под руку и тихим ходом отправилась в обратный путь к дому. Она поминутно оглядывалась на конюшню, где с виноватым видом стоял и бил себя по голенищу плеткой Павел.

Уже подходя к крыльцу, «Анна» прогнулась в спине, откинула голову назад, свела лопатки вместе. Из ее груди вырвался вздох облегчения, но тут же прервался: чей-то взгляд, наполненный лютой злобой, пронизал ее насквозь. Потом занавеска колыхнулась, и глаза исчезли, но «Анне» все казалось, что на неё смотрят сквозь материю. Еще секунда, и тонкая кисея загорится, прожженная огненной ненавистью.

Она остановилась. Её охватило оцепенение, страх, как при взгляде на ползущую змею. Хорошее настроение испарилось. Она медленно поднималась по ступенькам, недоумевая, кто это мог быть.

В комнате «Анна» разделась, вытянулась на своем жестком ложе и блаженно закрыла глаза. Боль покидала расслабленное тело, в глазах стояла чудная Семерочка, в ушах звенел смех Павла. Она устала, но была довольна прогулкой. Если б только...

– Катя, – позвала она, – скажи, кто занимает комнаты как раз над крыльцом?

– Да там комнат нет. Там галерея. Она соединяет правое и левое крыло дома. Ею редко пользуются, если только прислуга. А почему вы спросили?

– Да так.

Горничная внимательно посмотрела на «Анну». Было заметно, что та о чем-то задумалась. Но девушка не посмела расспрашивать.

В комнату вошла Варвара Петровна. Она уже переоделась, в руках знакомая корзинка со снадобьями.

– Тетушка, обождите немного. Хочется спокойно полежать.

– Лежи, лежи. Я тебя не потревожу. А не хочешь ли чаю?

– Пусть принесут, – посмотрела на Катю. – И варенья.

Катя весело поклонилась и выпорхнула. Слышно было, как она бегом спускается с лестницы, приговаривая себе под нос что-то веселое.

«Анна» задумалась.

Чьи глаза так «приветливо» глядели на меня? А может, и не на меня? Почему я беру все на свой счет? А с другой стороны, что себя обманывать – мне предназначался это взгляд.

– Тетя, голубушка, а расскажи-ка ты мне о моем финансовом положении.

Тетка ни слова. «Анна» открыла глаза. Варвара Петровна смотрела на нее в растерянности.

– Странно от тебя слышать такое... «финансовое положение». Это ты про наследство хочешь узнать?

– Ну да. Расскажи.

– Что тут рассказывать. Ты и сама, наверное, уже знаешь, – Варвара Петровна откинулась в кресле, сложила руки на коленях, торжественно перекрестилась, глядя на образа. – Бабушка твоя, моя мать, Елизавета Федоровна, оставила тебе все, что имела. А это очень много, поверь. За всем сейчас наблюдают управляющий имением и поверенный в делах из города. Ты с ними...еще познакомишься. Тебе сейчас, вплоть до двадцати пяти лет или до замужества, выдают деньги на расходы, невесть какие большие, но на достойное житье хватит. Капиталом же ты можешь воспользоваться только по достижении двадцатипятилетнего возраста или когда выйдешь замуж. Ты, может, самая богатая невеста в губернии, – с улыбкой закончила тетка.

– А почему бабушка Павлу ничего не оставила? Он ей тоже внук. А почему не оставила отцу моему?

– Воля ее была такова, – поджала губы Варвара Петровна, вновь перекрестившись. – Не мне это обсуждать и тебе не советую. Елизавета Федоровна была умнейшей женщиной, бестолковых поступков в жизни не совершала. Вот тебя с малолетства приучила книги вести, расходы, доходы считать. Ты в этом деле сметливая.

Повисло молчание. Тетка о чем-то напряженно думала, в голове «Анны» роились сотни вопросов.

– Раз я богатая невеста, – зашла с другого боку «Анна», – значит, у меня женихи есть?

– Как не быть. Чуть ни каждый день сватаются, да только твоим родителям трудно угождать.

– Родителям трудно, – усмехнулась «Анна», – а мое мнение спрашивали?

– Верховодил бы в доме батюшка, – вздохнула Варвара Петровна, – так, может, и спросили бы. А мать твоим мнением не интересуется. Да и кто у девиц спрашивает, когда речь о браке заходит? За кого сговорятся родители, за того и отдадут. Вот бабушка все мечтала тебя за хорошего, самостоятельного человека отдать. Но не дожидая, бедная.

– Интересно, – протянула «Анна». – Ну и кого же матушка мне приглядела?

Варвара Петровна пристально поглядела на лежащую девушку, потом прикрыла глаза. Видно было, что молится, зерна четок так и мелькали в худых пальцах монахини. «Анна» вновь подивилась: ее собственные руки были точь-в-точь как у тетки. Та же форма пальцев, такие же хищно загнутые ногти. Даже рисунок голубых жилок показался ей совершенно одинаковым.

– Князь Ногин тебя сватает, а матушка согласие дала.

– Вы, тетушка, так произнесли это имя, будто он не человек, а чудовище.

– Чудовище и есть. Уж не говорю о его мерзком образе. Бывает, человек и не красив, а с доброй душой и мягким нравом. У него же характер дрянный: скуп, жесток, самолюбив до крайности, двух жен в могилу свел. Над крестьянами изуверствует. Ни чести у него, ни стыда.

– За что же матушка меня так ненавидит, если согласна отдать такому?

Щеки Варвары полыхнули румянцем. Она закашлялась, выхватила из складок платья платок, прикрыла им чуть ни пол-лица.

«Анна» усмехнулась: что-то здесь кроется.

Очередной скелет в шкафу семейства Лыковых. Вон как она покраснела, смешалась, бежать готова. А я ведь ничего особенного и не сказала. Опять тайна, а за все тайны, по-видимому, мне одной расплачиваться придется.

– Князь богат, – едва отдышалась тетка, – вот Анастасия Куприяновна и позарилась. Родители сейчас жестокою нужду терпят, а твоим приданым воспользоваться не могут. А долгов сколько! Надеются, я краем уха слышала, что князь покроет их.

– Значит, князь – купец, а я – товар. Ну и сколько за меня просят?

– Толком я не знаю, но тысячу двадцать, думаю. Да боюсь, обманывает их князь. Если бы он честно дела вел, разве стал бы таким богачом? Он и тебя красавицу хочет получить, и родителей твоих окончательно разорить, за долги все у них забрать.

– Вот как дела обстоят...Надо подумать.

– И мать твоя боится обмана, а другого выхода не видит. Придумала она часть денег получить перед тем, как в церкви вы обвенчаетесь, а остальное взять после. – Тут Варвара Петровна решительно встала. – Но ты не волнуйся, без твоего согласия замуж тебя не отдадут. Мой брат, твой отец, хоть по виду и подкаблучник, но в таком деле его слово решающее. Он лучше в тюрьму пойдет, но без твоего согласия замуж не отдаст. Да и я не позволю!

«Анна» обдумывала услышанное. Раньше, по книгам, она знала, что по принуждению за богатых стариков идут только бедные девушки. А тут гляди, богачку, красавицу, не сироту, а принуждают идти за старого, с дурным характером богача. Непонятно.

Тем временем Варвара Петровна решила сказать то, что ее мучило с первой минуты встречи.

– Анечка, не знаю, как сказать, а только ты еще больна.

«Анна» удивленно подняла брови.

– Ты не сердись, девочка, – заторопилась тетка, – да только странная ты стала, и речь у тебя странная. А уж про взгляд и говорить не приходится. Изменился у тебя взгляд, тяжелый стал, как...

– Какой?

– Будто ты в бездну заглянула.

– Может, ты и права.

Они замолчали. «Анна» уставилась в потолок, тетка смотрела на нее, утирая слезы. Душу Варвары жгла странная боль невосполнимой утраты. Словно она уже похоронила свою Анечку, и ей не верится, что лежащая на кровати девушка жива. От такой мысли ей еще горше стало.

– Как мне тебя жалко, Анечка, – заплакала тетка. – Нет тебе счастья в жизни. Видно, судьба такая.

– Ну, мы еще поглядим, – с тихой угрозой проговорила «Анна». – Ты не беспокойся, я себя в обиду не дам.

Горничная Катя стояла в дверях с уставленным приборами подносом. Она стала невольной свидетельницей и слушательницей. Только сейчас она в полной мере осознала, что барышне и впрямь грозит опасность: если отдадут Анну замуж, загубит князь молодую жену, не впервой ему. И так ей стало жалко барышню, что она, тихо всхлипывая, стала молить Бога, чтобы помог несчастной, не дал на растерзание злему старику. Изредка взглядывая на двух женщин, Катя впервые заметила, насколько они схожи. И лицом, и голосом, и ростом и многим другим. Чудны, Господи, творения твои. Вот ведь Анастасия Куприяновна красавица, а дочь в тетку вылилась. Ну ладно бы в отца еще, Афанасия Петровича, так нет же, в его сестру. Чудеса!

– Пожалуйте, чаю, – проговорила она, поставив поднос на стол. – Вам, Анна Афанасьевна, я вашего любимого варенья принесла и крендельков. Отменные крендельки сегодня, – веселый голос Кати развеял сумрачное впечатление от разговора тетки с племянницей. Они с удовольствием принялись за чай, слушая забавные рассказы Кати о живущих в доме.

– Мне ехать пора, – прервала ее Варвара Петровна. – Еще день завтра, и покину тебя, мою душечку.

– А можно я тебя навещу? – спросила «Анна».

– Рада буду, и настоятельница о тебе справлялась. Почему, спрашивала, ты так долго не приезжаешь.

– Приеду, вот только на ноги уверенно встану.

– В Успенье приезжай, у нас молебен служить будет сам митрополит.

«Анне» хотелось побывать и в монастыре, и в городе, посмотреть, каким он был 200 лет назад, людей посмотреть, их жизнь. Но в то же время она испытывала непонятный страх перед неведомым, словно все сразу догадаются, кто она на самом деле, начнут пытаться, куда она дела настоящую Анну Лыкову.

– Еще мне бы хотелось с родственниками познакомиться, – «Анна» ласково погладила руку тетки. – Знаю, у меня есть тетка Александра, еще родные по дедушке. Как ты думаешь, попросить мне батюшку, чтобы он меня в город свез?

– А почему нет? – весело произнесла Варвара, хотя было видно, что удивлена такой просьбой со стороны племянницы. – Ярмарка скоро, вот ты и попросись с отцом в город. А к другим родственникам мы на Рождество обычно ездили. – И чтобы переменить разговор, обратилась к горничной: – Пойдем, Катя, я тебе подробно расскажу, как лечить спину Анечке в мое отсутствие. И не жалея мази, я через неделю еще пришлю.

Катя согласно кивнула, собрала чайную посуду и поспешила к выходу. Вслед за ней вышла и Варвара Петровна.

...На следующий день Варвара Петровна прощалась с «Анной». Они крепко обнялись. Едва сдерживая слезы, тетка тихо, чтобы стоящие рядом не услышали, наказывала:

– Верю в твое благоразумие, Анечка. Молись Богу, пусть он укажет тебе правильный путь. Слушай сердце свое, а не гордый разум. Будешь в городе, навести Александру Куприяновну. Польза тебе от этого будет. Женщина она хоть и убогая, но мудрая, чутье имеет в делах, добра не в пример...

– Хорошо, тетушка, – пообещала «Анна», целуя Варвару в щеку и искренне сожалея об её отъезде.

– Катя тебе спину будет растирать ежедневно, – на ходу говорила тетка. – Баня тебе на пользу, а вот с конными прогулками осторожнее. Не дело девице скакать верхом. Уж лучше прикажи сделать тебе коляску малую, вот тебе и прогулки.

– Хорошо. Не забывай меня, навещай.

Варвара Петровна попрощалась с братом и племянником, обвела взглядом окна верхнего этажа, но, видать, не нашла того, кого искала. Широко перекрестилась, низко поклонилась всем и ловко забралась в коляску.

Долго стояла «Анна», глядела, как пыль оседает на дороге, долго слушала звук удаляющейся коляски и крик возчика.

Остаток дня «Анна» провела в раздумьях. Теперь ее главная задача – укрепить физически и построить свою жизнь так, чтобы никому не удалось манипулировать ею, чтобы она сама распоряжалась своей судьбой.

Единственный способ быть независимой от родителей, думалось ей, – это дожидаться своего двадцатипятилетия (а это еще почти 8 лет) или выйти замуж и прибрать мужа к рукам. Ждать ее двадцатипятилетия никто, конечно же, не станет – долги поджимают. А вот о замужестве надо подумать. Стать княгиней это хорошо, но, судя по характеристикам, князь не тот человек, которого можно заставить плясать под свою дудку. Вернее всего, он её в гроб вгонит и гвоздик последний заколотит. Но за другого мать не отдаст. Значит, следует рассмотреть вариант с князем.

Удивительно, но при всей сложности её теперешнего положения нынешнюю свою жизнь «Анна» воспринимала как игру. Ей казалось, что перед нею игровое поле, где нужно заработать очки, чтобы в конце получить приз. А призом будет жизнь. Чем дальше, тем больше она убеждалась в том, что падение ее было не случайным. Её смерть решала проблему финансового благополучия семьи Лыковых. Но замысел не удался, значит, пробуются запасной вариант – замужество.

Лет в двадцать слово «замужество» вызывало у нее трепет и щемящее чувство несбыточного счастья, в двадцать пять стало вызывать в голове картины африканской страсти, в тридцать пять – сцены нудного супружеского долга. Теперь замужество представлялось ей ловким ходом, позволяющим приобрести многое, не потеряв при этом своего.

С трудом, но «Анна» привыкала к новой жизни. Большую часть времени она проводила в своей комнате с Катей или одна. От горничной она узнавала, что происходит в доме, что говорят слуги, кто приезжал в гости. С «родителями» встречалась лишь за обеденным столом, разговаривала мало и уходила, как только предоставлялась возможность. Это никого не удивляло, и «Анна» сделала вывод, что настоящая Анна вела себя похоже.

Самое трудное для нее было следить за речью. Из нее так и выскакивали словечки, принятые в молодежной редакции начала двадцать первого века, но никак не в барской усадьбе начала девятнадцатого.

Часто забывала, что она «барышня», что Катя специально приставлена к ней, чтобы одевать и раздевать ее, подавать в руки необходимые вещи, если даже они, эти вещи, находятся в шаге от нее. Ей практически нечего было делать, кроме как сидеть у окна или медленным шагом прогуливаться по саду. Ей натура требовала деятельности, а она была повязана бездельем.

В той, другой жизни, едва окончив школу, она взяла на себя заботы по дому, так как мать была постоянно занята на работе. Учась в пединституте, после трех-четырех пар она бегала по магазинам, готовила обеды, ужины, стирала, утюжила белье, мыла полы, а ночи проводила за конспектами. Кроме того, вела общественную работу на факультете, участвовала в художественной самодеятельности.

По окончании вуза ей пришлось тащить две ставки в школе, вечерами проверять по три-четыре пачки тетрадей, а вся домашняя работа по-прежнему оставалась на ней. Правда, теперь она готовила только ужины, потому что и сама, и Елена Сергеевна обедали на работе. По выходным она старалась не сидеть дома, а выбираться со знакомыми на природу, где любимым развлечением был волейбол и песни под гитару у костра.

Но только когда она вышла замуж, поняла, что до этого была свободным человеком! Она представить не могла, сколько времени и усилий требуется, чтобы навести чистоту в доме, чтобы муж был одет с иголочки, чтобы в доме постоянно была горячая пища. А эти внезапные визиты друзей, когда компания из пяти-семи человек на весь вечер устраивалась у них в кухне, съедала недельный запас из холодильника и оставляла гору грязной посуды, затоптанные полы и испачканные паласы!

Как она мечтала отдохнуть! Как радовалась, когда Женька уезжал в командировки! В эти дни она питалась кофе и печеньем, но ни под каким предлогом не заходила на кухню. Вечерами валялась на диване с очередным детективом или смотрела все телепередачи подряд.

С переходом в редакцию, исчезли тетради и конспекты по вечерам. Но ее новая работа требовала полной отдачи в течение рабочего дня. Домой она приходила выжатая, как лимон, с мечтой о теплой ванне и чашке чая. Но, передохнув не более получаса, вставала к плите, потом к мойке, потом к гладильной доске или к тазу с замоченным бельем. И так каждый день, месяцы и годы. Мысли побездельничать посещали ее, но исчезали под давлением неотложных дел.

А вот сейчас она с удовольствием бы поработала. Но для барышень предусмотрено вышивание, музицирование и рисование акварельными красками. А у нее как раз ни малейшего таланта к этим занятиям.

Боже, как был удивлен Афанасий Петрович, когда она на его просьбу «поиграть», сказала, что не умеет.

– Анечка, как же это... – отец был удручен. – Павел, ты слышал, она «не умеет»!

Павел тоже был в гостинной и был удивлен не менее отца.

– Аня, не может такого быть! Ты сядь к инструменту, и пальцы сами вспомнят...

Она молчала.

Черт возьми! Оказывается, настоящая Анна умела играть на фортепьяно! Незадача!

– Прошу вас, – тихим голосом произнесла она, – не настаивайте. Я бы рада, но ...

– Неужели и это можно было забыть? – огорчился Афанасий Петрович. – Хотя с другой стороны, ты же не помнила даже нас, родителей. Ладно, Анечка. Бог с ней, с музыкой. Главное, чтобы ты была жива, здорова.

– И, правда, Аня! – подхватил Павел. – Подумаешь, фортепьяно. Как будто важнее ничего на свете нет.

Он подошел к ней, взял ее руки в свои и нежно пожал.

– Вернется память – вернется и навык играть. А до этого нечего свою голову забивать ненужными мыслями. Пойдем лучше погуляем.

Они двинулись к выходу, но навстречу попала Анастасия Куприяновна.

– Я думала, тебя дома нет, – удивилась мать. – Ты вроде собирался куда-то?

– Собирался, а потом раздумал, – ответил ей Павел. – Мы лучше с Анной погуляем, ей полезны пешие прогулки и свежий воздух, – он уже не глядел на мать, поэтому не увидел, как она нахмурилась и каким недовольным взглядом проводила их.

Павел помог «Анне» одеться, и все время, что они гуляли, занимал ее рассказами о службе и смешными историями из жизни соседей.

А она слушала его и чувствовала, как незримая нить протягивается между ними. Ей всё нравилось в нем: голос, внешность, манеры, легкость в общении. Она обмирала, когда его рука обхватывала её за талию или поправляла ворот легкого пальто. Когда он говорил, она не могла оторвать взгляда от его губ, а когда он замолкал, то мысленно торопила его, ждала очередной порции шуток. А еще у него была привычка слегка прищуривать глаза и внимательно вглядываться в лицо собеседника. В такие моменты «Анне» казалось, что она тает, уносится к облакам. Голова её слегка кружилась, и она непроизвольно хваталась за его локоть, а он, довольный произведенным эффектом, медленно подносил ее руку к лицу и целовал. При этом глаз своих не опускал, а, напротив, еще более пристально смотрел на нее, словно на самом деле ему хочется целовать не ее пальцы, а ее губы.

Они уже дошли до границы парка, пора было поворачивать к дому.

– Ты не устала?

– Нет.

– Спина не болит?

– Чуть-чуть.

На самом деле спина у нее не болела, но ей нравилось, что Павел о ней беспокоится. А он, будто ждал этих слов: обхватил одной рукой за спину, прижал к своему боку так, что она через одежду почувствовала крепкие мышцы его ноги. Они шли, прижавшись друг к другу, и «Анна» почувствовала, как внутри нее зародилась горячая волна, движущаяся от сердца вниз. Вот спазмом сжало желудок, вот щекотка прошла по животу, обварило кипятком в паху и мелкой дрожью задрожали ноги.

– Ты замерзла? – немного хриплым голосом спросил Павел и тотчас остановился, повернул ее к себе лицом и обнял уже обеими руками. – Я тебя согрею, – прошептал он в ухо, и действительно горячая волна опять окатила ее всю.

Она уютно расположилась в его объятиях, прижавшись лицом к груди и вздыхая идущий от него запах одеколона и кавалерийской кожи. Они стояли молча, чуть покачиваясь и проникаясь незнакомым, но удивительным чувством близости.

Потом она вздохнула, и он расцепил кольцо рук.

– Пойдем? – не то спросила, не то предложила «Анна».

– Да, – Павел уже не глядел на нее, потому что вдруг почувствовал, что последнее объятие мало напоминало родственное. У него возникло реальное ощущение, что сейчас он обнимал совершенно незнакомую женщину, а не младшую сестру.

Он шел и думал об этом. Единственное, что приходило ему в голову, это испытанное им потрясение, когда он увидел сестру лежащей у лестницы бездыханной, а потом встреча с новой Анной, один взгляд которой возбуждал в нем неведомые доселе чувства.

Никогда раньше он не проводил с Анной столько времени. Милая девушка, тенью скользящая по дому, всегда грустная, испуганная, не привлекала его внимания, а лишь вызывала сочувствие. Он понимал, что сестре, привыкшей к жизни в Щелокове, в доме родителей было неуютно, одиноко. Да и матушка не упускала случая, чтобы укорить девушку наследством, излить на нее горечь несбывшихся надежд. Конечно, Павел оказывал сестре знаки внимания, поддерживал, как умел, но посвящать ей время, устраивать совместные прогулки? Никогда такого не было. Что же случилось?

Почему ему все труднее сдерживаться, чтобы не обнять Анну, не поцеловать её? Почему один ее взгляд доводит его до дрожи во всем теле? Почему все дамы и барышни вокруг перестали для него существовать, а их надушенные записки раздражают? Он сошел с ума?

Вдруг память подсунула ему образ Мари Щуровой такой, какой он видел ее в минуты их свидания. Ничего не скажешь, хороша, обворожительна просто. Какие очи, какая грудь, как самозабвенно она отдавалась его ласкам! Но даже в минуты страсти Павел не чувствовал того, что чувствует сейчас, поддерживая собственную сестру под локоток. Если с Мари была страсть, как назвать чувство, владеющее им сейчас? Дьявольское искушение, греховный огонь кровосмешения!

Да за такое быстро попадешь под церковный суд! Надо взять себя в руки, вновь глядеть на нее как на сестру, завести, в конце концов, очередной роман. Ну, вон хоть с Ириной, сестрой Мари. Кстати, почему Мари вдруг решила стать монашкой. Во уж никогда не подумал, что в ней горит огонь благочестия. Тоже мне, невеста Христова!

Анна, Анна, что ты со мной делаешь? Знала бы та, какие сны мне снятся о тебе, что я делаю во снах с тобой! Уехать, надо уехать! Отвлечься, забыть, успокоиться. Матушка все о свадьбе сестры с князем хлопочет, вот и пусть будет. Вернусь, когда все закончится. Завтра же скажу, что вызывают в полк.

Прошло три дня, как уехала Варвара Петровна. Поговаривал про отъезд и Павел. Жизнь «Анны» текла тихо, размеренно. Ежедневная баня и массаж со снадобьями, которые оставила тетка-монахиня, давали ощутимый результат. Она теперь двигалась свободно, легко наклонялась, сгибалась. Домашние, в том числе Катя, заметили, что ходить «Анна» стала совершенно по-другому. Раньше, по словам горничной, «барышня плечи опустит, голову к одному плечу приклонит, ссутулится, словно роста своего стесняется, да еще руками все норовила грудь прикрыть». А теперь осанка, как у королевы, голову высоко несет, плечи пряменькие, а грудь вперед. Даже шаг стал уверенный, неторопливый, степенность появилась, осанистость. Раньше мышкой по дому прошмыгнет, никто и внимания не обратит. А сейчас идет, так всяк остановится – сразу видать, хозяйка шествует.

Слов горничной «Анна» не опровергала. Но и объяснять не стала, что молоденькое тело несет тридцатипятилетнюю душу, волевой характер и устоявшиеся жизненные принципы.

– Барышня, а вы заметили, – осмелилась раз Катя, – матушка ваша на вас так внимательно поглядывает. Вот, кажется, сейчас спросит, ан, нет, промолчит. Заметила я, что наблюдает за вами, когда вы гулять ходите. Все глядит, глядит, словно незнакомку встретила.

– Заметила. А знаешь, она вчера ко мне в комнату заходила.

– Когда? – ахнула Катя. – Ночью?

– Нет, после обеда. Спать мне не хотелось – взяла книжку да в уголок. Тут дверь и открылась.

Катя широко раскрыла глаза:

– Что сделала?

– Ничего. Постояла, поглядела на кровать и снова дверь закрыла. Может, поговорить приходила, да в последний момент разбудить не посмела. Хотела я ее окликнуть из угла, не успела.

– Что ж она времени лучше не нашла для разговоров?

– Кто знает.

Они замолчали. Шли по аллее, которую «Анна» выделяла из всех в парке. Она тянулась полукругом, огибала правое крыло дома, доходила до пруда с заросшим мелкой, уже пожелтевшей травкой бережком. За прудом шла рощица, где, по рассказам Кати, девки водили хоро- воды, а на Ивана Купалу устраивали игры с парнями. За рощицей виднелся край сжатого поля, а за полем находился другой пруд, больше и глубже, прославившийся тем, что туда бегают топиться обманутые девушки или брошенные невесты.

Осень уверенно вступала в свои права. Деревья оголялись, кусты роняли лепестки поздних цветов. В усадьбе шли приготовления к долгой зиме: солили и квасили овощи, ягоды, грибы в бочках и бочонках, без устали работала крупорушка и мельница.

«Анна» уже знала от «отца», что скоро будет ярмарка. Предполагалось, что часть урожая будет там продана за хорошие, дай Бог, деньги. Еще он твердо обещал, что возьмет ее с собой, как и «в прошлый раз».

О ярмарке Афанасий Петрович говорил с таким жаром, что ясно было: о таком развлечении он мечтал целый год.

– А матушка с нами поедет? – невинно спросила «Анна» у Афанасия Петровича, на что тот яростно замахал руками:

– Нет, нет! Мы с тобой только, так веселее будет, – и закрутил гусарский ус.

«Анна» про себя улыбнулась: бедный, бедный подкаблучник. Что ж, гуляй! Две недели в твоём распоряжении. Ну, уж и она воспользуется свободой, навестит тетку, Александру Куприяновну. Навестит и расспросит, почему в их роду девушки с лестниц падают ни с того, ни сего.

– Барышня, – отвлекла от мыслей «Анну» горничная, – вроде зовет нас кто-то.

«Анна» повернулась в сторону дома. По аллее, загребая палые листья босыми ногами, мчался мальчонка в залатанных синих штанах и рубашке в горошек. Оттого, что ремень отсутствовал, рубаха раздувалась от бега, и казалось, что еще немного и мальчонка взлетит, как пузырь, наполненный воздухом.

– Это Минька, – признала Катя. – Значит от Павла Афанасьевича.

Малый подлетел, качнулся в поклоне и, блестя глазенками, сияя белоснежной улыбкой на замурзанном лице, прокричал:

– Барышня, вас барин дожидается.

– Какой барин? – строго спросила Катя и для пущей убедительности цапнула его за рукав.

Мальчишка втянул голову в плечи, но потом заметил, что «Анна» глядит на него с улыбкой, и пояснил:

– Барин, Павел Афанасьевич. Они там, на конюшне. Велели вас позвать.

– А что за срочность? – «Анне» не хотелось прерывать прогулку. – Может, чуть позднее.

– Он велел тотчас идти. Сказал, что вы обрадуетесь.

– Чему я обрадуюсь?

– Не велено говорить, – в голосе Миньки послышались взрослые нотки.

– Сюрприз, значит.

– Чего-о-о? – не понял посыльный, но Катя уже пихнула его в спину.

«Пузырь» крутанулся на месте и помчался назад, оборачиваясь на девушек и взмахами белобрысой головы, приглашая поторопиться.

«Анна» повернула к дому, в уме прикидывая, что за сюрприз придумал ее «братец» на это раз. Катя семенила рядом, поглядывала сбоку, и ей страсть как хотелось знать, что такое «сюрприз».

Через несколько минут они подошли к конюшне. Там стояло до десятка человек дворовых, кузнец Филат и известный во всей округе каретных дел мастер Архип, по прозвищу «Штырь». Его так прозвали за то, что левая нога у него не гнулась в колене.

Архип довольно потирал рукой заросший подбородок, его маленькие воспаленные глазки светились радостью, а изрядно покрасневший нос свидетельствовал, что он уже приложился к рюмке.

Мужики степенно поклонились «Анне»:

– Доброго здоровья, барышня. С выздоровлением вас, Анна Афанасьевна.

Она улыбалась и отвечала всем, и ей было странно, что от одного её слова или знака может решиться судьба этих дюжих мужчин и их семей.

Со стороны конюшен послышался мягкий топот – все повернулись в ту сторону. Из-за угла гордо выступила кобыла, запряженная в легкую одноместную коляску с откидным верхом, с крашенными в красный цвет спицами колес и обитым зеленым бархатом сиденьем. Рядом с коляской Павел. Волосы его растрепались, усы победно топорщились, был он в одной рубаше, в вырезе которой виднелась широкая и крепкая грудь, поросшая светлым курчавым волосом. На крепком гайтане поблескивал золотой крестик. Над левым соском «Анна» заметила родимое пятнышко в виде маленького сердечка.

– Аня! – закричал Павел. – Смотри!

Теперь «Анна» видела лошадь и коляску целиком, и они ей были так по душе, что слезы выступили на глазах от волнения и счастья. Молнией пронеслось в голове воспоминание, когда она впервые села за руль своей белой «семерки».

– Павел, – протянула она руки к «брату», – Павел, я не знаю, как тебя благодарить. Ведь это мне, да? Мне?

– Конечно. Я подумал, что тебе тяжело будет верхом, вот и приказал Архипу изготовить для тебя специальную коляску. Я её уже опробовал – чудо, как покойна.

Тут он из кармана штанов вытащил пару монет и небрежно бросил их Архипу, который уже стоял наготове. Тот с обезьяньей ловкостью схватил серебро, сунул в шапку, а шапку заткнул за пояс. Мужики одобрительно загудели.

– Извольте, барышня, прокатиться в новой колясочке. Слово мастера, будете, как в кресле каком сидеть. И не всколыхнетесь.

«Анна» подошла к Семерочке, погладила по крутой шее, как гребнем, прочесала пятерней гриву. Кобыла смирно стояла, слегка пофыркивала в ответ на ласку. Потом она переступила и махнула головой назад, словно пригласила испробовать новый вид транспорта. Павел подал руку, и «Анна» по двум ступенькам забралась в коляску.

Скамейка была как раз по ее росту, ноги удобно упирались в передок, спина чуть отклонялась назад. В таком положении она не почувствовала неудобства или напряжения. Бортики коляски закрывали по высоте колени, а поднятый верх создавал уют маленького домика.

«Анна» взяла вожжи и легонько натянула. Кобыла вновь переступила неуверенно, всхрапнула, потом скосила назад свои жемчужно-серые глаза, словно спрашивала разрешения.

– Давай, давай, милая, – поощрила ее «Анна» и резче дернула вожжи.

Кобыла легко зашагала, а она ощутила лишь легкое покачивание да свежесть встречного ветерка. Уже увереннее «Анна» направила Семерочку к видневшимся в сотне метров воротам. Кобыла пошла рысью, и опять не чувствовалось ни тряски, ни неудобства. Пусть скорость не такая, как у «Жигулей», но сейчас ей было даже приятнее держать вожжи в руках, чем раньше руль машины. И никаких встречных!

Босоногие мальчишки бежали вслед за коляской, кричали, смеялись. Не доезжая немного до ворот «Анна» повернула назад. На повороте Семерочка слушалась беспрекословно.

– Тпру-у-у, – она резко натянула вожжи, чуть не наехав на замешкавшегося, глазевшего на нее мужика. – Сто-о-й!

Кобыла послушно встала. «Анна» сильно качнулась к передку. Удобная подставка для ног служила еще для упора и не позволила ей вылететь под задние копыта Семерочки.

– У, раззява, – подбегая, закричал Павел и замахнулся плетью на нерасторопного мужа. – Пошел вон!

– Павел, успокойся, – прикрикнула на брата «Анна». – Ничего не случилось. Я сама виновата.

Павел подошел, подал ей руку, помогая сойти на землю.

– Архип, – оглянулась барышня, – твоя коляска заслуживает хорошего вознаграждения.

– Рады послужить вам, барышня, – поклонился мастер.

– Павел, спасибо тебе за все.

Брат смотрел на нее во все глаза. Раньше он не замечал, как она красива. И впрямь похожа на прабабку-испанку с портрета: такие же глаза, так же гордо поднята голова и волосы...

Почему он до сего момента не видел этих блестящих, как атлас волос? Для него она всегда была ребенком. Когда же она успела повзрослеть? Откуда в ней эта уверенность знающей себе цену женщины? Еще совсем недавно его сестра тушевалась от всякого брошенного на нее взгляда, а сейчас сама так глянет, что готов вытянуться, как перед полковником. А сколько женственности, сколько обаяния! Где были его глаза?

Павел удивленно слышал тяжелый стук собственного сердца, словно не сестра была перед ним, а красавица незнакомка. Когда она взяла его под руку и тесно прижалась к его плечу, горячая волна окатила его. Во рту пересохло, и он даже не сразу расслышал, о чем она его спросила.

– Что, Анечка?

– Скажи, где деньги, которые мне выдают ежемесячно?

Павел замялся:

– Спроси у отца.

– Спрошу. Только интересно получается: я богатая наследница, а денег на расходы не имею.

– Голубушка моя, да зачем тебе деньги. Если есть в чем нужда, ты только скажи. Завтра же в город пошлю, и тебе привезут все, что нужно.

– Я хотела отблагодарить Архипа за чудную коляску, но, кроме спасибо, у меня ничего нет.

– Да он и так много доволен, – яркие губы под пышными усами недовольно скривились. – Служить господам – главная обязанность крепостных. Деньги лишь разбалуют таких, как он.

«Анна» поняла, что задела больную для каждого помещика тему. Классовый вопрос, как ей говорили в институте, встал перед нею во всей своей неприкрытости.

Ты еще ему о равенстве и братстве расскажи, об отмене крепостного права, вот обалдеет!

– Павел, – приостановилась «Анна», – который сейчас год?

Павел захохотал, но, увидев, как серьезна сестра, подавил приступ смеха:

– Одна тысяча восемьсот третий от рождества Христова.

Он глянул на девушку и в который раз поразился нездешнему выражению ее глаз. Смотрит будто в пропасть или в неведомое.

Павел наклонился к ней.

– О чем ты задумалась?

– О будущем думаю, о том, что ожидает меня через год, пять лет, десять.

– А я так далеко не заглядываю, – беспечно ответил ей Павел и хлестнул по высокому голенищу сапога плеткой. – Мне бы в ближайшее будущее заглянуть, будет мне повышение или опять обойдут более ловкие.

– А ты, значит, не такой ловкий? – лукаво спросила «Анна».

– Я в бою да на плацу ловок, а в приемных на меня столбняк нападает.

– Никогда не поверю, – засмеялась «Анна». – Ты да чтобы столбом стоял.

– Эх, Анечка, знала бы...

– А ты расскажи.

Павел внимательно посмотрел на нее, раздумывая о чем-то своем.

– Когда-нибудь я тебе обязательно расскажу. Да, я совсем забыл, Щуровы записку прислали, о твоём здоровье спрашивались.

«Анна» приподняла бровь. Не заметив ее немого вопроса, Павел продолжил:

– Шлют тебе приветы и пожелания быстрейшего выздоровления. А Владимир приписку сделал, что ждет тебя в воскресенье на именины Ирины Григорьевны.

Вот сволочь, вначале предал, а теперь, значит, в гости приглашает, словно ничего не случилось. Сволочь или кретин. Надо будет с этим Владимиром как-нибудь посчитаться, чтобы впредь nepовадно было пользоваться доверием невинных девушек, а при случае сдавать их.

– Я не помню Ирины Григорьевны.

– Ирина Григорьевна твоя задушевная подруга. Вы подружились, когда ты переехала из Щелокова. Девушка, я тебе скажу, отменная: веселая, задорная, язычок как бритва. Жаль, что приданого за ней, как и за другими сестрами, никакого, а то бы я женился хоть сегодня.

Павел расхохотался, и «Анна» догадалась, что все это он в шутку говорил. Но заметила она также мелькнувшую в глазах брата тень, когда он говорил о «других» сестрах. Наверное, не Ирина его интересует, а другая из сестер. Но спрашивать не стала. Всему свое время, нечего думать о женитьбе брата, надо решать вопрос о собственном замужестве. Пора поговорить об этом с Анастасией Куприяновной.

Подшли к парадному крыльцу. «Анне» пора было на массаж, которым мастерски овладела Катя, Павел же собирался прокатиться по окрестностям, как он сам сказал. На том и разошлись.

Ближе к вечеру «Анна» спустилась в гостиную в надежде переговорить с «матерью». У широкого окна, в большом кресле дремал Афанасий Петрович. Он тихо похрапывал, а его усы смешно топорщились от дыхания. Трубка вывалилась из руки и тоненькой струйкой дымилась на полу рядом. На столике у кресла стоял наполовину опустошенный графин.

Одна из дверей из гостиной вела в библиотеку, служившей еще и кабинетом. Оттуда слышались шаги и неясное бормотанье.

«Анна» двинулась на голос.

В кабинете, за широким черным столом с серой столешницей сидела хозяйка дома. Она была в домашнем платье, и даже волосы были небрежно собраны и склоты на затылке. Перед ней веером белели бумаги. Одной рукой она подперла голову, другой, смяв несколько листов, резко ударяла об стол. Несколько секунд «Анна» могла наблюдать на лице женщины выражение полного отчаяния и озлобления на весь белый свет.

Заметив стоявшую у дверей «дочь», Анастасия Куприяновна постаралась овладеть собой:

– Что-то я задумалась, не услышала, как ты вошла, – одним движением она сгребла бумаги в кучу и прикрыла их тяжелым grossбухом. – Ты ко мне по делу или так, поболтать?

Ах, артистка. Тебе бы роли благородных матерей играть в трагедиях. Думаешь, не вижу твоего ужаса перед полным крахом? Хочешь играть, изволь, я тебе подыграю.

– Маменька, я хотела с вами переговорить относительно моего будущего, – «Анна» произнесла первую фразу с едва заметным дрожанием в голосе. Она старательно играла роль молоденькой девушки, контролировала свои жесты, речь, взгляд. Все в лицо ей говорили, как она изменилась после своей болезни, отмечали ее внезапное взросление, выразившееся, по их словам, в более независимой манере держаться и говорить.

– Садись, – приглашающе кивнула Анастасия Куприяновна. – Давай обсудим наши дела.

«Мать» откинулась в кресле, сложила руки под грудью и долгим взглядом прошла от макушки до домашних туфель «Анны».

– А я как раз и не знаю, что у нас за дела, – «Анна» постаралась, чтобы в голосе не было слышно вызова. – Я после падения, сами знаете, ничего не помню. Только по разговорам других... Тетка Варвара сказала мне, что есть у меня жених. Князь Ногин, кажется.

При этих словах «мать» вначале поджала губы, а потом распустила лицо в сладкой улыбке.

– Верно Варвара Петровна тебе сказала. Сватается к тебе один из лучших женихов губернии, князь, богач. Не молод, конечно, но умен, обходителен, не вертопрах какой. За ним как за каменной стеной будешь.

– Катя мне сказала, что князь в третий раз надумал жениться. От чего его предыдущие жены умерли? Уж, не от излишней ли обходительности?

– Поменьше глупых девок слушай. Я доподлинно знаю, что хворые они были.

– Что же он на больных женился?

Анастасия Куприяновна дернулась в кресле, налегла пышной грудью на стол, приблизила лицо

– А это часто бывает, – ехидно проговорила, – в девичестве все кобылки здоровые да горячие, а как из-под венца вышли, так и болезни находят.

– Скажите, маменька, сколько детей у князя от первых двух жен?

Лицо «матери» порозовело от возбуждения.

– Вот то-то и важно, что ни одного. Если так случится, что помрет князь в одночасье, так все жене достанется. Не с кем делить будет наследство.

– Что, действительно князь так богат, как говорят?

– Анечка, доченька, уж так богат, так богат, не сомневайся. Сама, как королева, заживешь и нам с отцом поможешь. Что скрывать от тебя, сама знаешь, разорены мы. И князю должны изрядную сумму.

– Сколько? – по-деловому заинтересовалась «Анна»

– Шестнадцать тысяч по расписке, да проценты еще. Вот и получается, что все двадцать потянет долг.

Анастасия Куприяновна с силой стукнула кулаком по куче бумаг.

– И куда же деньги ушли? – «Анна» положила свою руку поверх руки «матери». Та внимательно поглядела на дочь, потом на их скрещенные руки.

Уже давно приходила в ее голову мысль использовать способности дочери вести денежные дела семьи. Но раньше ей гордыня мешала. Хотя знала, что Анна хорошо разбирается в финансовых вопросах (спасибо свекрови, с детства приучала к делам) и могла бы посоветовать дельное. За долгие годы Анастасия привыкла сама вести денежные дела, не советуясь с мужем. Она долгов наделала, думая, что расплатится из наследства. А вот как получилось – ни с чем осталась. Подходит время выплаты по векселю князя, через неделю-другую Павел потребует вновь денег, а где брать?

Анастасия безнадежно поглядела на сложенные бумаги. Перекладывай, не перекладывай, толку чуть. Так и хотелось ей взять всю кучу и бросить в камин. А там будь, что будет.

– И никакого выхода, кроме моего замужества вы не видите?

«Мать» поднялась со своего места, прошла по библиотеке. Потом подошла к окну. Уже осень, а там незаметно подкрадется зима. Многие из соседей отправятся на зиму в Москву, Петербург, где их ждут балы, увеселения разные. А они вынуждены будут остаться здесь, в глуши, довольствуясь редкими развлечениями да сплетнями. Разве о такой жизни мечтала в юности Анастасия? Но и сейчас еще не поздно все изменить. Только для этого нужны деньги, много денег. Вот если бы наследство им с Афанасием досталось, тогда другое дело: можно было купить дом в Москве, обставить его, нанять французского повара. А потом за главное

приняться – найти достойную невесту для Павла. В Москве богатых невест прорва! Да и сама она еще хоть куда, чего ж свою красоту в глуши хоронить?

Анастасия Куприяновна обернулась и тяжелым взором уставилась на «дочь».

– Выход другой, спрашиваешь? Как же есть, – голос ее стал неприятно-скрипучим, кровь отлила от лица. – И другой выход найдется, стоит только поискать.

«Анне» почудилась угроза или издевка. Что еще придумала эта женщина?

В два шага «мать» приблизилась к «Анне» и встала у нее за спиной.

– Наследство тебе досталось, но распорядиться ты им не можешь, так? Стукнулась ты головой, памяти лишилась, то есть рассудка. А это значит, что можно тебя признать недееспособной. В таких случаях вопрос о наследнике пересматривается по закону. Что скажете, Анна Афанасьевна?

Вот этого я и боялась. Ах, ты стерва! Дай тебе волю, так ты меня в психушку запрешь, а денежки к рукам приберешь. Такая ни перед чем не остановится. Дал же Бог родителей Анне! Отец – подкаблучник, мать – змея подколодная. Бедная девочка, видать, доставалось тебе!

Анастасия Куприяновна снова отошла к окну, отвернулась: ей неуютно стало под взглядом, которым проводила ее «дочь». Она давно обратила внимание, что теряется, и зябко ей делается, когда «Анна» вот так смотрит на нее. Чудится ей, что та все знает, только молчит до поры, до времени. Раньше глаз от полу не поднимала, а сейчас вон как уставилась, словно насквозь тебя видит.

– Я скажу, маменька, что мою недееспособность еще доказать надо, а так как я начинаю припоминать кое-что, то вероятно вспомню, кто меня с лестницы толкнул.

«Анна» блефовала, но что ей оставалось делать? Игра пошла в открытую, и надо было показать свою силу, иначе «мать» почувствует свою неуязвимость и натворит дел.

Анастасия Куприяновна вздрогнула, как от удара. Испуганно загородилась руками и непроизвольно взглянула в окно: там, красуясь перед дворовыми, гарцевал Павел. «Анне» с ее места была хорошо видна его самодовольная ухмылка, его растрепанные волосы, взбугрившаяся мышцами рука, стягивающая повод. Взгляд «матери» явно выражал страх за любимое дитя, которое могут у нее отнять.

– Что ты такое говоришь, на что намекаешь... Чтобы я свою дочь... Плохо ты меня знаешь.. – Анастасия Куприяновна схватилась рукой за сердце.

Странно, я была почти уверена, что это она пошла на преступление. Неужели Павел? Не может быть! А почему не может? На свете масса обаятельных подлецов. Если я млею в его присутствии, то это вовсе не значит, что он не мог толкнуть Анну. И все равно не верится.

«Анне» стало неприятно от одной мысли, что Павел способен на убийство ради денег. Лучше, решила она, не торопиться с выводами. Есть время разобраться. Вначале надо решить вопрос с замужеством.

– Сядьте, маменька. Взаимными угрозами дела не решишь. Давайте обсудим, как нам поступить, чтобы и вам, и мне было хорошо.

Тяжело дыша, Анастасия Куприяновна подошла к столу и села на прежнее место:

– Дело говоришь, доченька.

«Анна» усмехнулась. Она решила больше не притворяться покорной и послушной дочерью, каковой была, видимо, настоящая Анна. Её натура пересиливала, играть становилось скучно.

– Скажи мне, – обратилась она к «матери» на «ты», – откуда такие долги?

Щеки Анастасии полыхнули, но она промолчала на такое обращение. Тут уж не до политесу, из ямы надо выбираться, с долгами рассчитываться.

– Имение почти ничего не дает, – женщина скосила глаза в сторону, – хозяйствовать-то твой отец не мастер. Павел тоже в траты большие вводит.

– Покажи мне книги, бумаги. Я хочу сама разобраться в делах. Все же не напрасно меня бабушка учила, – «Анна» вновь заметила испуг на лице Анастасии. Было видно, что той очень не хотелось раскрывать всю подноготную. Значит, есть, что утаивать.

«Анне» самой стало удивительно, что она заговорила о расходных книгах и прочих финансовых документах. В прежней жизни бухгалтерия меньше всего интересовала и увлекала ее. Но сейчас другое дело. Сейчас от этих исписанных бумажек зависело ее будущее. Придется напрячься и выяснить, куда деньги уходят. За то время, что она здесь живет, особых трат не наблюдалось. Расходы по минимуму, никаких излишеств в виде дорогих вещей, украшений, дорогостоящих развлечений. Где дыра, в которую рекой уходят деньги?

Медленным шагом Анастасия Куприяновна подошла к столу странной формы, имеющему множество ящичков и ящичков. Один из них она открыла снятым с пояса ключом и вытащила оттуда книгу в синем переплете с кожаными уголками. Половинки книги закрывались на маленьких крючок. «Анне» с ее места было видно, что книга не запылилась, следовательно, ее недавно вытаскивали из укрытия. Анастасия положила книгу на стол, нервно забарабанила пальцами по жесткому переплету в нерешительности: отдать в руки дочери документ деловой жизни поместья или в очередной раз проигнорировать ее способности финансиста, выработанные свекровью. Потом все-таки решилась:

– У меня от тебя секретов нет. Мы одна семья, и решать проблемы должны сообща. Что непонятно, спросишь, – и она решительно отошла от стола.

«Анна» раскрыла книгу, нашла, где записи заканчиваются, обратила внимание на дату 1 сентября 1803 года. Первая запись доходов-расходов была сделана 25 февраля 1801 года. Даже просмотр всех записей займет несколько часов, анализ – и того больше.

– Оставь меня, – не поднимая головы от стола, проговорила «Анна». – Здесь работы до ночи.

Анастасия Куприяновна в нерешительности двинулась к двери библиотеки, но «Анна» ее остановила.

– Мне бы счета.

Через полминуты небольшие отполированные счета лежали перед ней. Косточки счет приятно бегали под пальцами, приглушенно шелкали, словно белочка орешками. «Анна» с улыбкой вспомнила свою мать Елену Сергеевну, которая в молодости приносила работу домой и ночами шелкала на счетах в их маленькой кухне. Наташа тоже научилась складывать и отнимать в пределах тысячи. Потом в моду вошли арифмометры, которые сменились электронными машинками. Вот бы сейчас микрокалькулятор сюда, дело пошло бы веселее.

Дверь за Анастасией закрылась, а «дочь» и головы не подняла. Она неторопливо читала записи, представляла, сколько в натуре будет «фунт», «пуд», «мера», «сажень» и прочее. Некоторые статьи расходов повторялись с завидным постоянством из месяца в месяц. Например, первого числа каждого месяца стояла строчка «деньги в уплату», а раз в полгода можно было прочесть «прочие расходы». И первое, и второе выражались трех- и четырехзначными суммами. Интересно, что стоит за этим? Сложив цифры по статьям «деньги в уплату» и «прочие расходы» за два года, «Анна» обнаружила, что общая сумма равняется половине всех доходов, что приносит имение. Кстати, в противовес сетованиям «матери», доход имение приносило, оброки собирались, излишки продавались по хорошей цене. Отчего такие долги? И зачем было врать, что имение дохода не дает? Надо внимательно посмотреть расходы Павла. Может, здесь собака зарыта?

Расходы на Павла были небольшими по сравнению с «деньгами в уплату» или «прочими расходами», если только нет у него тайных долгов, не отмеченных в книге. Возможно, мать не пишет их, но деньги брату дает в погашение долгов и скрывает это под «деньгами в уплату» или «прочими расходами». Но не может того быть, чтобы из месяца в месяц у Павла были долги на одну и ту же сумму. Надо узнать, что скрывается за двумя этими статьями расходов.

Часа через четыре Анна со стоном расправила затекшие плечи, потянулась и привычно скривилась от боли в спине.

Продолжу завтра. На сегодня хватит. Да и в глазах от напряжения мушки мельтешат. Кстати, а со зрением у меня неважно. Наверное, очки понадобятся. Теперь придется чаще сидеть над бумагами. Богатые люди, как показывает практика, много времени проводят в подсчетах, расчетах и прочем. Стану самостоятельной, никому не доверю собственную бухгалтерию.

В дверь тихо вошла Анастасия Куприяновна с подносом, на котором стояли чайные чашки и все, что нужно для приятного чаепития. Даже маленький графинчик.

– Я подумала, что не помешает чаю выпить. С «бенедиктином». Не возражаешь?

– Нет. На сегодня хватит, а завтра я пораньше начну, после завтрака. Ты не возражаешь?

«Анна» заметила, как опять вздрогнула «мать» от её небрежного «ты». Что ж, пора приучать домашних к тому, что именно она богатая наследница. Немного жестковато, но правильно по сути.

Анастасия склонила голову в знак согласия и, не глядя на дочь, стала разливать чай по чашкам. Поставила одну перед «Анной», придвинула ближе вазочку с вареньем и блюдо с сахарным печеньем.

– Скажи, правда, что ты по утрам теперь кофе пьешь? Раньше ты не любила.

– У меня по утрам голова болит, а кофе помогает взбодриться.

Анастасия понимающе кивнула. Она уже знала (ничто в доме не скроется от взгляда ее верной Глафиры), что Павел по просьбе сестры привез кофе самого лучшего и дорогого сорта, какой только нашел. Еще отыскал мельницу для зерен, и теперь дочь сама или горничная с вечера мололи утреннюю порцию напитка. «Мать» еще не знала, что, кроме кофе, Павел привез (опять по ее заказу) разных специй, которые она добавляла в блюда. Она всегда любила душистые травы хоть в свежем, хоть в сушеном виде, и блюда без них ей казались пресными. Собираясь с «отцом» на ярмарку, она уже запланировала отыскать там семена пряных трав и посеять весной на огороде. Пусть это будет еще одной из её причуд.

За чаем Анастасия Куприяновна хотела продолжить разговор о финансах, но «Анна» перебила её:

– Мне еще со всем этим, – шлепнула ладонью по grossбуху, – разобраться надо как следует. Давай лучше поговорим о князе, моем женихе.

Ее интонация не оставляла ни малейшего сомнения в том, как она относится к этому браку.

– Скажи, – запивая ложечку варенья, спросила «Анна», – у вас договор с князем?

– Да, я намекнула ему, что выдам тебя за него, – «мать» совсем отринула всякую деликатность в разговоре с «дочерью», – но он до свадьбы отдаст нам векселя на весь долг. Приданое за тобой богатое, с него не убудет.

– А что получу я, если выйду замуж?

Анастасия Куприяновна вся подалась вперед

– Княгиней станешь. А там, глядишь, молодой вдовушкой останешься, – «мать» замельтешила глазами, пальцы ее нервно теребили оборку платья на груди, щеки вспыхнули румянцем.

«Анна» чувствовала, что ее собеседница скрывает от нее что-то важное.

Знаешь и скрываешь. По всему видать, не дожить мне до того, как вдовой стану, скорее князь вновь вдовцом останется, да начнет новую жертву подыскивать.

– Я только стать невестой князя согласилась, – сказала она с усмешкой, – а ты меня уже вдовой сделала.

«Мать» отпрянула:

– Да, я так, что ты.. я в мыслях не держала...

– Ладно, не смущайся. Все правильно. Мы же понимаем друг друга. Я согласна выйти за князя, – «Анна» глянула ей в глаза.

Впервые в жизни Анастасия Куприяновна испугалась. И кого? Семнадцатилетнюю девчонку! Опять этот взгляд! Почему раньше она не замечала этого тяжелого взгляда? Может потому, что девчонка и глаз поднять не смела на нее раньше? Что же случилось сейчас? Откуда эта смелость? Откуда эта бездна, обдающая могильным холодом?

Женщина даже руку подняла, чтобы перекреститься. Но совладала с собой, взяла со стола колокольчик и резко позвонила. Минута прошла в молчании, потом послышались шаги, и в комнату вошла одна из девушек в белом переднике и розанчиком на голове.

– Пригласи барина сюда, да поскорей, – приказала «мать». – Скажи, что дело важное, откладывать нельзя.

Девушка заинтересовано взглянула на барышню, присела и исчезла за дверью.

– А ты, матушка, не поторопилась? Может, я еще передумаю? – «Анна» издевалась.

– Значит, мне показалось? – Анастасия мигом пришла в бешенство.

Она резко поднялась со своего места и заходила взад-вперед по кабинету. Дыхание ее было прерывистым, она судорожно выдыхала из себя воздух, выражение лица уже не контролировала. Куда подевалось её спокойствие и достоинство, надменность и самомнение? «Анне» стало ясно, что нервы «матери» на пределе. Страх перед разорением, исчезающая мечта открыть Павлу путь в высшее общество, потеря контроля над незащищенной прежде дочерью – все навалилось на Анастасию Куприяновну и грозило лишить ее самообладания, а может, и рассудка. «Анна» в глубине души даже пожалела несчастную, запутавшуюся женщину.

Если все-таки именно она столкнула дочь с лестницы, то представляю, какой ад сейчас в ее душе. Можно, конечно, в состоянии аффекта убить человека, но жить рядом с тем, на кого покушалась, каждый день бояться, что правда всплывет, кому под силу? Как бы она с психу еще чего похуже не натворила. Лучше всего сейчас для нас обеих заключить соглашение о добрососедских отношениях. Я пойду ей на уступки, но попрошу и ее уступить мне в кое в чем.

– Я выйду замуж за князя, – «Анна» смотрела на «мать», – но дай мне слово, что с этого дня ты не станешь вмешиваться в мои дела.

Анастасия на это только головой качнула.

Никто и никогда еще не брал верх над нею. Ну, может, в свое время свекровь. Да когда это было! Она всегда была уверена, что справится с любой проблемой, сметет любого, кто встанет ей на пути. А тут! Девчонка, калека ушибленная подчинилась себе, диктует свою волю. И главное, она не может не подчиниться ей. В дочери пробудился характер Лыковых. А она, Анастасия, имела возможность убедиться в его силе и непобедимости в первые годы жизни с Афанасием. Лыковым перечить – себе дороже!

– Звала, матушка? – в дверях переминался с ноги на ногу Афанасий Петрович. Его глаза перебегали с лица жены на лицо дочери и обратно. Он понял, что Анастасия не в себе, а вот «Анна» спокойна как никогда. Неужели ему опять придется выбирать между ними двоими? Опять сердце надвое резать?

– Батюшка, мы вас позвали, чтобы сказать, что я согласна выйти замуж за князя. Благословите.

«Анна» ожидала, что при этих словах «отец» обрадуется, но не тут-то было. Он в отчаянии взмахнул руками, лицо его покрылось красными пятнами, а губы под пшеничными усами задрожали.

– Да как же ты надумала, доченька, – Афанасий приблизился к «Анне», бережно взял ее руку. – Не пара он тебе по всему. Это мать тебя уговорила, а я не согласен. Тебе ли красавице, умнице да в кабалу к подлецу и тирану! Чтобы жизнь свою в самом начале загубить? Не будет этого!

Отец говорил все громче, бросал сердитые взгляды на жену, а та так растерялась от невиданного раньше неповиновения со стороны мужа, что молчала, хлопала своими длинными ресницами и судорожно поправляла волосы.

– Я был плохим тебе отцом, – распалился Афанасий Петрович, – вся забота о тебе была на покойной Елизавете Федоровне. Она бы не допустила, чтобы ты связала жизнь свою с этим чудовищем. Молчать! – закричал «отец», увидев, что Анастасия Куприяновна пытается возражать. – Раньше я молчал, соглашался, но теперь мое слово твердое: выйдет Анна замуж только за того, кого сама выберет!

Афанасий крепко сжал локоть «дочери» и повернулся лицом к жене: голова упрямо наклонена, усы воинственно топорчатся, глаза густыми бровями занавесились.

Вот это тихоня, вот это подкаблучник! Где ж ты раньше был, почему своего слова раньше не сказал? Нужно было дочери калекой стать, чтобы ты вспомнил о своих правах хозяина и мужчины!

– Ты...ты..ты.. – только и смогла вымолвить «мать».

– Я сама так решила, отец, – «Анна» строго посмотрела на Афанасия. – Уговоры здесь нипричем. Скрывать не буду, раньше была против этого брака, но по трезвому размышлению пришла к убеждению выйти именно за князя. И не ругайтесь, – «Анна» подвела «отца» к стоявшей столбом «матери», – поцелуйтесь и благословите меня с легким сердцем. Господь меня не оставит, да и сама я себя в обиду не дам.

Но в последнем своем утверждении «Анна» не была так уверена, как бы ей хотелось, и за преждевременное бахвальство могла поплатиться. Не видела и не знала она князя Ногина, но чувствовала, что ее жизни и здоровью грозит серьезная опасность. Может, она еще пожалеет о своем решении, но сейчас у нее выхода нет: или князь с бабушкиным наследством, или тайная смертельная битва с «матерью» за то же наследство. Кто даст гарантию, что в этой битве победит она, семнадцатилетняя девушка, потерявшая в результате падения память? Анастасия Куприяновна не испугалась столкнуть дочь с лестницы, так побоится ли она её, например, отравить?

Афанасий Петрович удивленно смотрел на дочь, и вдруг до него стало доходить, что перед ним незнакомый человек, вместо милой Анечки. Когда успела она вырасти, стать личностью, в одночасье взять верх над своими родителями? Он уже сейчас готов полностью подчиниться ей, но это не диво. Диво то, что и его жена приняла это положение. Теперь, он видел, ему не придется защищать дочь от гнева и упреков Анастасия, потому что Анастасия не посмеет ни в чем упрекнуть «Анну», а тем более показывать свой гнев.

Афанасий Петрович подошел к одному из шкафов, открыл стеклянную дверцу и снял с полки небольшую, размером с книгу, но очень дорогую икону. Он повернулся лицом к «Анне», двумя руками приподнял икону и перекрестил её

– Благословляю тебя, доченька. И пусть Господь и Мать-богородица защищают тебя во всех путях твоих, – Афанасий Петрович всхлипнул, а потом и вовсе залился слезами.

Анастасия Куприяновна ловко перехватила икону и тоже осенила «дочь», приговаривая слова молитвы. Дело было решено.

А через два дня в доме появился князь Ногин. Ему было известно о падении невесты, о том, что спина ушиблена, и он ожидал, что под этим предлогом свадьбу придется отложить на неопределенное время. Но каково было его удивление, когда вышла Анастасия Куприяновна и радостно сообщила, что «Анна» согласна выйти замуж в самое ближайшее время.

– Только и вы, князь, сдержите слово, – она тревожно заглянула ему в лицо. – Векселя на двадцать тысяч до свадьбы пожалуйста...

– Непременно, дорогая Анастасия Куприяновна. Можно ли сомневаться? – он огляделся по сторонам. – А где же несравненная Анна Афанасьевна? Осчастливит ли она нас сегодня своим присутствием?

– Как вы нетерпеливы, князь. Не желаете ли бокал шампанского по такому случаю? – царственным жестом хозяйка указала на стол, сервированный шампанским, икрой и фруктами.

– Не откажусь, любезная Анастасия Куприяновна... А вот и наша красавица! – князь театрально вскинул руки и устремился навстречу к «Анне», неторопливо входящей в гостиную.

Но на полпути живость князя уменьшилась. Последние метры он просеменил по инерции и остановился в нерешительности. Словно забыл, что дальше надо делать и говорить.

Князь на мгновение засомневался, а барышню ли Лыкову он видит. С первого свидания он вынес совершенно другое впечатление о девице, которую собрался взять в жены. Тогда это было сущее дитя, избалованное, самолюбивое, но дитя. А сейчас перед ним стояла и с любопытством его разглядывала молодая женщина, гордая, неприступная, требующая почтения.

Но уже в следующее мгновение «Анна» опустила глаза, и чары развеялись. Князь облегченно хрюкнул:

– Добрый день, уважаемая Анна Афанасьевна, – «Анна» протянула ему руку для поцелуя. – Смею ли я спросить о вашем здоровье?

– Благодарю, князь, я совершенно здорова, – она старалась говорить тихо, чтобы создать благоприятное впечатление.

По рассказам «Анна» имела представление о внешности князя Ногина, и была согласна с мнением тех, кто видел его хоть однажды.

Действительно, похож на жабу, и характер, видимо, скверный. Хорош жених! С таким ухо надо держать востро, не то проглотит, как комара. Знать, «маменька» лучшего для дочери не смогла найти.

К ним спешила Анастасия Куприяновна.

– Вот и слава Богу. Теперь прошу к столу. Анечка, – ласково обратилась она к «Анне», – приглашай дорогого гостя, – «мать» суежилась, окружая заботой и лаской князя.

Нисколько не церемонясь, гость взял бокал и, глядя снизу вверх на хозяев, произнес:

– Здоровье будущей княгини Ногиной!

– Ах, ах, ах! – умилилась Анастасия Куприяновна. – Мы так счастливы князь! Поверьте, для нас большая честь породниться с вашим семейством. – Потом она взяла «Анну» за руку, – уверяю вас ваше сиятельство, что лучшей невесты вам и не найти. Мне, – промокнула невидимую слезу платочком, – жаль отдавать дочь в такие юные годы. Но я и помыслить не могла отказать вам, князь.

Гость слушал словоизлияния хозяйки, а сам все косился на невесту. Он не ошибся в выборе! Необычная красота девушки, её гордость и достоинство – все это стоит двадцати тысяч. А сколько удовольствия он получит, когда приведет её в спальню! Надо как можно скорее назначать день свадьбы!

– Хотелось бы, уважаемая Анастасия Куприяновна, узнать ваше мнение по поводу дня венчания, – князь поклонился.

– Милый князь, мы ни одного лишнего дня не заставим вас ожидать. Кончится пост...

– К чему такая спешка, – упрекнул Афанасий Петрович, до этого помалкивавший. – Невесте еще приданое не припасено.

– Верно, верно, – согласилась жена. – Как можно без приличного приданого? Завтра же начнем...

– Приданое будем готовить в городе, – перебил жену Афанасий. – Пусть Анна едет к Александре...

– Нет! – вскрикнула Анастасия Куприяновна.

– Почему? – муж не уступал.

– Александра больна и не сможет...

– Сможет! – отрезал Афанасий Петрович. – Это мое слово! Завтра же и поедем.

Анастасия растерянно переводила взгляд с мужа на дочь, с дочери на князя. Возразить ей было нечего.

«Анна» наблюдала всю сцену с интересом. «Мать» явно была напугана перспективой встречи дочери с теткой. Почему? Может, дело в том, что Александра тоже упала с лестницы и тоже накануне свадьбы. Много совпадений. Слишком много. Что ж будем разбираться.

– Позвольте мне покинуть вас, – слабым голосом проговорила «Анна». – Голова разболелась.

– Конечно, конечно – князь оторвал короткое толстое тело от кресла. – Позвольте... – он приблизил свои губы к руке «Анны», ожидая реакции с её стороны.

Но рука не дернулась, не задрожала. Поцелуй не взволновал невесту. Тогда он слегка сжал тонкие пальцы «Анны». В ответ невеста еле слышно фыркнула и, подарив напоследок равнодушный взгляд, удалилась походкой королевы.

Князь был озадачен.

Вслед за «Анной» торопливо откланялся Афанасий Петрович.

– А не поговорить ли нам князь о наших делах в кабинете? – Анастасии Куприяновне не давала покоя мысль о векселях.

К тому же, ей хотелось выторговать у будущего родственника некоторую сумму под предлогом дороговизны приданого. Она, конечно, не скажет, что деньги на приданое находятся у поверенного в делах. Именно из этих денег будут оплачены наряды невесты. Князю это знать необязательно, а деньги ей сейчас о-о-очень нужны.

«Анна» поднялась к себе в комнату. На сердце было беспокойно. Если раньше она думала о женихе как-то отвлеченно, то сейчас, мало сказать, что непривлекательный облик князя лишил её уверенности в своих силах. Не переоценила ли она своих сил? Не слишком ли самоуверенна? Здесь не двадцатый век, когда можно и милицию позвать на помощь и общественность привлечь. Здесь женщина – раба мужчины, закон и общественное мнение на его стороне. Князь двух жен свел в могилу, говорят, так что же ему помешает и ее вслед отправить?

Надо подумать, хорошенько подумать. Как там подруга Нинка Шахова говорила: существует двадцать способов избавиться от надоевшего мужа, и все будет выглядеть как естественная смерть. Жаль, что не выяснила у нее хотя бы парочку способов. Сейчас бы очень пригодилось.

Ладно, время еще есть. Главное, не торопиться и не нервничать.

В реанимационной палате, на жестком ложе, окруженном с обеих сторон металлическими стойками со сложной аппаратурой, лежала женщина. Если бы не тихое шелканье и жужжание аппаратов, любому она показалась мертвой. Заострившиеся черты лица, мертвенная желтизна у висков и вокруг носа, мраморно-белые руки с посиневшими ногтями и отсутствие малейшего движения грудной клетки, свидетельствующее о наличии дыхания, – все это производило впечатление, что женщина уже умерла. Но медсестра, изредка заходящая в палату, внимательно вглядывалась в показания аппаратов, удовлетворенно покачивала головой и вносила данные в листок, закрепленный на пластиковом планшете. Иногда она подходила совсем близко, долго глядела в застывшее, как маска, лицо, недоуменно пожимала плечами, порой даже дотрагивалась до руки, к которой была присоединена капельница, вздыхала и уходила прочь, чтобы через полтора-два часа вновь проделать все те же действия.

Её сменяла другая, мало чем отличающаяся от первой: такой же наряд, состоящий из свободных штанов и куртки, круглой шапочки и маски на лице. Только у первой из-под шапочки выглядывал светло-русый пучок с металлическими шпильками, а у другой – рыжий хвостик, перехваченный мягкой цветной резинкой. Вторая сестра не брала больную за руку, но ино-

гда, подойдя близко, наклонялась к самому лицу, будто старалась уловить незаметное дыхание женщины.

Был еще один посетитель в этой палате. Он появлялся, когда сестры отодвигали марлевые занавески с окна и позволяли ему просочиться сквозь стекло и бесцеремонно усесться на кровать, занимаемую странно неподвижной больной. Солнечный луч скользил по белому покрывалу, по плоской подушке, высвечивал перепутанные пряди волос, бесцеремонно отыскивая в них серебряные нити седины. Особенно много яркого серебра было ближе к вискам – так седеет человек за секунды до встречи с ужасом или самой смертью.

Особенно бережно проходил солнечный луч через левый плотно забинтованный висок, ощущая под собой несмелое биение маленькой жилки, свидетельствующее, что женщина все-таки жива.

Но когда наступали сумерки, на лице женщины все яснее вырисовывалась маска смерти: глубже ложились тени под глазами, чернотой покрывались губы, кожа из бледно-желтой превращалась в синюшно-серую. Казалось, даже аппараты, отсчитывающие каждый толчок ее крови, удивлялись, что она еще жива.

– Думаешь, выживет? – слышалось неразборчиво из-за перегородки, где сидели сестра и дежурный врач.

– Кто знает. Внешних серьезных повреждений, сама знаешь, нет. Но удар пришелся по виску, а как теперь под корбушку заглянешь. Надо в область, снимок черепа делать да специалистам показывать. Но она не транспортабельна.

– А ты заметил, что она больше на мертвую смахивает, чем живую?

– Дорогуша, у нас какое отделение? Реанимационное, то есть оживляющее. Мы оживляем почти покойников.

– Все равно мне кажется, что ее уже нет, только оболочка осталась.

– Это ты про душу говоришь? Так у многих живых ее давно нет, а ничего, живут, двигаются, жрут, пакости другим делают.

– Я пятнадцать лет работаю, а таких здесь еще не видела, только в морге.

– Ладно, только ты свои соображения при себе держи, а то напугаешь родственников, и будут у нас еще пациенты.

Ненадолго установилось молчание. Было слышно, как свинтили крышку с термоса и полилась жидкость. По палате поплыл аромат хорошего кофе. Смачно захрустели печеньем.

– Мне ее дочку жалко. Придет, встанет, смотрит, смотрит. А потом слезки закапают. И ручкой все гладит щеку или волосы. А еще слышала, как эта кроха молилась, Бога просила да Богородицу.

– Не хлюпай, – ответил мужской голос, потом слышались шаги, и кто-то громким шепотом позвал:

– Доктор, зайдите...

– Я сейчас, – произнес врач, одним шумным глотком вытянув из кружки кофе.

Опять тишина, только слышны звуки приборов, да неясные шумы за двойными рамами окна.

Прошло еще несколько часов тишины.

В час, когда засыпают даже самые стойкие и привычные к ночным дежурствам медсестры и врачи, прибор рядом с женщиной стал издавать отчетливые щелчки, зеленая линия на экране будто подзарядилась от неведомого аккумулятора и пошла аккуратным зигзагом, характеризующим хорошую работу сердца. Вместе с этими изменениями, стали происходить неуловимые изменения в самом облике больной. Вначале ушла с лица мертвенная бледность, губы приобрели естественный цвет и не напоминали теперь губ покойника. Чуть заметно шевельнулись ресницы, а пальцы рук слабо заскребли по покрывалу. Вот раз-другой дернулась грудная клетка, пытаясь то ли вдохнуть поглубже, то ли выдохнуть. Нервным тиком задергалась щека.

Еще усилие, и женщина со всхлипом вздохнула. Потом еще и еще. В горле зародился, но не мог выйти наружу стон или сдавленный крик. Гортань напряглась, четко обозначились жилы, кожа покраснела от усилий.

Задремавшей прямо за столом дежурной медсестре почудилось, что где-то рядом взвыла сирена, рождая ассоциации с пожаром или другой бедой. Потом она сообразила, что вой раздается в ее палате, подскочила, опрокинув стул, и чуть не снеся косяк, влетела в палату. Так и есть! Кричала женщина, которая неделю не подавала никаких признаков жизни. Да еще как кричала: с каждой секундой крик нарастал, в нем явственно слышались и страх, и боль, и душевная мука. Сестре стало жутко. Она выскочила в полутемный в этот предрассветный час коридор, и столкнулась со спешащим ей навстречу врачом.

– Что? Что случилось? – видно и ему стало не по себе от этого жуткого воя.

– Там эта... которая как мертвая была, стала кричать. Жуть.

– Идем.

Оттолкнув легонько медсестру, врач поспешно шагнул в дверь, натягивая на ходу маску. Автоматически взглянул на часы. Было три пятнадцать. В это время чаще всего умирают. Верно, агония, а жаль: сколько трудов, сколько надежд родных будет разбито в этот час.

Подойдя к кровати, врач остолбенел, рассмотрев страшное выражение лица у больной. Будто в ад заглянула, подумал он, хоть и был атеистом. Наверное, авария привиделась – последнее впечатление перед тем, как ушло сознание. Голова больной в напряжении поднялась, словно ее подушка обжигала, рот был оскален, и все тело напряглось и судорожно дергалось.

Забыв, что рядом стоит медсестра, врач подскочил к столику, выхватил из коробочки ампулу, зарядил шприц и, прижав руку больной своим левым локтем, всадил иглу в предплечье.

– Помоги, – крикнул он, стараясь удержать пациентку, которая не хотела или не могла успокоиться, – убирай все!

Медсестра, выйдя из столбняка, ловко освободила руку женщины от иглы, прикрепленной к внутренней стороне локтя, сняла присоски датчиков и, приговаривая «тише-тише», своей тяжестью придавила дергающееся и выгибающееся дугой тело к жесткому ложу. Через минуту она почувствовала, что женщина поддалась действию успокоительного, стала обмякать под ее руками, судорожные крики перешли во всхлипы, а из-под закрытых век полилась горячая влага.

Еще через минуту так и не очнувшаяся женщина вновь погрузилась в беспмятство.

Дежурный врач и медсестра спиной отходили от постели, на которой минуту назад в смертельном страхе выгибалась больная. Теперь она тихо лежала, но уже не напоминала мертвеца, а была просто пациенткой, которой нужна их помощь.

– У тебя там кофе еще остался? – устало опустил на жесткий стул врач. – Думаю, это кризис. Выживет.

Анна почувствовала на своих веках тепло, открыла глаза, но кроме бело-золотого круга ничего не увидела. В ушах стоял звон, словно маленькие колокольчики качались над нею, рассыпая свою нехитрую мелодию. Динь-динь-динь, слышалось ей. Она напряглась, чтобы понять, откуда исходят эти звуки, но ничего не получалось. Только серый туман начинал заволакивать яркое пятно перед ней, а ей оно так нравилось своей чистотой и теплым сиянием.

Утро, сообразила Анна, солнце. Опять эти звуки... Где Катя?

Она почему-то покачивалась в своей постели, словно старая нянька потихоньку толкала люльку рукой взад и вперед. Ей очень хотелось, чтобы качание прекратилось, но сил не было, чтобы произнести хоть слово.

– Вот и очнулась, – произнес незнакомый голос, чуть хрипловатый, но полный участия и ласки. – Молодец. Как вы себя чувствуете, Наталья Николаевна?

Я что не одна в комнате, еще какая-то Наталья Николаевна здесь? И кто это говорит?

– Откройте глаза, – по-доброму, но требовательно произнес голос. – Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Анна осторожно открыла глаза, чтобы посмотреть, кто разговаривает у ее постели. Она сморгнула раз, другой пелена ушла, и вместо яркого радостного пятна, она увидела... Ах! Ангел небесный склонялся над ней. Темные глаза, окруженные мелкими морщинками, смотрели прямо на нее, удерживая ее взгляд, не давая глазам закрыться.

Я в раю, не испугалась, но и не обрадовалась Анна, ангелы вокруг меня. Значит, я умерла. Но когда, почему?

От небольшого усилия мысли Анны стали вновь путаться, и, не решив про себя вопроса, как она оказалась на небесах в обществе белоснежного ангела, провалилась в забытие. Сколько прошло времени, пока она вновь очнулась, неизвестно. Но теперь она не стала сразу открывать глаза, а прислушалась к звукам вокруг нее. Колокольчики она уже слышала, еще стоны, шаги, голоса... Пока она решала, открыть глаза или нет, рядом с ней слышались шаги и приглушенные, но все же возбужденные голоса. Анна взмахнула ресницами: перед ней в белых одеждах, с лицами, наполовину закрытыми тонкой материей, стояли и внимательно ее рассматривали трое небесных посланцев. В глубине ее существа родились слова благодарственной молитвы за то, что она неизвестно за какие богоугодные дела попала в рай.

– Наталья Николаевна, – наклонился ангел с усталыми глазами, – как вы себя чувствуете?

Анна похолодела. Почему ее называют Натальей Николаевной? Хотелось им сказать, что она Анна Афанасьевна, но тут сообразила, что если они узнают, что она не Наталья Николаевна и попала сюда по ошибке, то что будет с нею? Отправят в другое место. Она с содроганием подумала, что другим местом вдруг будет пекло ада. Буду молчать, пришло к ней решение.

– Вы слышите меня? – настойчиво спрашивал ангел. – Если не можете говорить, моргните.

Анна осторожно опустила и вновь подняла ресницы. Ангел вздохнул и отошел. Его место занял ангел поменьше, с голубыми глазами и светлой прядкой, выбившейся из-под белой круглой шапочки. Этот ангел заботливо промокнул ей лицо чем-то мягким и пахнущим лекарствами, потом погладил по руке мокреньким и уколол. Анна не шевелилась и даже старалась дышать через раз. Через несколько мгновений ей неудержимо захотелось спать. Веки отяжелели и сами по себе закрылись. Прежде чем провалиться в сон, она услышала чье-то радостное восклицание и детский смех. Откуда дети взя... недодумала Анна и отключилась.

Проснулась она от ласкового прикосновения к своей щеке. Пальчики нежно касались ее кожи, приятно холодили и пахли почему-то земляникой. Земляника уже отошла, подумала со сна Анна, и открыла глаза. Перед ней опять было ярко-желтое пятно, а на нем тень. Анна с трудом повернула голову направо и увидела девочку. Маленькую девочку со светлыми волосами под беленькой косынкой и белой накидке, края которой она стягивала одной рукой, а другой тянулась к ней.

– Ты кто? – дрогнули в улыбке губы женщины.

– Мама, мамочка, – залепетала девочка, наклоняясь над нею и глядя ее по щекам вкусно пахнущими земляникой ладошками. – Мамочка, любимая моя, я так боялась, что ты никогда не откроешь глазки. Я так плакала, и папа плакал и бабуля. Мы все плакали, а ты взяла и открыла.

Схожу с ума, решила Анна. Какая мама, что за девочка, какой папа? Бабушка не должна плакать, она год как умерла.

Тут она почувствовала, как девочка гладит ее руку, лежащую поверх белого покрывала. Анна опустила глаза, ожидая увидеть детскую ручку поверх своей. Но, о ужас! Вместо своей бледной, с длинными пальцами и проступающими синими жилками руки, она увидела чужую, короткопалую и с накрашенными розовой краской ногтями. Кроме того, на безымянном пальце тускло светилось тонкое кольцо-ободок.

Это не моя рука, не мое кольцо, в смятении думала Анна, лихорадочно ища обоснования всей этой странной неразберихи.

А девочка продолжала что-то лепетать, целовала ей ладонь, плечо. Потом ручки ребенка обняли ее, светловолосая головка со сползшим платочком опустилась ей на грудь. Девочка потянулась и легко поцеловала Анну. Счастливо вздохнув, девочка прижалась своим тельцем к женщине и замерла. Анна даже слышала стук сердца, но не знала, чье сердце так стучит.

Если я в раю, то откуда эта вполне живая девочка? Почему ангелы не поют своих гимнов, а эта крошка рассказывает мне о каком-то папе, какой-то бабушке. И почему у меня так изменились руки?

Вдруг ее обожгла мысль, что она не в раю. Просто она сошла с ума. Все это плод ее больного воображения. Но что случилось с ее бедной головой?

Анна попыталась сосредоточиться, вспомнить события, предшествующие помутнению ее рассудка.

Сон про бабушку... потом родители сердились на меня из-за наследства. Потом приехал князь Ногин, матушка опять сердилась. Потом что-то страшное произошло у пруда. Да там была в воде тетка Варвара. А потом? Было еще что-то и очень, очень страшное, но что? Матушка, лестница...

Вдруг она почувствовала, как стала леденеть, дыхание прервалось, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Что дальше, что? Пытаясь вспомнить, она подняла голову к потолку и тут...

– А-а-а-а... – вырвался жуткий крик, раздирая грудь. – А-а-а-а... – она не могла остановиться, выгибалась на жесткой кровати дугой. Ей показалось, что постель ушла из-под нее, и она летит в пустоту, со страхом ожидая жестокого удара о камень.

– Я вспомнила! – не своим голосом заорала женщина. – Я вспомнила!

Силы оставили ее, и она погрузилась в спасительную тьму, где нет жестоких матерей, ненужных женихов, ничего нет.

Не успел затихнуть душераздирающий крик, как медсестра и врач были уже у постели больной. Девушка прижала к себе насмерть перепуганного ребенка, врач тяжестью своего тела попробовал прижать больную, опять выгнувшуюся, как под действием электрического тока, к лежаку.

– Это она опять вспомнила аварию, – задыхаясь от усилия, проговорил врач. – Воспоминания мучают ее, не дают покоя.

– И долго она будет под впечатлением этого? – сочувственно спросила сестра.

– А кто знает? Бывает, люди с ума сходят от таких впечатлений.

Сестра продолжала прижимать к себе ребенка, который вцепился ручонками в её бока, выворачивал голову, чтобы увидеть, что происходит с мамой.

– Мамочка, мамочка, – бормотала девочка, вытирая ладошкой слезы.

Занятые больной, медработники не замечали тревожно-испуганных взглядов стоящих в дверях людей. Немолодая женщина, в накинутом на покатые плечи белом халате, прижимала к груди пакет, сквозь который просвечивали упаковки с соком и желтая кожура бананов. На ее лице была такая мука, будто это она подвергается самым жестоким пыткам. Казалось, еще немного, и она закричит. В голос, как до этого кричала женщина в палате.

Высокий симпатичный мужчина, стоящий в шаге позади женщины, был бледен до синевы. В глазах стояли слезы, а сжатые в кулаки руки свидетельствовали о невероятном усилии сдержаться, не заплакать, не выказать слабости.

Женщина прислонилась головой к косяку и чувствительно при этом ударилась. Видимо, боль была более реальна, чем все, что происходило в палате, и она еще и еще ударялась головой о косяк, чтобы разрушить нереальность происходящего с ее дочерью, мучимую невидимыми, но жестокими призраками.

– Не надо, – дернул ее за плечо мужчина и развернул лицом к выходу. – Не надо. Что вы делаете, и без того.. – не закончив, он развернулся и первым шагнул к близ стоящей скамье в коридоре. Тяжело на нее опустился, сгорбился, как старик, сунул кисти рук между коленями и прижал подбородок к груди. Вся его поза выражала такое непоправимое горе и такое раскаяние, что хотелось подойти к нему, погладить по крупной светло-русой голове, прижать его к себе как маленького, успокоить ласковыми словами.

Но женщина не отходила от двери, будто надеялась своим присутствием исправить непоправимое.

– Что с ней? – с усилием произнесла она, – Что с моей доченькой?

– Успокойтесь, – подошел к ней врач, – такое бывает. Это реакция на то, что произошло и что ее страшно напугало. Все-таки попасть в такую аварию, это, знаете ли, без последствий не проходит. К тому же этот ушиб височной кости...

– Может, ей успокоительно сделать?

– Мы делаем все, что положено в таких случаях, – начал раздражаться врач. – Но уколами страха из памяти не вытравишь. Нужно время.

– Сколько?

Врач слегка пожал плечами. Он мог соврать и сказать, что речь идет о нескольких днях или неделях. Но он-то знал, что порой страх, испуг заполняли сознание больных, и как это не печально, дни свои они заканчивали в специальном лечебном учреждении, в народе называемом дурдомом. Ему, конечно, было жаль и мужа больной, и мать, и особенно дочку, да и саму женщину ему было жаль, но медицина в таких случаях бывает бессильна.

– Давайте надеяться на лучшее, – приобняв женщину, он слегка подтолкнул ее к выходу. – Идите, отдохните. Станет ей лучше, я вам лично позвоню.

– Нет, я останусь. Я не могу дома сидеть. Неизвестность хуже.

– Ладно, – устало произнес врач, взглянув на часы. – Я скажу, чтобы вам разрешили сидеть рядом с дочерью. Может, она почувствует ваше присутствие, и это скажется на ней положительно.

– Я тоже останусь с мамой, – послышался робкий голосок девочки, которая схоронилась за шкаф с инструментами, и с испугом наблюдала за происходящим.

Взрослые одновременно посмотрели на ребенка. Женщина стиснула носовой платок в руке, зажала им рот, боясь, что рыдания еще сильнее напугают малышку. Врач безнадежно махнул рукой и тяжелыми шагами направился из палаты.

– Лариса, ты уж сама тут, – проговорил он на ходу медсестре, которая понимающе ему кивнула.

Она подошла к матери больной.

– Елена Сергеевна, посидите здесь, успокойтесь. Хотите воды?

Елена Сергеевна тяжело опустилась на клеенчатый диванчик, сжала голову руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, что-то тихо и безнадежно забормотала. Слышно было только «почему» и «что будет».

Врач вышел из палаты, молча постоял над мужем больной, потом выдохнул:

– Надо надеяться.

Муж поднял голову, пристально поглядел прямо в глаза врачу. Видимо, прочитал в них что-то такое, что еще горестнее стал его взгляд, еще ниже опустилась голова, еще сильнее побелели костяшки пальцев.

У врача кончалась долгая ночная смена, дома его ждал отдых, свежие газеты, а здесь он оставлял горе, которое завтра, а может, уже сегодня усилится.

Хотя может и повезти, – мысленно приободрил он себя и родственников. Бывали случаи.

Оперевшись душой на эту оптимистическую мысль, врач уже бодро пошел к выходу из отделения навстречу целому дню отдыха, где нет больных, тревожных вызовов, трагических

глаз родственников, прожигающих насквозь. Если думать только о работе, точно сойдешь с ума, причем быстрее и качественнее своих больных. Усилием воли врач заставил себя думать о том, что ждет его за порогом больницы.

...Как ни странно, но за эти несколько дней я привыкла, что ко мне обращаются, называя другим именем. Наталья, Наташа...хорошее имя. И уже сердце не сжимается, когда его произносят. Новое имя, новая жизнь. Какая, где, с кем? Все чужое, непонятное, даже слова не все разбираю. Часто слышу «амнезия», а что это? Болезнь? Но руки и ноги у меня в порядке, боли особой не чувствую. Правда, голова часто болит и кружится до тошноты.

А вдруг это душевная болезнь, вроде падучей. Вот произошло со мной странное: была я Анной, жила до 17 лет как все, а в одночасье все переменялось. В единый момент от моей жизни ничего не осталось, даже имени. То ли в самом деле оказалась я в новой жизни, с новым именем, с новыми родственниками, то ли чудится мне. Слышала я, что сумасшедшие воображают, будто находятся в другом месте, всякие чудища им на пути попадают, крысы преследуют...

Но одно точно знаю: я в лечебнице, а ангелы – доктора да сестры милосердия. Ко мне все с лаской да по-доброму... Надо у рыженькой спросить, что такое «амнезия». У нее глаза с лукавинкой, но предобрые. И имя у нее красивое, хоть и нерусское – Лариса.

Послышались шаги, и Анна скорее по привычке, чем от страха закрыла глаза.

– Вижу, что вы не спите. Почему вы отказываетесь говорить, общаться? Даже с родственниками? Вас что-то беспокоит?

– Да, – тихо произнесла лежащая на койке женщина, прислушиваясь к звуку своего голоса. – Я не знаю, что со мной, как я сюда попала, и почему меня называют Натальей Николаевной?

Сестра внимательно посмотрела на пациентку.

– Вы попали в автомобильную аварию. Вас привезли сюда без сознания. Почти неделю вы не подавали никаких признаков жизни. При вас были документы, из которых выяснилось, что вы Наталья Николаевна Бегунова. Мы тотчас сообщили вашим родственникам. Они навещали вас, но вы их не признали. Врачи считают, у вас амнезия, потеря памяти. Мы еще не знаем, полная или частичная. Вы до сих пор никого не узнали и не откликаетесь на свое имя.

Анна со стоном закрыла глаза. Как же она может кого-то признать, если в жизни никогда их не видела? Совершенно чужие люди называют ее дочерью, женой и даже мамой, но она-то знает, что ее имя – Анна Афанасьевна Лыкова. Она дочь Афанасия Петровича и Анастасии Куприяновны Лыковых. По молодости лет еще не успела выйти замуж, и детей у нее нет! Но вслух этого произнести не смеет, так как боится. Боится, потому что кое-что поняла про себя из разговора врачей, которые считали, что она спит.

...В тот день ей сообщили, что переводят в другую палату.

– Сегодня переводим в общее отделение, – услышала она знакомый голос врача, который чаще других находился у ее постели.

– Считаешь, пора?

– Конечно. Видимых повреждений нет, рентген показал, что кости целы, повреждения внутренних органов и кровотечения тоже нет. Осталось показать специалисту в связи с амнезией. Надо ждать, когда из областной приедет.

– А как насчет психиатра?

– Что психиатра?

– Ты же понимаешь, что женщина потеряла память, не узнает никого, не откликается даже на свое имя.

– Ну и что? Такое бывает. Время пройдет, память хотя бы частично восстановится.

– Не знаю. Правильнее было бы отправить ее сразу в дурдом.

– На каком основании? Она не сумасшедшая. Ведет себя адекватно. Случаи амнезии нередки. Вернется в привычную среду, там, глядишь, память вернется.

– А если нет?

– Ты что пристал. Если всех, потерявших память, сажать в дурдом...

– Ну-ну, как знаешь. Но ведь бывали случаи, когда амнезия внезапно переходила в шизофрению и даже полный идиотизм. Помнишь, два года назад был такой больной, дядя Семен? Бомж, побирушка. В колодце задохнулся? Вспомни, как его откачали, он все улыбался, что твой младенец, такой был вежливый, а как встал, огляделся, так крыша у него и съехала. Все кричал, не переставая, что он поручик генерала Гремина и зовут его Леопольд Карлович Фриш? До сих пор, наверное, в дурдоме поручения своего генерала выполняет, босыми пятками щелкает.

Врачи замолчали, а Анна еще долго обливалась холодным потом, представив, как ее отправят в сумасшедший дом. Мысль ее работала лихорадочно: что делать, как быть? Не хочу, не хочу, чтобы меня заперли с сумасшедшими.

Немного успокоившись, решила про себя, что постарается воспринять происшедшее с ней спокойно. Врачи сами подсказали выход из создавшегося положения – амнезия!

Буду твердить, что ничего не помню, стараться не проговориться, что я не тот человек, за которого они меня принимают. А там посмотрим. Бог меня не оставит. Не понимаю, как я сюда попала, но и тут без его воли не обошлось. Значит, мне такое наказание уготовано за то, что была непокорна родительской воле, мысли имела греховные. Все из-за гордыни моей произошло. Послушалась бы матушку, смирилась с браком, с мужем постылым. Там, глядишь, померла бы, как все, и Господь не привел бы меня в эту непонятную жизнь.

Анна подняла руку, чтобы перекреститься, и в который раз ее поразила чужая рука с уже облупившейся по краям краской.

Жалеть мне о прежней жизни нечего. Как бабушки не стало, так и добра не стало. Слушать вечные попреки матери да быть без вины виноватой – есть о чем жалеть! А тут к неведомой мне Наталье Николаевне относятся со всем почетом и уважением. Вон, не успела в другое помещение переехать, как нанесли подарков, цветов. Разговаривают ласково, жалеют, о здоровье беспокоятся. Вот как люди живут. Ну и мне привелось.

Из прежней палаты перевезли ее на каталке в другую, где нет пищащих и щелкающих ящиков, нет блестящих палок, с подвешенными пузатыми бутылками, жидкость из которых через трубки попадает ей в вену.

Когда ее перевозили по длинному коридору, она не закрыла глаз, а, напротив, жадно вглядывалась в окружающее.

По коридору сновали не только люди в белой одежде. Были там и другие, чудно одетые: женщины в цветастых халатах (у некоторых снизу выглядывали края сорочки), мужчины, в обтягивающих темных штанах и нательных рубашках, но без рукавов. У всех были одинаково болезненного вида лица. Многие кривились, прижимая к животам руки или, запрокинув головы, тяжело дышали, поглаживая грудь с левой стороны.

В коридоре пахло снадобьями и нужным чуланом.

Вспомнив свое первое посещение отхожего места, Анна покраснела. Если бы не медсестра, она бы так и простояла над белым, странной формы стулом в виде горшка, или горшка в виде стула. Присев на него, Анна ощутила холод, идущий от стула, хоть и находилось это место рядом с палатами, а на дворе лето. Когда вошедшая сестра дернула приделанный сверху шнурок, в горшке забурило, понеслась потоком вода. Глянув в лицо больной, медсестра по доброму ей улыбнулась, понимающе похлопала по плечу и сказала просто: «Все наладится».

После этого Анна с ужасом ждала, какие еще испытания ей придется пройти, чтобы освоиться в этой новой жизни.

Ничего, потихоньку, помаленьку. Если они с этим живут, то и она сумеет. Только не выказывать страха, все оправдывать исчезнувшей памятью.

Припомнила Анна батюшку, Афанасия Петровича, который с годами стал рассеянным, часто забывал, где оставил ту или иную вещь, а когда начинал вспоминать о днях своей молодости, то на половине рассказа останавливался, силился вспомнить нужное, но не мог. Домашние с пониманием относились к этому, делали вид, что не замечают первых признаков старости.

Первую ночь на новом месте она не спала вовсе, решая про себя, как вести себя с незнакомыми людьми.

Представляю себе, что приехала жить к дальней родне, а у них все не как у нас. Пригляжусь, научусь, узнаю необходимое и привыкну... Легко сказать привыкну... А как быть с «родными»? Разве не вижу, как они любят эту Наталью Николаевну, и она, конечно, их любила.

Вопрос о любви, привязанности не давал ей покоя. То ей казалось, что она поступает как воровка, пользуясь тем, что ей не принадлежит, то оправдывалась тем, что не по своей воле попала в чужую семью. Но больше всего она боялась навредить чужим для нее людям. Боялась обидеть их, дать им почувствовать, что она им чужая, как и они ей.

Разве они поверят, что я не Наталья? Как я им объясню, если сама ничего не понимаю?

От напряжения снова заболела голова, в левом виске появилась долбящая боль. Анна уже знала, что она попала в «аварию», а что это? И еще одно слово, которое все поминают – автомобиль. «Перпетуум-мобиле» она знала по рассказам отца, но он говорил, что его не существует, что все это глупые выдумки немцев. А старик Иохим сердился на барина и настаивал, что в молодости работал у одного механика, который изготовил этот самый «перпетуум-мобиле» – вечный двигатель.

Как бы половчее расспросить про все это? Нет, не надо торопиться. Вначале надо узнать все о «себе», о «семье». Какого я сословия? Сколько мне лет? Если есть муж и ребенок, должно быть, не молоденькая. Ночью надо зеркало найти.

Вопрос о внешности еще не очень волновал ее, так как в прошлой жизни она не особенно нравилась себе. Да и маменька добавляла, насмехаясь над внешностью Анны, доставшейся от прабабки-испанки. Главное, чтобы не уродина.

Но она лукавила. Впервые увидев своего «мужа», она почувствовала, как краска смущения заливает ей лицо и шею: такой красивый мужчина не взял бы в жены уродину. Да и «дочка» просто красавица. На отца не похожа, значит, в меня.

От этой мысли она улыбнулась и впервые спокойно заснула. В больнице наступило время, когда все укладывались спать. «Наталье», бывшей Анне Лыковой, это казалось странным, потому что больные и так все время спали, дремали. Зачем нужно было еще устанавливать время для обязательного сна?

Шум в палатах затихал. «Наталья» знала, что многие не спят, а читают книги или газеты. Становились слышнее разговоры докторов и медсестер, нянечек. Они переговаривались, находясь, порой, на разных концах длинного больничного коридора, громко звали друг друга к телефону, хлопали дверями, хохотали, бренчали чайной посудой. Но если вдруг в какой-нибудь палате раздавался громкий голос, они с возмущением реагировали на это, строго выговаривая нарушителю тишины.

Именно в это время «Наталья» решила побывать в ванной комнате, где, она знала, кроме большущей ванны и лежанки, обтянутой коричневой кожей, висело зеркало без рамы.

Подойдя к двери своей палаты, она вначале выглянула, чтобы убедиться, что путь свободен, а дверь ванной открыта. Торопливым шагом прошла часть коридора до заветной двери, нырнула в прохладу ванной (там было открыто окно, выходящее в больничный парк) и резко повернулась к той стене, на которой висело зеркало.

Вначале она заметила, что зеркало все было в капельках мутной жидкости, в грязных разводах, а по левой верхней части зеркала проходила черная трещина. Но даже в этом замызган-

ном зеркале «Наталья» до мельчайших подробностей разглядела ту, которой она стала. Темно-синий халат с белой оторочкой по вороту обрисовывал фигуру женщины до бедер. Дальше зеркало заканчивалось. «Наталья» подняла глаза выше: крепкая грудь, не длинная, но ровная, гладкая шея, четко очерченный подбородок.

Еще выше, приказала себе. Немного скуластое лицо с легким загаром, светло-карие глаза, бледные, слегка запекшиеся губы, заметная родинка на правой щеке под внешним уголком глаза, едва заметные ямочки на щеках, маленькие уши, наполовину прикрытые светло-каштановыми волосами. В ушах поблескивали серьги, маленькие, но, по-видимому, золотые, и камень бриллиант, только крошечный совсем.

«Наталья» тут вспомнила, что ей подарила незадолго до смерти бабушка: крупные бриллианты на цепочках из гранатов.

В носу защипало от непрошенных слез. «Наталья» сердито потерла глаза кулачками и вновь принялась за исследование отражения в зеркале.

Высокий лоб наполовину скрыт челкой, виски блестят от седины, от глаз лучиками расходятся морщинки, почти белые на общем фоне загорелого лица. Справа и слева ото рта двумя подковами расположились чуть заметные бороздки, которые в момент, когда хозяйка улыбалась, («Наталья» улыбнулась) делались явственнее, делая значительнее саму улыбку. Нос, если смотреть прямо, казался совершенным, но стоило чуть повернуть голову, была видна легкая горбинка. На носу и верхней части щек были заметны веснушки.

А еще прямые плечи, на груди золотая цепочка с крестиком, темная ложбинка между грудями. Что еще? Ах да, ноги. «Наталья» заглянула внутрь зеркала, пытаясь увидеть себя ниже, но из этого ничего не вышло. Тогда она стыдливо отвернулась от окна, как будто ее кто увидит на третьем этаже, медленно подняла халат вместе с нижней сорочкой. Нормальные, ровные ноги, и коленки не мосластые. Только много светлых волосков на голени. Да еще ступни широкие как у холопки, пальцы кривоваты. Видно, что ноги сильные, привычные к ходьбе.

Женщина разглядывала ноги и так, и сяк, поворачивала их и влево, и вправо, но особых недостатков, кроме синяка, залившего левую ногу сверху донизу, не видела.

Ну и слава Богу, не кривоногая какая. Кривые ноги – беда. Здесь все ходят в коротких юбках, ноги наружу до самого... Когда ноги ровненькие, еще ничего, а коли колесом – просто срам.

В коридоре послышался стук каблуков и затих перед дверью ванной комнаты. «Наталья» замерла. Дверь открылась, на пороге стояла невысокая, миловидная женщина в накинутом на плечи белом халате. Под халатом темно-бордовый костюм. Юбка чуть ниже колен, жакет открывает наполовину руки, глубокий вырез.

– Доченька, Наташа, – проговорила женщина с улыбкой, – я в палату к тебе зашла, а там никого. Пошла тебя искать, а ты вот где. Решила ванну принять. Ну не буду тебе мешать, подожду.

– Нет, – громче, чем хотелось бы, откликнулась «Наталья». – Я просто так сюда, посмотреть.

Женщина поглядела на открытое окно, потом на «Наталью», улыбнулась и, взяв ее под локоть, увлекла за собой к палате.

Пока преодолевали путь по коридору, женщина («Наталья» уже несколько дней знала, что это ее мать, Елена Сергеевна) здоровалась с врачами, сестрами, те отвечали ей понимающими улыбками.

Приветливая, думала «Наталья», принаравливаясь к энергичному шагу матери. Хоть Елена Сергеевна и была пониже дочери, но держалась прямо, высоко держала голову. Она излучала уверенность и деловитость прирожденного лидера. От нее шло тепло и приятно пахло духами.

На минуту приостановились напротив двери с табличкой «Ординаторская». Елена Сергеевна бережно опустила руку дочери, открыла дверь и, проговорив: «Можно?», непринужденно зашла в кабинет.

Два доктора, сидящих один против другого за составленными вместе столами, одновременно повернулись к ней с выражением неудовольствия на лице. Увидев, кто их побеспокоил, заулыбались. Один даже приподнялся со своего места, хотя тут же шлепнулся назад.

– Мои дорогие, здравствуйте, – светским и в то же время доверительным тоном заговорила Елена Сергеевна. – Как дела, как настроение?

– Проходите, уважаемая Елена Сергеевна, присаживайтесь, – кивнул один из хозяев кабинета на диванчик, покрытый голубым выцветшим и истертым покрывалом.

– Я только на минутку. Вижу, моя Наталья уже в полном порядке. Когда на выписку?

– Да вот только швы снимем, анализы еще, да может, областному невропатологу показать следует...

– Областные специалисты – это моя забота. А с выпиской надо бы поторопиться. Сами понимаете, что семья без жены пропадает.

– Ну, вообще-то в понедельник... – начал другой врач.

– Вот и прекрасно, – перебила женщина. – Значит, до понедельника.

Подойдя к диванчику, она опустила на него внушительного вида пакет.

– С днем знаний вас! Это, – жест на пакет, – чтобы было чем отпраздновать. Счастливо оставаться!

Елена Сергеевна внушительным шагом двинулась к выходу, а вслед ей звучали слова приветия и благодарности. Она довольно улыбалась своим мыслям, забыв о врачах. Увидев столбом стоящую напротив дверей «Наталью», радостно воскликнула:

– Все, в понедельник домой! Ты рада?

Схватила за руку, потянула за собой к притворенной двери палаты, где «Наталья» провела уже около двух недель, вошла и со вздохом облегчения опустилась на единственный стул. Потом скинула туфли на высоком каблуке, с удовольствием пошевелила пальцами, со вздохом прогнулась в пояснице:

– Как я устала. Все бегом, все на ногах. У тебя есть что попить?

На колченогом столике стоял пузатый графин и два стакана, но «Наталья» не видела, чтобы за все дни, что она здесь, кто-то менял воду. Она нерешительно двинулась к графину, но тут Елена Сергеевна наклонилась к прикроватной тумбочке и вытащила оттуда коробку, изрисованную заморскими фруктами. Отогнув уголок коробки, она сильными пальцами оторвала его. Махнула рукой «Наталье», чтобы та приготовила стаканы. «Наталья» поставила стаканы тут же на тумбочку, и оранжевая жидкость заполнила их почти до краев.

– Давай за твое выздоровление, дочка, за выписку! – радостно проговорила она. Протянула один стакан «Наталье», а своим легко стукнула, как бы чокаясь. Залпом осушив стакан, она взяла со спинки кровати легкое полотенце и стала обмахивать им лицо и шею.

– Я, пожалуй, разденусь.

Расстегнула жакет, под которым оказалась шелковая кофта на тонких лямках и без рукавов.

– Ты чего стоишь? Пей сок и садись. Я сегодня освободилась пораньше. Посижу с тобой. Соскучилась. Я эти недели и не спала, считай. Только глаза закрою, кошмары снятся: то ты в яму попала, то в поезде уезжаешь от нас, не попрощавшись, то зверь за тобой гонится. Утром встану, голова как чугунная, а в глазах песок. А тут еще печень прихватило, беда просто. Хорошо хоть Евгений сам справляется по дому, а то разве набегалась бы я из конца в конец. Единственно помогла ему Маринку в школу собрать. Сегодня он пошел ее провожать в первый класс, букет шикарный купил. Вот подожди, придут скоро, покажется наша принцесса во всей красе.

«Наталья» слушала женщину, пытаясь представить, что она действительно ее мать. Не могла.

– Что с тобой, что ты как чужая? Чего молчишь? – в голосе женщины слышалась тревога и близкие слезы. – Скажи, что для тебя сделать, чтобы ты ожила?

– Я ничего не помню, – решила заговорить «Наталья». – Ничего и никого. Я только знаю, что вы моя мать, но не помню этого. Может, вы мне расскажите про мою жизнь раньше, до этого...

– Конечно, дочка. Как же я сразу не догадалась. Вот и врач говорит, что тебе надо как можно больше рассказывать, вдруг, что и всплывет в памяти, а там и сама память постепенно вернется.

Никогда не вернется. Потому что ничего со мной не происходило здесь с вами. Я другая, не ваша дочь. Я Анна и все про себя помню. Но говорить об этом мне нельзя.

Елена Сергеевна начала рассказывать об учебе в школе, потом в институте, потом о работе в школе учителем. «Наталья» подумала, что они, очевидно, бедные, раз ей пришлось работать у чужих людей.

Рассказала про покойного отца, сокрушалась, что она у них одна, нет ни братьев, ни сестер.

В коридоре слышались шаги, шум сразу нескольких голосов. Время обязательного сна закончилось.

– Ну, я пойду, у тебя процедуры сейчас... Мы еще поговорим, потом. Обо всем поговорим.

Елена Сергеевна одернула юбку, застегнула жакет, провела рукой по волосам. «Наталья» жадно следила за ней, привыкая к ее резковатой манере двигаться, решительным жестам и сосредоточенному выражению лица. Перед тем, как покинуть палату, «мать» обернулась, окинула любящим взглядом замершую на кровати фигуру «дочери», такую похожую и такую непохожую на прежнюю Наталью. Вроде все как всегда, но откуда эта робость в глазах, почему так безвольно опущены плечи, а голова по-птичьи склонена к правому плечу.

Неужели авария так подействовала на нее? Просто сломала. Смотришь на нее, и самой хочется разрыдаться, прижать бедненькую к груди как в детстве, покачать на ручках, успокаивая и вселяя уверенность в собственных силах.

Впервые Елена Сергеевна видела свою дочь такой слабой, беззащитной, испуганной. А ведь чего только в жизни не было, и всегда Наталья показывала себя бойцом.

Подождет, время лечит. Врачи предупредили, что понадобится помощь психиатра. Я думала, только для того, чтобы помочь память восстановить, а тут вот какое дело... Значит, и врач почувствовал неладное. А вдруг вся слабость как раз оттого, что она ничего не помнит? Наверное, сейчас чувствует себя как на чужой планете, среди неведомых ей людей. Бедная.

Недалеко от истины была Елена Сергеевна. «Наталья» казалась себе листком, оторвавшимся от родимого дерева и гонимого теперь неизвестно куда. Что ждет тебя, листочек, впереди?

Завтра снимут повязку, подумалось «Наталье», сестра говорила, что там шрам небольшой, при желании его можно спрятать под волосами. И хоть тело было чужое, но боль она чувствовала и в душе побаивалась того момента, когда будут снимать швы.

«Наталья» сидела недвижимо на постели. Уставясь в окно, пыталась определить для себя самой, какое чувство она испытывает к своей «матери», Елене Сергеевне. Где-то в глубине ее существа смертельной колючкой сидел страх перед словом «мать», даже ужас. Как будто слово таило в себе опасность для нее.

Чем она меня так напугала и когда успела это сделать? Я впервые увидела ее две недели назад. Кроме заботы и ласки от нее ничего не видела. Почему же, когда она входит, внутри меня все леденеет в ожидании страшного, неизбежного?

А может, этот страх связан не с Еленой Сергеевной, а с матушкой, Анастасией Куприяновой? Но что?

«Наталья» впервые с того дня как очнулась, обратилась к воспоминаниям прежней жизни. До этого ее переживания касались лишь этой жизни, в которой она оказалась не по своей воле. Все ее силы уходило на то, чтобы не умереть от страха перед новым, открывшимся перед нею миром. Теперь страх отступил, и пришло время вспомнить последние события прежней жизни.

Начну сначала, с того, как приехал князь Ногин. Это было неприятно, но страха особого не испытывала. Потом этот ужасный скандал, когда маменька стыдила меня за письмо Владимиру. Было очень обидно, стыдно, но страха не было. Я бы помнила. Дальше помню пруд. Здесь я действительно испугалась собственного отражения. Но ведь оправилась? Надо вспомнить дальше. Что было дальше...дальше.. Не могу. Будто дверь захлопывается передо мной. Не вспомню никак. Может именно за этой дверью и разгадка?

«Наталья» так задумалась, что вздрогнула, когда совсем рядом раздался радостный крик: «Мама!»

Она ничего не успела сообразить, а две ручонки уже обвили ее шею, губы приятно защекотали ухо, что-то ласково бормоча. Потом девочка отстранилась, не разжимая кольца рук, пытливо заглянула ей в глаза, прильнула губами к щеке, к носу, подбородку. Под конец полуоткрытый ротик приник к губам женщины и несколько минут не отрывался, чувствительно придавливая зубами.

– Мапочка! Я в школу пошла. Я теперь первоклассница!

– Потихе, потихе, – послышался от двери приятный мужской голос, – ты маму задушила и оглушила. Здравствуй, Наташа, – Евгений наклонился и поцеловал ее в макушку.

– Здравствуйте, – чуть слышно произнесла «Наталья», уставившись на галстук «мужа» и не смея поднять глаз выше.

– Как себя чувствуешь? Скоро на выписку? – выкладывал на стол различные пакеты и коробки Евгений.

– В понедельник, врачи сказали.

– Теща была у тебя сегодня?

«Наталья» недоуменно вскинула глаза:

– Кто?

– Ну, Елена Сергеевна, спрашиваю, была? Чего удивилась?

«Наталья» промолчала. Потом сообразила, что все еще сжимает девочку в объятиях, и ей это приятно делать. Голова «дочери» пахла незнакомо: наверное, так пахнет улица. Женщина не улавливала присущего ребенку запаха земляники, памятный ей с момента, когда она очнулась после глубокого обморока.

Евгений выкладывал на стол апельсины, разноцветные пакеты. Потом из внутреннего кармана пиджака достал газету и положил на тумбочку.

– Последний номер, проговорил он. – Статья получилась замечательная.

– Статья?

– Ну, да. Твоя статья о матерях пьяницах. Забыла... Прости, – спохватился Евгений.

– Ничего. Я все забыла, – с ударением на «все» ответила она.

– Все? – недоверчиво и в то же время с облегчением спросил «муж».

– Все.

Ей показалось или вправду по лицу Евгения прошла тень. Будто он обрадовался, что она забыла. Интересно, что бы это значило? Есть что-то, о чем мне лучше не вспоминать?

Что ж, будь по-твоему, я не вспомню. Мне это легко сделать.

«Наталья» спокойно глядела на двух близких ей теперь людей – «мужа» и «дочку».

Теперь это моя семья, мне нужно научиться жить с ними, любить их. С Мариночкой проще. Как не полюбить этого ангела? Она своей лаской камень заставит отвечать любовью на любовь. А с «мужем» сложнее, хотя чего уж себе врать. Спасибо неведомой мне Наталье Николаевне, что она вышла замуж за этого красивого и, видать, сильного, доброго мужчину.

Тут «Наталье» пришло в голову, что если она заняла место настоящей Натальи, то, возможно, та заняла ее место. Боже! Теперь ей придется или замуж за старика князя выходить или в монастырь идти. Маменька не отступится. Значит, мне повезло больше, чем ей.

Глаза женщины наполнились слезами. Она заморгала жалостливо, крепче прижала к груди дочку и уже по-другому, как на близкого, поглядела на Евгения. Тот под ее взглядом засмутился, щеки запылали румянцем.

– Знаешь, а ты сейчас посмотрела на меня так, как раньше смотрела, ну лет пять-семь назад.

– Как? – тоже смущенно спросила «Наталья».

– Как родная.

«Наталью» охватило чувство, что впервые она сделала что-то правильно, именно то, чего от нее ждали все эти недели.

– Все у нас будет хорошо, – неожиданно для себя самой произнесла женщина.

Маринка без слов вновь повисла у нее на шее, а Евгений, осторожно присев на край кровати, обнял жену одной рукой, а другую положил на затылок дочери. Так сидели они в молчании и были похожи на потерпевших кораблекрушение путников, которым вновь удалось найти друг друга на чужом берегу. Первой нарушила тишину Маринка.

– Мам, ты погляди на меня. Мне это папа с бабулей купили. Еще портфель с книжками, тетрадками, фломастерами... В машине оставила.

Маринка, встала на цыпочки и прошлась по палате, приподняв пальчиками края темно-голубого платья с бело-серебристым воротничком и таким же пояском. На ногах были белые туфельки с застежками. Волосы девочка были заплетены в две тонкие косички с белоснежными розанами на концах.

– Бабуля говорит, что я просто принцесса, – задрав носик, горделиво проговорила первоклассница. – Тебе нравится?

– Очень, – улыбнулась от души «Наталья», оглядывая с головы до ног это милое создание, которое отныне будет ее дочерью.

Дочь. Марина. Как странно, думала «Наталья». И я уже готова ее полюбить. Раньше обо мне заботились, а теперь мне надо заботиться об этой крошке. И главное, она не должна почувствовать разницы между той матерью и мною. Иначе ребенку будет плохо.

Бедная Наталья Николаевна, чувствуя себя чуть ли не виноватой, подумала «Наталья». Она, наверное, сейчас так убивается, что потеряла всех своих родных, а главное – дочь. Представляю, нет, не представляю, что она сейчас чувствует. Надо думать, горячими слезами заливается, а я здесь сейчас обнимаю и целую ее дочь.

– Ну, о чем ты все время задумываешься, – стараясь не испугать, тихо произнес Евгений. – У тебя взгляд будто внутрь смотрит. Ты вспоминаешь?

– Да, – что еще она могла сказать. – Только все как в тумане: лица, звуки, мысли... Ты не торопи меня.

Евгений еще крепче прижал ее к груди, и поцеловал куда-то поверх бинта.

– Тебе очень больно? – дотрагиваясь губами до виска, выдохнул Евгений.

– Нет, только стягивает висок. Завтра, обещали швы снять. Там посмотрим. Шрам останется.

– Ну и плевать, – ласково проговорил муж. – Подумаешь шрам... Главное ты жива осталась, да не калека..

– А если бы калека, – вдруг проснулось самолюбие в женщине.

– Для меня это не имело бы значения. Но, зная твой характер, я уверен, что ты бы придавала этому особое внимание и наделала бы глупостей

– Каких? – с любопытством спросила «Наталья»

– Боюсь, ты бы проявила никому не нужное благородство и решила бы, что стала ненужной мне. Чего доброго надумала бы расстаться...

– Расстаться? – в недоумении посмотрела на мужа она. – Как расстаться?

Евгений смутился, отошел к окну. Ее реакция была непонятной. Что особенного он сказал? Разве мало примеров, когда семьи рушились из-за того, что один из супругов становился калекой или получал увечье. Вон в прошлом году на заводе авария произошла, мужику лицо сожгло кислотой. Жена вначале спокойно восприняла случившееся, а потом, как узнала, сколько будет стоить лечение да несколько пластических операций, так ни в какую. Развод! А уж если с женой что случается, ну там парализует ее, ампутация или еще что, так мужики долго не думают: всегда находятся соседки или сослуживицы, готовые обласкать несчастного, внушить, что житье с убогой это не житье для мужика.

А она так посмотрела на меня, вроде я ребенка обидел. Чудная она стала взгляд наивный, смущается, когда я прихожу. Мы уж десять лет вместе, а впечатление такое, что недавно познакомились. Что-то случилось с ней, и дело даже не в том, что память потеряла. С нее будто слетела оболочка сильной, решительной женщины. Осталась беззащитная девочка, потерянная, робкая. Неизвестно, к добру ли? Поживем – увидим. Сейчас главное – здоровье. А память вернется. Нет, так проживем.

Евгений смотрел на двух своих девочек и впервые, может, в жизни чувствовал себя хозяином жизни, семьи, защитником. Чувствовал, что именно от него зависит благополучие и счастье его самых близких людей. И он готов сделать все, чтобы им было хорошо и надежно с ним.

Переполненный новыми чувствами, Евгений шагнул к сидящим на кровати и сгреб их в охапку. Они взвизгнули, потом захохотали, забарабанили кулачками по его широкой спине. Он их целовал куда придется: в волосы, ухо, шею, носы. Они отворачивались, но было видно, что это им приятно, и они не прочь продолжить.

– Быстрее бы ты вернулась домой, – почти шепотом проговорил Евгений.

– Мы устроим праздник! – закричала радостно Маринка.

– Ты не беспокойся, я все сам приготовлю, и шампанское куплю! И все у нас будет хорошо!

«Наталья» глядела на него во все глаза. Он был такой красивый, мужественный, и он – ее муж! Можно выбросить из головы противного князя Ногина и этого предателя Щурова. У нее есть муж, о котором девица может только мечтать! И за что мне это счастье?

Тут она опять подумала о Наталье Николаевне, чье место она заняла по прихоти судьбы. Похоже на воровство. Все украла: и мужа, и дочь, и уважение окружающих, их любовь. А надо бы заслужить! Стать такой же, как она была. Сумеет ли она? Хватит ли сил, ума, достоинства? А вдруг не сумеет, они отвернутся от нее, разлюбят. Что делать тогда?

– Наташ, ты о чем задумалась, – прервал ее мысли Евгений. – Нам пора. Мы пошли, а ты тут смотри, будь молодцом. Дай я тебя поцелую.

После ухода Евгения и Маринки «Наталья» долго сидела неподвижно, перебирая в памяти слова, голос, жесты, выражение лица мужчины. В её голове не укладывалось, что она неожиданно-негаданно стала женой такого милого человека.

Вот он уже ушел, а я все еще не в себе. Сердце, того гляди, из груди выпрыгнет. А когда он обнял нас с Мариночкой... Я думала, умру... от счастья и стыда. А когда целовал на прощание, в животе у меня что-то ухнуло вниз и как кипятком обварило. Боже, если мы с ним муж с женой по закону, то должны будем...

Нет-нет, не думать об этом, а то с ума сойдешь. Надо думать о чем-то не таком волнующем. Ну, например... Да вот хоть о Владимире! Ох, и подлец он оказался, истинно, подлец!

«Наталья» стала вспоминать свидания с миловидным соседом. Вот они встречаются у садовой калитки, вот сидят на берегу пруда, вот у качелей. В голове даже какие-то стихотворные строчки мелькнули.

Какая же она была глупая! Видела в нем героя, а на деле оказался он... Бог с ним! Не о нем сейчас нужно думать и даже не о том, что он предал её. Ей теперь думать надо, как жить в новой жизни, как стать родной новым своим родственникам, как лечь в одну постель со «своим мужем».

Снова стыд и какое-то неведомое ей чувство охватили её. Она закрыла ладонями запыхавшие щеки, потом поднялась, подошла к столу и взяла запотевшую бутылку с водой. Но даже ледяная и влажная поверхность бутылки не охладила жара щеки. Тогда она решительно открутила крышку, и пенящаяся жидкость потекла в стакан. Со стороны ей казалось, что она наливает бесцветное шампанское. На вкус вода оказалась кисло-соленой и чересчур щипала язык и нёбо. Но она унимала жар и проясняла мысли.

Что это я себя так извожу? Подумаешь, муж! Все равно меня отдали бы замуж за этого урода князя Ногина. Но судьба смилостивилась надо мной и дала хорошего человека, о каком я и мечтать не смела. Мечтала о Владимире! Боже, да их и сравнить нельзя! Смешно думать, что я сейчас стала бы страдать от разлуки с Владимиром.

Евгений, Женя, Женечка! Имя нечаянного «мужа» переливалось ручьем, звучало, как полет шмеля в знойный полдень, пахло резедой и свежескошенным сеном.

Я полюблю тебя, муж мой, я почти люблю тебя, нет, я точно уже люблю тебя!

«Наталья» тихо засмеялась своим мыслям.

– Какая я все-таки счастливая! – вслух произнесла «Наталья» и закружилась вокруг себя, раскинув в стороны руки и крепко зажмурив глаза.

– Ну вот, а мне сказали, что ты на грани жизни и смерти, – раздался вдруг голос от двери.

«Наталья» от неожиданности вскрикнула, сжалась вся в комок, испуганно глянула на вошедшего. Вернее сказать, на вошедшую, потому что в палату вошла женщина. Она стояла в дверях, одной рукой небрежно придерживая дверь, а другой – прижимая к груди огромный пакет.

– И долго ты меня будешь рассматривать, подруга? – проговорила гостья и, не дождав-шись приглашения, шагнула в палату. Со стуком поставила пакет на стол, придерживала готовое вырваться из бумажного плена краснобокое яблоко и тяжело опустилась, вернее, рухнула на единственный стул, который под ней жалобно пискнул.

– Уф-ф-ф, – женщина откинула голову и блаженно прикрыла глаза. – Сентябрь, а жарит, как в июле. Окно открой.

– Что? – «Наталья» не отошла еще от неожиданного вторжения.

– Окно открой, говорю, – гостья замахала на себя обеими ладошками. – Черт меня дернул сегодня эту юбку надеть.

Тут она открыла глаза и уставилась на «Наталью». Видно, что-то насторожило её в облике больной, и она медленно поднялась со стула, подошла к «Наталье», взяла её за плечи и пристально посмотрела ей в лицо.

– Значит, это не туфта, что мне сказали. Значит, и правда, амнезия. Бедная моя Наташка! – гостья вдруг крепко обняла «Наталью», прижала к себе.

Она вздыхала, постанывала как от зубной боли, гладила рукой по голове, плечам. Потом отстранилась, еще раз поглядела в лицо.

– Я – Нина, Нинель Шахова, твоя подруга. Мы с тобой со школы дружим. А ты забыла, – Нина горестно махнула рукой и снова села на стул.

Они рассматривали друг друга. «Наталья» видела перед собой высокую, худощавую женщину с орлиным профилем и крупным, красивым ртом. Рот был в оранжевой помаде в тон костюму из блестящей кожи. Юбка едва закрывала бедра, широкий металлический ремень

украшал короткий пиджак с множеством блестящих металлических застёжек. Под пиджаком – короткая маечка, открывающая пупок. Длинные стройные ноги оканчивались длинноносими туфлями на тонких каблуках и со стразами на подъеме. Волосы женщины были коротко пострижены и представляли модное сочетание: снизу черные, сверху белые. Металлические кольца в ушах и на запястьях завершали портрет Нинель Шаховой.

Гостя в это же время никак не могла взять в толк, что её так смутило? Вроде ничего и не изменилось в Наталье, может, взгляд какой-то потерянный. Но это не мудрено после такого удара в висок. Взгляд незнакомого человека. Точно! Но нет, что-то еще. Что? Что? Не только взгляд, но и все лицо стало таким...таким...беззащитным, можно сказать, детски беззащитным. Как будто молодую артистку загримировали под пожилую. Да-а-а, дела-а-а!

Нинель дотянулась до руки «Натальи», крепко сжала ей пальцы.

– Ничего, всё наладится. Вот увидишь! – она широко улыбнулась. – А знаешь, меня не хотели пускать к тебе. Пришлось очаровывать дежурного врача.

– Как? – тоже заулыбалась «Наталья».

– А вот так! – Нина томно завела очи, распустила рот в сладкой улыбке, выгнулась в пояснице так, что груди чуть не выпали из тонкой майки. – До-о-окта-а-ар, не-э-э аткажи-и-и-ите даме в лубезнасцы...

«Наталья» взмахнула руками и засмеялась. А гостя смотрела на смеющуюся женщину и не могла поверить, что два месяца назад той исполнилось тридцать пять. Молодая девушка все явственнее проглядывала в знакомых чертах Наташки Бегуновой.

– Я тебе поесть принесла, – сказала Нинель. – Знаю я, как здесь кормят. Тут сервелат финский, хлеб, помидорки, пиво баночное... Хотя тебя, наверное, Елена Сергеевна закармила, признайся?!

«Наталья» качнула головой.

– Кстати, подружка, а ты похудела. И халатик на тебе новый... Женька что ли купил? У вас с ним как сейчас, ничего?

«Наталья» неуверенно кивнула.

– Вот и хорошо! – Нина полезла в маленькую сумочку, висевшую на плече, достала зеркало, помаду. – М-м-м-м, Женька – мужик классный! М-м-м-м, не проворонь, м-м-м, – закончила она красить и размазывать помаду на губах.

Она придирчиво исследовала каждый миллиметр своего лица, осталась довольной и удовлетворенно выдохнула.

– И даст же Бог такую красоту!

Потом она подошла к столу, взяла бутылку с водой и, проигнорировав стакан, стала пить из горлышка.

– Как хорошо! – поставила пустую бутылку на стол. – Слушай, Наташ, ты не обижайся на меня, если я глупость скажу, но все-таки, неужели ничего и никого не помнишь, а? Вот ни капельки? – она увидела, как напряглась «Наталья», и устыдилась своей нескромности. – Ну, блин, дела!

Больше о потере памяти они не заводили разговора. Нина рассказывала о делах в редакции, о том, кто и что думает об аварии, передала слова главного «ждем, не дождемся» и под конец выдала нерешительно:

– Сергей несколько раз звонил, я сказала, что ты в больнице. Объяснять ничего не стала, подумала, сама сделаешь, если желание будет.

– Сергей? – никто в семье не упоминал этого имени. – Кто это?

Нинель прикусила нижнюю губу.

– Да так, знакомый общий, раньше в редакции у нас работал. Коллега, короче. – А потом без всякого перехода, – Знаешь, я решила машину не покупать. Уж если ты, такая осторожная и внимательная, в аварию влетела, то что про меня говорить. Да я на третий день раздолбаю всю

машину, и сама останусь без рук и ног. Не-е-ет, решено! Никакой машины, лучше евроремонт в квартире сделаю на эти деньги. Одобряешь?

«Наталья» не знала, что ответить, поэтому просто улыбнулась.

– Меня в понедельник домой отпускают.

– Здорово! А когда больничный закроют?

Простой вопрос вызвал странную реакцию у «Натальи». Она поглядела вначале на дверь, потом на окно, потом робко взглянула на Нинку.

– Что закроют?

– Так ничего, проехали. Когда на работу планируешь?

– Не знаю, – совсем смешалась «Наталья». – Угощайся, – она протянула руку к тумбочке, где в широкой белой тарелке с выщербленными краями лежали яблоки, бананы, гроздь винограда и пара персиков.

Нинель отщипнула виноградину, кинула в рот и сморщилась.

– Кислятина.

– А мне нравится. И Мариночке тоже. Только она не хочет брать, говорит, что фрукты больным приносят. А какая я больная? Вот только, – «Наталья» подняла волосы на виске и показала ярко-розовую подкову шрама. – Еще память, правда. Но врачи надеются, что память восстановится.

– А ты сама? – тихо спросила Нина.

– А я не надеюсь, – также тихо ответила «Наталья».

При этом она посмотрела на гостью так, что у той мурашки по спине побежали. Будто дверь открыли в подzemелье. Шестое чувство подсказывало подруге, что здесь не такой простой случай, как амнезия. Здесь, если это возможно, конечно, подмена одной личности другою.

Здесь что-то непонятное, размышляла Нинка Шахова, автоматически отщипывая ягоду за ягодой и глотая, не чувствуя их кислого вкуса. Наталью она знает с пятого класса, пять лет за одной партой просидели, да окно в окно всю жизнь, считай, прожили. Не то что пуд соли, а три съели за эти годы. Видела она Наташку и знает её во всех проявлениях, во всех лицах. Не было у нее такой тайны, которую бы подруга на другой день не знала. Но человек, что сидит сейчас перед нею не Наташка.

Голову на отсечение даю! Хорошо, а кто же это?

«Наталья» видела, что её «подруга» в большом затруднении, но ничем помочь не могла. Разве только рассказать всю правду?! Но кто поверит в то, что произошло с нею, Анной Лыковой и неведомой Натальей Бегуновой? Скорее поверят в то, что она сошла с ума, и упекут в сумасшедший дом. Тут и жизни конец!

Нет, не будет этого! Я стану настоящей Натальей Бегуновой, и никто не усомнится в том, что я – это она!

Последние два дня перед выпиской для «Натальи» пролетели незаметно. С утра одна из нянечек принесла ей роскошный букет и короткую записку: «Желаем скорейшего выздоровления и возвращения. Коллеги».

– С работы? – поинтересовалась нянечка. – Красивый. И дорогой, наверное.

Она шаркнула влажной тряпкой по столу, тумбочке, потерла дверь у ручки и, тяжело осаживаясь на пятки, вышла из палаты.

Букет резко контрастировал с убогой обстановкой палаты, благоухал и рождал в душе «Натальи» странное чувство: будто в четыре каменные стены ворвался кусочек природы и пообещал радость и счастье впереди.

Она подошла к столу, обняла двумя руками прохладные стебли и, закрыв глаза, глубоко втянула в себя смешанный цветочно-земляной аромат. На некоторых бутонах были видны прозрачные капли то ли росы, то ли поливной воды. Одну каплю «Наталья» тронула пальцем и размазала по бархатистой поверхности лепестка.

Она всегда была равнодушна к цветам, даже самым простым, полевым и незаметным. В её комнате рядом со свежее срезанными букетами оранжерейных цветов часто соседствовали букетики васильков, собранные у ржаного поля, или кувшинки из пруда.

Странно, но этот роскошный букет от коллег она восприняла как привет из той, прежней и потерянной жизни.

– Здравствуйте, цветочки, – ласково проговорила «Наталья». – Если бы вы знали, как мне хочется на волю, в сад или в лес. Но я боюсь того, что меня ожидает за этими толстыми кирпичными стенами. Я и в окно ничего не вижу – одни деревья. – Она помолчала, словно ждала от цветов ответа. – Скажите, цветочки, там страшно?

Но цветы молчали, гордые своей красотой и благоуханием.

В то время как всех позвали обедать, её позвали к телефону. Она уже знала, что зеленое приспособление с изогнутой трубкой это телефон, который позволяет разговаривать с человеком, который находится далеко отсюда. В первый раз, помнится, её это так поразило, что она не разобрала ни единого слова, оглядывалась, пытаясь увидеть того человека, чей голос раздавался так близко. Верно, вид у неё был дурацкий, потому что медсестра, которая пригласила её к телефону и теперь что-то быстро писала в толстой тетради, приснула.

– Трубку к уху приложите и слушайте, – она показала, как нужно это делать.

«Наталья» прижала прохладную трубку и вдруг ясно услышала голос Елены Сергеевны:

– Доченька, Наташа, ты меня слышишь? Что молчишь? Тебе плохо?

«Наталья» глупо улыбалась и молчала. Медсестра, видимо, забеспокоилась и забрала у нее трубку.

– Алло! Это дежурная медсестра. Больная вас слышит, но почему-то не отвечает. Подождите, я ей объясню.

Медсестра с укором посмотрела на странную больную, которая не знала, как пользоваться телефоном, потом, наверное, вспомнила, что у пациентки тяжелая форма амнезии.

– Держите трубку вот так. Из верхней части до вас будет доходить голос вашего собеседника, а вот в эти дырочки вы говорите, и вас услышат. Поняли? Попробуйте.

«Наталья» вновь приложила трубку к уху и услышала: «Алло!» Тогда она тоже тихо произнесла: «Алло».

– Слава Богу! Наташа, ты меня напугала. Чего молчишь? – долетал взволнованный голос Елены Сергеевны. – Я тебе звоню, чтобы предупредить, что приду поздно. Я на работе задержусь. Ты меня слышишь?

– Да.

Елена Сергеевна еще что-то говорила и объясняла. «Наталья» так крепко сжимала в руке трубку, что та нагрелась. На каждую фразу «матери» она повторяла как заведенная: «Да», «Да», «Да». Потом в трубке послышался прерывистый писк, а голос пропал. «Наталья» отвела трубку от уха и робко положила на стол. Рука медсестры немедленно переложила её на зеленую же подставку.

– Все нормально? – спросила девушка, с сочувствием глядя на странную пациентку. – Всякое в жизни бывает. А телефон – это ерунда.

«Наталья» согласно кивнула головой.

И вот опять звонок от Елены Сергеевны. Но теперь уже у «Натальи» был опыт общения по телефону. Поэтому она внимательно вслушивалась в чуть резковатый голос издалека и отвечала. «Мать» звонила, чтобы предупредить, что не придет, а завтра принесет одежду.

– Я тебе серый костюмчик принесу, ладно? Ой, что это я говорю... В общем, жди и не скучай. Поесть принести что-нибудь?

– Не надо, у меня все есть.

– Тогда пока.

Возвращаясь в палату, «Наталья» радовалась тому, что быстро научилась пользоваться телефоном. Кстати, за то время, что она пробыла в своей отдельной палате, она мысленно настроилась на то, что постепенно освоится с новой для нее жизнью, необычными вещами и предметами. Она уговаривала себя быть смелее, решительнее, не страшиться, если на первых порах ей будет трудно.

А еще она стала много читать. Однажды Евгений принес ей книгу в красной твердой обложке.

– Держи, новый роман Марининой. Я сам еще не успел прочитать, но слышал, что ничего.

После его ухода она открыла книгу. Шрифт непривычный, нет некоторых букв, и очень мелко напечатано. Прочтя несколько строк, «Наталья» отложила книгу – она практически ничего не поняла. Вроде и по-русски, а в то же время непонятно.

Но эта книга натолкнула её на хорошую мысль: надо попросить Евгения принести книги, написанные в её время, то есть в начале девятнадцатого века.

«Наталья» знала уже, что попала в двадцать первый век, а год на дворе 2002. Двести лет пролетело с того дня, когда она...

А что она? Уснула, умерла? Что случилось с ней такого, что она оказалась в будущем, слишком далеком будущем? Почему она все помнит, всю свою жизнь, но не помнит последнего часа там? Что случилось с её телом? Неужели в нем теперь поселилась душа Натальи Бегуновой, как она поселилась в её теле? Неисповедимы пути Господа. Чудо, просто чудо!

О том, в каком году она оказалась, «Наталья» ни у кого не спрашивала, чтобы не вызывать недоуменных или жалостливых взглядов. Однажды она бродила по больничному коридору, рассматривала картинки, где изображались человеческие органы, были написаны разные правила и предостережения. Картинки были неуклюжие, словно нарисованные детской рукой. Но одна картина заинтересовала её. На ней был изображен Московский Кремль. На фоне голубого неба над Кремлем золотом сиял 2002 год, а под изображением Кремля аккуратными рядочками располагались дни всех двенадцати месяцев.

Вот так она определила, в каком времени находится. После этого открытия она попросила Евгения принести ей книги той далекой эпохи, в которой прошли почти 18 лет её жизни.

– Ты чего это? В школе не надоело классику проходить? – засмеялся «муж». – Или... – остановился он, – забыла?! Слушай, извини, я не подумал об этом, – лицо Евгения покраснело, – конечно, принесу. Давай тогда по порядку, а? С Пушкина начнем.

И уже на следующий день принес толстый том, на обложке которого стояло имя автора А.С. Пушкина. Сказать, что ей понравились стихи, поэмы и сказки Пушкина, это, значит, ничего не сказать. Она не выключала свет всю ночь до утра. Она читала, упивалась, наслаждалась! Это был её мир, её жизнь! Здесь было все понятное и близкое. Над некоторыми строчками она плакала, над другими смеялась, и ни одна не оставила её равнодушной. Она влюбилась в неведомого ей Пушкина и не могла представить, что на свете существует что-то лучшее.

Когда по коридорам зашлепали шаги проснувшихся больных, слышались строгие голоса медсестер, зовущих на уколы, «Наталья» заснула. Она спала, крепко прижимая книгу к груди, словно боялась, что её у нее заберут или украдут. Во сне её преследовал образ поэта, который чем-то напоминал ей брата Павла, хотя на первом листе книги и был помещен портрет автора. Прочтя очередное стихотворение, она возвращалась к началу книги, и вновь на нее смотрел смуглолицый и кудрявый человек с печальным взглядом и иронически сжатыми губами.

...Последний вечер в больнице. Завтра она выйдет отсюда, чтобы окунуться в новую жизнь. Страшно. Пока она находилась в больнице, о ней заботились, говорили, что и как нужно делать. Её жизнь проходила между уколами, приемами лекарств, осмотрами врачей, посещениями.

За это время она изучила всех врачей, медсестер и нянечек в отделении. Правда, ни с кем из персонала или больных она не общалась, предпочитая чтение и долгие размышления.

Её новая семья и подруга Нина приходили каждый день и вселяли в нее уверенность, что все будет хорошо, все наладится. Нужно только время.

Если Евгений приносил по её просьбе книги русских классиков, то подруга снабжала иллюстрированными журналами. По ним «Наталья» привыкала к необычному виду современного города, к удивительным фасонам одежды, любовалась стройными силуэтами автомашин. Иногда в журналах печатали рецепты замысловатых блюд, она их запоминала, чтобы впоследствии приготовить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.